

Андрей Матвеев

Избранное. Фантастика и не только.

Андрей Матвеев

**Сказки Звёздного бульвара
Севастопольские сны**

Андрей Матвеев

**Сказка Звездного бульвара.
Севастопольские сны**

«ИП Астапов»

2021

Матвеев А. Б.

Сказка Звездного бульвара. Севастопольские сны /
А. Б. Матвеев — «ИП Астапов», 2021

Сборник включает лучшее из трёх предыдущих книг разных лет, а также произведения, созданные совсем недавно. Одни из них – остросюжетные фантастические приключения и глобальные космические катастрофы на высоком научнотехническом и философском уровне. Другие – забавные, но поучительные сказки с политическим подтекстом. Иные – душевные воспоминания, байки, песни. Ниспосланные человеку чудеса – это награда, наказание или испытание? Трагическое и комическое, как и в реальной жизни, всегда идут рядом, а за пустяковым событием может скрываться глубокий космологический смысл. Автор – один из немногих, принятых в Союз писателей единогласно. Парадоксальная фантастика этой книги – не самоцель, а своего рода литературный приём, позволяющий получше разглядеть реальность, ведь именно она, наше прошлое и будущее, и есть настоящая фантастика!

© Матвеев А. Б., 2021

© ИП Астапов, 2021

Содержание

Одиссея “Командора Визбора”	6
Глава 1	6
Глава 2	12
Глава 3	20
Глава 4	29
Глава 5	44
Глава 6	63
Глава 7	68
Глава 8	76
Глава 9	80
Глава 10	88
Глава 11	94
Глава 12	104
Глава 13	109
Глава 14	119
Глава 15	133
Глава 16	136
Глава 17	141
Глава 18	146
Конец ознакомительного фрагмента.	152

Андрей Матвеев
Сказки Звёздного бульвара
Севастопольские сны. Избранное.
(Фантастика и не только)

© А.Б.Матвеев. 2000 г.

© А.Б.Матвеев. Оформление, обложка. 2021 г.

Одиссея “Командора Визбора”

Это не фантастика. Это уже случилось. В будущем.

Глава 1 Два открытия

Всё началось с одного, казалось бы, ничем не примечательного события. Мелкие астероиды и кометы, как впрочем, многочисленные звёзды и галактики открываются теперь довольно часто. Астрономы всего мира уже давно перестали ломать голову над новыми именами этих объектов, а просто присваивают им соответствующие номера как автомашинам и заносят в пухлые каталоги. Александр Александрович Щербаков, один из сотрудников Крымской Астрофизической Обсерватории, не пытался ответить на извечный вопрос: “Сколько звёзд на небе?” Он просто добавил ещё одну.

Сан Саныч – так величали его сослуживцы – был человеком невезучим. Скорее всего, из-за своего мягкого характера и слишком уж колеблющегося знака Зодиака – он был “Весы” по рождению. Профессию выбрал поздно, к своим сорока семи годам, хоть и прослыл энциклопедистом, ничего значительного не совершил, работал на чужие открытия и изобретения. Его более шустрые соратники быстро выдвигались и, подобно ракетам, исчезали в заоблачных высотах карьеры.

Первая любовь у Сан Саныча, наверное, как у девяноста девяти процентов людей была неудачная. Детей не было.

Больше всего он любил свою работу. До самозабвения. Может быть, именно потому, что она позволяла забыть обо всём остальном. Астрономы – это люди, которые живут “не совсем на земле”.

То утро началось как обычно. Не хотелось вылезать из постели. Горячего чайку. Дорога на обсерваторию в “Москвичке”. Обмен новостями с коллегами. Привычно просматривая ночные фотографии звёздного неба с телескопа, он испытывал такие же чувства, как покупатель в магазине, получающий на сдачу лотерейный билет – выигрыша не будет! Но где-то глубоко-глубоко в сознании, просто как дань уважения теории вероятности, еле слышным колокольчиком позванивала микрочастичка надежды. Просмотрев фото, он уже сделал два шага к двери, но вдруг замер как вкопанный: “Не может быть! Чёрточка!”

Он сразу нашёл эту фотографию. Да, сомнений быть не могло, среди бесчисленных точек – звёзд ночного неба – в необычном месте красовалась одна еле заметная малюсенькая чёрточка! Это означало, что “пойман” какой-то объект, перемещающийся относительно неподвижных звёзд. Ведь телескоп автоматически отслеживает суточное вращение небесной сферы, и все движущиеся относительно неё объекты оставляют на фотопластинке не точечный, а линейный след.

Мысли в голове закопошились как растревоженные муравьи. Будто спустивший на ходу баллон, застучало сердце. Надо посидеть, успокоиться, перевести дух. Возможно, это – открытие! В своём воображении он проделывал это уже много раз – открывал то астероид, то комету, то вспышку “сверхновой” звезды... Тщательная проверка. Определение траектории или расстояния. Мучительный поиск названия. Оформление заявки. Занесение в каталоги. Поздравления друзей. Теперь это всё предстояло наяву. Сан Саныч встрепенулся и, бодро распевая про себя: “...Вперёд и вверх, а там – ведь это наши звёзды – они помогут нам!” – помчался к своему лучшему другу Женьке.

Женька, точнее, Евгений Борисович, был математиком. Как и все одарённые математики, “всплыл” рано. Доктор, профессор, лауреат. Но иначе, как задушевым парнем назвать его было нельзя. Он с радостью взялся за расчёт траектории. Связались с другими обсерваториями, но там объект по разным причинам не был замечен. Только на вторые сутки было получено подтверждение. В объект “вцепилось” несколько телескопов, траектория в первом приближении была рассчитана, а истомлённый ожиданием Сан Саныч услышал в телефонной трубке весёлый голос Женьки: “Сан Саныч, ты, кажется, преподнёс науке небольшой сюрприз. Твой астероид или комета – кстати, как ты её назвал? – летит в наши объёты и пройдёт от Земли на расстоянии всего лишь миллиона с небольшим километров!”

Никогда ещё Сан Саныч не испытывал такой жажды работать, как теперь. По крупному счёту, всё ещё только начиналось. Уже через три дня он проснулся “всемирно известным учёным”. Большинство газет, особенно на Западе, пестрели сенсационными сообщениями: “Великолепное космическое представление!”, “Посланница богов!”, “Нашлась потерянная планета?”, “Таинственный корабль бездны”, “Космический подарок русского учёного”. Непривычно было смотреть на самого себя, с умным видом смотрящего с первых страниц газет и телеэкранов. На явно отретушированной фотографии, раздобытой ловкими корреспондентами, вероятно, в отделе кадров, застыл какой-то монстр мысли.

На обсерватории царило оживление. Сеть радиотелескопов очень быстро нарисовала космический “портрет неизвестной”. Незнакомка оказалась маленькой планеткой или астероидом с каменистым ядром и толстой корой льда с примесью замёрзших газов и пылевых частиц. Она быстро вращалась вокруг своей оси и двигалась по чрезвычайно вытянутой орбите вокруг Солнца с периодом обращения порядка сотен тысяч лет. С полным правом, её можно было классифицировать и как гигантскую комету, ведь она двигалась по орбите, характерной для комет, и, подобно им, должна была “оживать” под действием солнечных лучей, окутывая себя атмосферой паров и газов и распуская по небу шикарный газопылевой хвост. Само слово “комета” произошло от греческого “длинноволосая”.

Открытый объект был совсем не рядовой, поэтому Сан Саныч, немного попотев, дал ему имя Анастасия, что означало “возрождающаяся”.

Анастасия должна была пролететь мимо Земли на расстоянии одного миллиона километров. Это всего лишь втрое больше расстояния до Луны. Учитывая её диаметр более трёхсот километров, возможную протяжённость атмосферы и хвоста в миллионы километров, не трудно было себе представить всю грандиозность предстоящего зрелища. В 1882 году, например, хвост гигантской кометы Холмса простирался на 300 миллионов километров, что вдвое превышает расстояние от Земли до Солнца. На Земле и около давно не происходило ничего столь впечатляющего. Комета Галлея истощилась. К землетрясениям, извержениям, наводнениям, затмениям и прочему давно привыкли. Впечатления от лунных экспедиций и снимков космических зондов поблекли от времени. А тут такое!

Сан Саныч сразу почувствовал, что такое слава. Его “вес” моментально увеличился в тысячи раз. Все искали с ним встречи, хотели получить информацию об Анастасии именно от него, хотя и другие учёные с многих обсерваторий мира уже обладали массой интересных данных. Вскоре был образован Международный Комитет по изучению Анастасии, куда Сан Саныч, разумеется, был приглашён. Теперь для него открывался весь научный мир.

Поначалу казалось, что “Комитет по изучению...” – организация несерьёзная, собрание мечтателей, научных фантастов и прожектеров. Но затем, не без активного участия “первооткрывателя”, работа вошла в конструктивное русло и на межправительственном уровне была принята мощная международная Программа. Помимо координированного изучения тела с помощью сети наземных и космических телескопов, при тесном взаимодействии США, России, Японии, Франции, Канады, Китая, Германии и ряда других стран, планировалось послать навстречу комете сначала две пролётные станции для детальной разведки, затем посадить на

её поверхность зонд. В рамках Программы, США и Россия срочно прорабатывали возможность использования одного из готовых пилотируемых космических аппаратов для сближения с небесной гостьей. Посадка на Анастасию вряд ли была возможна из-за её слишком большой скорости относительно Земли и высокой метеоритной опасности вблизи неё. Ведь многие из наблюдавшихся комет “приводили” за собой метеорные рои, подобно комете Биэлы, открытой в 1826 году и многократно осыпавшей Землю метеорными дождями.

В средствах массовой информации, далёких от научных кругов, высказывались и бредовые идеи – с помощью точечных ядерных ударов изменить орбиту кометы и оставить её навсегда в окрестностях Земли для изучения и даже для последующего использования её недр. Подобные предложения мешками присылались в Комитет и по началу вызывали у Сан Саныча бурное возмущение. Он окрестил подобных “предложенцев” звёздными вандалами и готов был вцепиться в глотку любому, вознамерившемуся попортить его Анастасию. За это в шутку Женька как-то раз назвал своего друга и его комету женихом и невестой. Так потом и пошло.

Прогрессивное человечество восприняло проекты, связанные с небесной гостьей, как блестящую возможность плодотворного мирного сотрудничества взамен изнуряющей гонки вооружений и острой экономической конкуренции, граничащей с боевыми действиями. Повсюду создавались комитеты содействия, собирались немалые средства. Предприимчивые коммерсанты с выгодой использовали ситуацию. Товары с кометной символикой в одночасье наводнили прилавки. Всё, что хоть как-то могло сделать человеческий глаз вооруженным, мгновенно сметалось покупательским ураганом: бинокли, подзорные трубы, телескопы, даже винтовочные оптические прицелы и приборы ночного видения. Отлично расходились дорогие фотоаппараты с телевиками и видеокамеры. Неожиданно Сан Саныч стал что-то вроде коммерческого директора Анастасии. Поистине чудесным образом у него откуда-то завелась огромная куча денег. Сан Саныч всегда боялся считать деньги – вдруг, не хватит. Теперь он понял, что обеспечен на сотню жизней. Это дало ему, прежде всего, ярчайшее осознание того, что жизнь человеческая страшно коротка. Мыслимо ли потратить для себя такую уйму денег?! Поэтому поступил очень просто. Во-первых, купил и подарил своей первой любви серебристый “Мерседес”, во-вторых, приобрёл небольшой домик с клочком земли у самого моря вместо своей ветхой квартиры в пятиэтажке, в-третьих, в старом правительственном гараже за весьма умеренную цену раздобыл бывший в длительном употреблении, но прекрасно сохранившийся короткий ЗИЛ-117 – голубую мечту молодости. Оставив себе на всякий случай денег на две весьма достойные жизни, остальные средства и привилегии пожертвовал в пользу своей обсерватории и коллектива сотрудников.

“Теперь у меня есть всё необходимое. Мне ничто не мешает. Я должен работать с полной отдачей”, – решил для себя он и с головой окунулся в исследования.

Приближение гигантской кометы-астероида, вопреки издавна сложившейся дурной традиции, не принесло подавленности и паники, наоборот, повсюду господствовало приподнятое настроение, оживление в делах. Мало бы кто взялся объяснить, почему заметно снизилась преступность и терроризм, почему забила ключом культурная жизнь, больше стало заключаться браков и покупать новых автомобилей. Бойкое телевидение целиком было заполнено телесериалами и боевиками с главной героиней Анастасией. Сонмища вероломных пришельцев из другой цивилизации пытаются захватить Землю, но её героические защитники и, особенно, грудастые полуобнажённые блондинки с помощью лазерных мечей, нейтронных бластеров, крупнокалиберных винчестеров и прочего сверхоружия грациозно отбивают нашествие. Последняя горстка интервентов во главе со сногшибательной брюнеткой, на бегу теряя остатки одежды, с позором покидает Галактику.

Бурно дебатировался вопрос о действительной возможности разумной жизни, её остатков или своего рода “замороженной первожизни” на Анастасии. Ведь она большую часть времени своего существования находится на периферии Солнечной системы, в так называемом

облаке Оорта – области, где в виде каменисто-ледяных кометных ядер сконцентрировалось наиболее летучее вещество, выметенное туда на ранней стадии формирования Солнечной системы под действием излучения рождающегося Солнца и “гравитационным катапультированием” со стороны протопланет. Существенная часть этого облака старше Земли. Такое крупное тело, как Анастасия, притянуло и вобрало в себя большое количество вещества облака, в то же время, его масса не столь велика, чтобы начался сильный разогрев недр. Это – настоящая естественная морозильная камера длительного хранения! Приближаясь к Солнцу, камера как бы раскрывается, под действием солнечного тепла жизнь возрождается, засеивая атмосферы других планет спорами вирусов и бактерий. Захватив, в свою очередь, образцы земной жизни, комета удаляется в спячку на долгие сотни тысяч лет. Ближайшие к нам звёзды своей гравитацией возмущают облако Оорта, отнимают у него часть вещества и добавляют своё. Вполне имела право на существование гипотеза о том, что Анастасия когда-то могла принадлежать не нашей Солнечной системе. А может, это спутник одной из планет-гигантов, потерянный миллиарды лет назад? Во всяком случае, вопросов было больше, чем ответов. Всё это и вызвало такой повышенный интерес.

Не оставили новую комету без внимания и военные. Один из высокопоставленных чиновников Пентагона заявил, что нет лучшего момента, испробовать в космосе боеспособность противоракетной обороны. Реакция на это заявление даже в США была настолько язвительной, что этот ястребок, сложив крылышки, вынужден был незамедлительно подать в отставку. Но вот о создании некоей международной службы, способной заблаговременно обнаруживать и отводить от Земли и её космических станций метеоритную и кометную опасность, говорили всерьёз. Эта же служба, к примеру, под эгидой ООН могла бы взять на себя функции контроля за невыведением в космос объектов военного назначения.

Вскоре Сан Саныч и ещё ряд членов Комитета посетили предприятия, где создавалась “начинка” двух разведчиков и станции посадки. Работы велись ускоренными темпами, графики почти без исключения соблюдались, страны-участницы соревновались между собой в быстроте и качестве. Было решено также установить на комете космический маяк, рассчитанный на сверхдлительный срок службы. В заглубляемой герметичной капсуле находились сведения о человеческой цивилизации. Некоторые пессимисты, правда, высказывали сомнения, а нужно ли кричать о себе во Вселенной? Что, если на этот зов ринутся завоеватели?

Фортуна, которая теперь, по всему, повернулась к Сан Санычу лицом, вскоре преподнесла ему ещё один сюрприз.

* * *

ЗИЛ, плавно покачиваясь, плыл по извилистому шоссе. После очередного сверхнасыщенного рабочего дня Сан Саныч возвращался домой. Голова его была переполнена мыслями о комете и обсерваторскими заботами. Чтобы немного развеяться, он решил по пути заехать на свой любимый пляж. Подъехал. Привычным движением пододвинул под колёса камни, разделся, поёживаясь от вечерней прохлады, и, спустившись по невысокому откосу, вошёл в воду. Парное молоко обволокло тело. Набрав воздуха, пронырнул под водой метров пятнадцать и, отдуваясь, проникновенно произнёс своё обычное: “Ух, благодать!” Доплыл до своего потайного камня, обнажавшегося только в сильный шторм, достал до него ногами и, распластав руки в стороны по поверхности воды, неподвижно завис в вертикальном положении. Стемнело. Загадочные звёзды сияли в бездонном небе и отражались в притаившейся воде. Невесомое тело Сан Саныча парило в звёздной бездне! Вот она, моя Вселенная, мой дом без крыши и запоров, обиталище Разума, бескрайняя зона свободного полёта мысли... С неба упала звёздочка. Он успел загадать что-то неопределённое, но очень хорошее и светлое. Потянул ветерок с гор. Оттолкнувшись что есть силы от камня, выпрыгнув из воды на полкорпуса, Сан Саныч

сделал свой обычный спурт до берега. Выходя из воды “с иголочками по всему телу”, он почувствовал себя, в который раз, победителем заплыва из Турции.

“Не потому ли все люди, а особенно дети, так любят воду, – подумал Сан Саныч, – что она напоминает им давно забытую родину – космос?”

Быстро одевшись, застёгивая пуговицу на куртке, привычным движением подsunул ногу под колесо... камня под ним не оказалось! Из-под остальных колёс камни тоже были вынуты и лежали рядом.

“Вот, чудеса!” – промелькнуло в мозгу.

Тут он заметил, что мотор заработал, а навстречу ему медленно открывается правая дверца, всунул голову внутрь и обомлел. За рулём сидела девушка неземной красоты. Нежные, но смелые черты лица, тонкие брови, тёмные волосы, забранные в тугой узел. Точёное тело подчёркнуто закрытым купальником неопределённого цвета. Сан Саныч медленно опустился на сиденье.

Дверца захлопнулась от мощного броска автомобиля вперёд. Тяжёлый ЗИЛ, волчком развернулся на месте, мотыльком выпорхнул на трассу и птицей полетел по шоссе. Знакомые места вдоль дороги, выхватываемые светом фар, мелькали как во сне. От глубокого удивления Сан Саныч не мог проронить ни слова. Когда машина замерла перед его домом, он обернулся. Из полутьмы салона на него смотрели два карих топаза: “Я – Анастасия, – услышал он мягкий заволаживающий грудной голос, – пойдём...”

Она пошла впереди, явно не касаясь ногами земли. Он тоже не чувствовал ног под собой. Девушка чуть поёжилась от ночной прохлады. Как по мановению волшебной палочки, он сорвал с себя куртку и бережно накинул ей на плечи, ощутив потаённое тепло её тела и удивившись своей смелости. Вошли. У него почему-то появилось впечатление, что она живёт тут уже давно, знает каждый уголок, хозяйка в доме. Она порхнула на кухню, он не последовал за ней. Как загипнотизированный, достал из шкафа махровый халат, сменил рубашку на мягкую безворотку и вошёл на кухню. Уже кипел чайник, что-то жарилось, на столе стояли чашки, коньяк и зачем-то купленные им вчера пирожные.

Халат незаметно выскользнул из его рук... Она вошла и осветила кухню нежным светом. Халат будто сшили именно для неё, почти весь он был покрыт мягкими, шелковистыми волосами, водопадом стекавшими ниже пояса: “Я твоя жена. Насовсем”.

Он и не подумал возражать, взял её руки, метнувшиеся ему навстречу, и вдруг почувствовал, как в него мощным потоком вливается огромная сила. Девушка полузакрыла глаза и чуть заметно покачнулась. Он машинально схватил её на руки и, обуреваемый нахлынувшим чувством, не смог больше противиться её естеству. Так горячо и страстно не целовал и не обнимал он ещё ни одну женщину на свете. Это была богиня, и всё этой ночью было волшебным!

Он долго не мог заснуть, оберегая её покой. Она спала у него на руке, уткнувшись ему в плечо и вплетаясь в него как лиана. Ощущая её ровное дыхание, он почувствовал её такой родной... и тут понял: “Вот оно, настоящее человеческое счастье!”

Под утро сквозь сон он услышал, как она тихонько поднялась и выскользнула из комнаты. Лишь её рука на мгновение задержалась в его руке, отдавая приказ: “Спи!”

Проснувшись от ласкового прикосновения солнечного лучика, Сан Саныч вскочил с постели и, переводя дух, быстро оделся. В доме – никого. На кухне на столе – тёплый завтрак, аккуратно расставленные приборы, цветок на салфетке.

С этого дня счастье поселилось у него в доме.

Тихое утро. Ласковый морской ветерок доносил шум моря. Заведя свой старенький Москвич, бережно стерев с него пыль и аккуратно объехав стоявший у дверей ЗИЛ, Сан Саныч отправился в обсерваторию.

Не работалось. Маялся весь день. Мимо пробежал как всегда весело торопящийся Женька:

– Сан Саныч, ты чего, как в воду опущенный? Твоя Анастасия несётся к тебе в объятья!

– Она уже здесь, – загадочно произнёс Сан Саныч, – слушай, Женька, вытряхай карманы.

Нужно срочно займы, через пару дней съезжу в банк, верну.

– То-то ты на своём стареньком “Москвичонке” прикатил.

– Выгребай, выгребай!

– У Иваныча ещё возьми, ему вчера должок отдали. Он богатенький.

Освободив удивлённых сотрудников от лишнего груза денег, Сан Саныч бросился по магазинам. Забитый коробками и свёртками работяга-”Москвич” кряхтя подкатил к дому. Проходя мимо ЗИЛа, Сан Саныч коснулся ладонью его капота – мотор был ещё тёплый, однако, в доме никого не было. Дом свой Сан Саныч не узнал. Сияющая чистота. По стенам развешаны рисунки живописных уголков Крыма, потрясающие по своей простоте и выразительности. Несколько красивых статуэток, плетёные коврики из матерчатых полосок. На столе – букетик полевых цветов в начищенной артиллерийской гильзе. Небольшая стереомагнитола “Вега”, выдавшая виды маленькая гитара. Над столиком в кухне – забавная плетёная сова с перламутровыми пуговицами-глазами. Сердце его наполнилось прыгающей радостью, он и сам как мальчишка, весело подпрыгнул до самого потолка.

Принялся за разгрузку. Продукты – на кухню, галантерею – в комнату. Почти пустые шкафы подзаполнились и стояли радостно-довольные. Старый дом, украшенный букетами цветов, напоённый влившейся в него новой жизнью, весь стоял нараспашку. Любопытные деревья заглядывали в окна и оживлённо перешёптывались.

Натянув передник, Сан Саныч захопотал на кухне. Всё готовилось по высшему разряду. Замелькали ложки-поварёшки... Управился быстро и теперь тратил время лишь на мелкие улучшения – то поправит листики в украшении салата, то подсыплет печенья в вазу...

Машинально выскочив на отблески фар, он увидел её, лихо подкатившую на сверкающем “Урале” – словно Европа на могучем быке. Сопровождавшие её двое мотоциклистов по-спортивному развернулись и, взревев моторами, исчезли в темноте. Он не дал ей ступить и шагу. Подскочив в три прыжка, схватил на руки. Под забралом глухого шлема увидел её искрящиеся глаза. Она сняла шлем, мягкие волосы рассыпались по серебристому комбинезону. Он поставил её посреди комнаты с разложенными подарками и цветами. Она бросила лишь мимолётный взгляд на всё это и тихо прижалась к нему...

За стол сели только утром. Сан Саныч с радостью обнаружил, что с утра было воскресенье и можно было не ехать в обсерваторию. Он тут же поймал себя на мысли, что радуется этой возможности первый раз в жизни.

Он не задавал вопросов, боясь спугнуть своё неожиданное счастье. Но всё образовалось. Кулинарные способности его были оценены и заверены поцелуем. После отправились купаться.

Плавала она как рыба. Словно ящерица залезла на торчащую из воды скалу и метров с шести без малейшей задержки ласточкой сиганула в пучину. Сан Саныч последовал за ней, хотя с такой высоты ни разу не прыгал. Встав на то место, откуда бросилась она, с ужасом понял, что до воды ему не допрыгнуть – скала далеко не отвесная. Но отступить он не мог. Собрал все силы, оттолкнулся как можно дальше. Вода обожгла тело. Вынырнув, он понял, что жив. А “рыба” так и крутится около, зовёт в пучину страсти. Вот она “попалась” и забилась в его сетях.

“Ох, и неправильно я жил раньше... если и видит кто – ну и пусть видит!” – подумал он, пожирая свою добычу.

Глава 2

Она – королева!

Теперь у него были две Анастасии, две загадки, связанные Провидением. Чем он заслужил такое счастье? Ничем. Это жизнь даёт аванс. Счастье надо оправдать. Он твёрдо решил, что должен стать другим, разбудить в себе самое лучшее. Сорок семь – ведь это – самый сок для мужика. Уже всё знаю, ещё всё могу! Он стал по утрам делать жестокую зарядку, на работе в перерывы перекидываться в пинг-понг с практикантами, а уж море – каждый день. Придумал кучу новых исследований по Проекту. Ему почему-то стало казаться, что он на пороге раскрытия каких-то грандиозных тайн космоса. Надо было только напрячься и пробить сокрывающую их стену. Плодотворные идеи начинают приходить, только когда мозг выйдет на достаточно высокий “энергетический уровень”, обложит себя массой вопросов, опутается сетью вариантов поиска, как телефонный узел соединит “говорящие” факты, нарисует сложные образы изучаемых явлений, когда мозг берёт этот разгон в течение нескольких часов, а потом длительно поддерживает полёт мысли пусть даже за облаками других дел, только тогда малейшая догадка или ассоциация могут сорвать лавину, обнажающую золотую жилу открытия. Сан Саныч рванулся вперёд, стараясь раскрутить маховик коллективного разума, с неистовством канадца, жаждущего забить три шайбы за две секунды до конца матча. Никто на планете так жадно не всматривался в несущееся в бездне загадочное тело. Никто так скупулёзно не собирал и не анализировал всю информацию, не говорил так страстно о проблеме, увлекая умы людей. Астроном Щербаков, казалось, стал посланцем Вселенной, которому суждено сорвать неведомые чары с заколдованной принцессы Анастасии. Новое неожиданное открытие не заставило себя долго ждать.

* * *

Помещение обсерваторского вычислительного центра всегда наполнено тихим, завораживающим шумом. Это работают многочисленные микровентиляторы компьютеров, на разные голоса попискивают дисковые накопители, цикадами верещат принтеры.

Взгляд Евгения был прикован к монитору. Только колонки цифр. Остальное словно кануло в небытие. Уточнённый расчёт траектории небесного тела совсем не такое простое дело, как может показаться непосвящённому: нажал кнопку и – готово. Начнём с того, что самая заковыристая штука в этих вычислениях, гравитационная постоянная, отражающая силу взаимного притяжения небесных тел, по каким-то, ещё неизвестным науке причинам, всё время немного меняется и определена совсем не с той точностью, какой хотелось бы астрономам. Орбиты небесных тел отклоняются другими телами. А у комет заметное влияние могут оказывать реактивные эффекты газовых струй. К тому же положение тел на небе измеряется с определёнными погрешностями, различными у разных телескопов и в разное время. Всё это надо учитывать. Информация постепенно накапливается и траектория космического тела постоянно уточняется.

Неожиданно глаза Евгения начали расширяться: “Чёрт побери! Не может быть! Надо ещё раз проверить...” – он откинулся в кресле, недоверчиво всмотрелся в колонки цифр, платком вытер пот со лба и через минуту снова погрузился в расчёты.

Через несколько минут он быстро написал что-то на листке бумаги и помчался по коридорам...

* * *

Кабинет директора обсерватории. Сан Саныч вместе с несколькими сотрудниками с жаром отстаивал необходимость ряда новых дополнительных исследований. Неожиданно дверь с шумом распахнулась:

– Она не из нашей системы... – с порога выпалил Евгений, размахивая листком. Все непонимающе обернулись.

– Комета летит к нам из-за пределов нашей Солнечной системы! Это абсолютно достоверные результаты последних уточнений траектории... – скороговоркой тараторил возбуждённый и взмыленный математик. – От ближайших звёзд она летела миллионы лет! За всю историю наблюдений это достоверно не подтверждалось ещё ни у одного небесного тела!

– Постой, постой... – Сан Саныч взял листок с параметрами траектории, – ...м-м-да..., но при таких скоростях она просто могла быть потеряна или вытолкнута каким-то массивным телом из внешних областей нашей солнечной системы...

– В том-то и дело. Это тоже сногшибательный результат! Что это за массивное тело, до сих пор не обнаруженное, способное с такой силой вбросить столь здоровенную шайбу?

Новость сразу облетела весь мир. Интерес к комете возрос необычайно. Ведь впервые, с большой вероятностью предстояла встреча с пришельцей из иных миров. Значит, миры сообщаются. Многие с опаской поглядывали на небо. Неужто летят инопланетяне!?

С каждым днём, по мере приближения к Солнцу, происходящие процессы на планетке усиливались. Из трещин заструились углеводородные соединения, образовав несколько заметных “шапок” в атмосфере. Анастасия оттаивала.

Вскоре на Анастасии была обнаружена атмосфера, состоящая из паров воды, кислорода, азота и других газов. Планетка не в силах была удержать мощную газовую оболочку, постоянно теряла её, подобная фейерверку на сильном ветру. Тонкий анализ излучения показывал наличие сложных органических соединений в атмосфере, что было уже неоднократно зафиксировано у других комет. Ряд данных можно было объяснить присутствием спор микроорганизмов. Предполагаемые формы жизни на новой планетке отлично отождествлялись с некоторыми земными видами мхов, грибов и водорослей, а также с теми формами, которые в окаменелом виде были зафиксированы в упавших на Землю метеоритах.

В обычное время жизнь на обсерватории тиха и размеренна. Теперь всё переменялось. Как-то Сан Саныч, переваривая очередную порцию новых данных, признался Евгению:

– Храм, святилище – вот что всегда напоминала наша обсерватория. А сейчас – это Большой театр. Разыгрывается изумительное представление. Иду сюда как на праздник!

– А что ты хотел, когда у нас такая актриса, – ухмыльнулся в ответ Евгений, – каждый вечер что-нибудь новенькое отколет – растрескавшийся газгольдер, готовый взорваться. Ещё чуть-чуть, и выползут ящеры, жизнь закишит!

– Впрочем, действительно – условия там приближаются уже к антарктическим, если не принимать во внимание значительно меньшую силу тяжести.

– Это точно. Космонавт на Анастасии смог бы спокойно перепрыгивать небоскрёбы и запускать спутники из рогатки, а меньший вес, по-моему, никак не препятствует развитию живого.

– Если только атмосфера достаточно плотна или хотя бы солидный её запас под ногами в виде льда да солнышко пригревает. Кстати, бурный характер происходящих процессов как раз и подтверждает, что Анастасия не слишком часто приближалась к Солнцу, если вообще это когда-либо случалось. И потом, одна сторона нашей актрисы заметно светлее другой. Это значит, что она в недалёком прошлом тесно сближалась с каким-то крупным телом или даже длительное время была его спутником.

– Подлетит поближе, разберёмся, – заключил Евгений, отхлёбывая чай из стакана и не отрываясь от компьютера.

“Хм, как странно, – подумалось Сан Санычу, – неузнаваемо изменился инструментарий учёного – вместо карандаша, счётной линейки и горы книг – компьютер. А стакан с чаем так и остался необходимым атрибутом научного поиска.”

* * *

Астрономы уже давно высказывали предположение, что наше Солнце – двойная звезда, и существует её спутник, массой до нескольких процентов солнечной, обращающийся по эллиптической орбите на далёкой периферии Солнечной системы на расстоянии порядка одного светового года. Этот спутник периодически заходит в область Оорта, возмущая тем самым движение кометных ядер, “вбрасывая” часть из них к Солнцу. Гипотетической звезде-спутнику астрономы присвоили имя Немезиды – богини возмездия. Обнаружить её чрезвычайно трудно, во-первых, она очень слабо светится, во-вторых, период её обращения может исчисляться миллионами лет, поэтому её движение среди звёзд незаметно. Открытие Немезиды объяснило бы явную периодичность бомбардировки Земли крупными космическими телами за время её существования. Однако, Анастасия никак на Немезиду “не тянула”, скорее уж была её “посланницей”, а возможно, когда-то и спутником.

Сан Саныч и Женька решили, что пора как следует поискать “тёмную звезду”, ведь ориентировочно известно, где она должна была бы находиться, чтобы “вытолкнуть” Анастасию к Солнцу. Поискать можно было даже среди уже занесённых в каталоги слабых звёзд, расстояние до которых ещё не определено. Задумав целую систему расчётов, Женька надеялся открыть Немезиду “на кончике пера”.

Сан Саныч знал, если Женька что-то решит, то сделает обязательно. В своё время тот заработал страшную астму. Врачи считали это результатом его непомерной усидчивости и небрежения к своему здоровью. Доктор в двадцать семь, радужные планы... тут-то его астма и подкараулила. Застой в бронхах. Жуткие приступы удушья, “скорые помощи”, больницы... В итоге – “астмонавт второй группы инвалидности”, всё – прахом. Преодолев как-то очередные десять метров от одного приступа до другого, он увидел на противоположной стороне улицы скачущих вприпрыжку от счастья влюблённых. Контраст резанул по сердцу. В эту минуту он смертно пообещал себе выздороветь. Силы воли Женьке было не занимать, но астму титаническими усилиями не победить. Только больше запутаешься в её сетях. Женька астму перехитрил, стараясь всё делать без усилий, но стал больше двигаться, затем понемногу бегать. С помощью специальной теории факторного анализа и отсеивающего эксперимента, сутью которой читатель может не забивать себе голову, выявил наилучшее сочетание лекарств и процедур из кучи всякой всячины, прописываемой врачами и всезнающими знакомыми. Астма начала поддаваться. Повёл очень подвижный образ жизни, даже стал гонять на мотоцикле, раскрывая бронхи напором ветра. Но по-настоящему стал выздоравливать, только когда навёл порядок в душе, начал думать о высоком и вечном, перестал суетиться по пустякам, желать кому-нибудь зла и пожирать мясное. Этот точно выловит Немезиду...

Работа в Комитете сделала Сан Саныча общественным деятелем. Пресса осаждала. Высокопоставленные эмиссары постоянно приглашали посетить их страны и требовали обязательно поприсутствовать на торжествах по случаю пролёта Анастасии. Интересно, что многие правительства объявили день наибольшего сближения с небесной гостьей нерабочим днём, своеобразным праздником Вселенной, Днём мира и науки. Политики уж куда лучше торговцев сумеют получить выгоду от любого неординарного события!

Сан Саныч старался, по мере возможности, околонуточные заботы перепасовать своим соратникам по Комитету, но бремя первооткрывателя приходилось нести, как бы оно ни было

тяжело, иначе вряд ли бы удалось мобилизовать необходимые научные силы и материальные ресурсы.

Приехав вечером домой, Сан Саныч застал Анастасию за выпечкой пирожков. Плита источала жаркий аромат, вокруг были разложены аппетитные румяные пирожки. Поцеловав свою милую и съев протянутый волшебный пирожок, раздеваясь на ходу, рухнул спать. Уже из комнаты он услышал её голос:

– Можно, у меня сегодня будут гости?

– О чём ты говоришь! Конечно! Ведь ты здесь у меня хозяйка. Знаешь, я страшно замотался, уж не пойму, где ночь, где день. Засыпаю на ходу.

Она подбежала к нему, уложила как ребёночка, закутала одеялом и поцеловала в лоб.

“Как мама”, – подумал он, его сердце защемило нахлынувшей счастливой грустью.

– Какая ты у меня хорошая, Ася, – сказал он, закрывая глаза.

Проснулся он, когда уже совсем стало темно. В доме – тишина. Вышел на улицу. Огромное количество разнокалиберных мотоциклов, штук тридцать. Все надраены до блеска, а разноцветные шлемы на рулях как ёлочные шары. К одной из машин прислонилась воркующая парочка в комбинезонах. Увидев Сан Саныча, парень и девушка встрепенулись и виновато поздоровались: “Все у моря, там за домом. Мы – дежурные”, – промолвила девушка.

Сан Саныч мельком заметил, что у девушки через плечо висела сумка с красным крестом, а у парня – не то рация, не то приёмник и огромный фонарь.

Зайдя за дом, Сан Саныч увидел поднимающийся к небу дым костра. Смешиваясь с тихим шелестом прибоя, доносилось пение под гитару. Спустившись вниз, он очутился среди мотоциклистов – парней и девушек разных возрастов, одетых, в основном, в джинсы и кожаные куртки. На многих были чёрные или серебристые комбинезоны. В темноте, окутывавшей костёр, мелькали огоньки сигарет. Пели двое парней с гитарами. Сан Саныч удивился их мастерству и задушевности простой песни. Исполнители неторопливо сменяли друг друга, а гитары переходили из рук в руки. Это не было пением на публику, голоса звучали искренне и задушевно. Какой-то парень спел песенку о том, как “шёл однажды по проезжей части и попал под ёйный мотоцикл”, очнулся и увидел над собой девочку своей мечты и теперь они вместе мчатся по шоссе, но вот подружка шепнула: “Вероятно, к нашей верной тачке уж пора коляску прицеплять!” Песенка заканчивалась словами: “...Полный газ с заносом всех колёс!”

Народ оживился. Анастасия сидела на камне недалеко от костра, обхватив колени руками. Он хотел, было, к ней пробраться, но неожиданно вокруг всё завертелось! Мгновенно очистили площадку на самом берегу. Сан Саныч с помощью Евгения замостил её гладкими плитами, чтобы приятно было ходить босиком и валяться голышом. Быстро была установлена небольшая, но достаточно мощная магнитола и несколько разноцветных ламп цветомузыки, подключённые к мотоциклетным аккумуляторам. Всё заиграло, засветилось, заухало, замигало... послышался нарастающий рёв десятков мотоциклов и визг тормозов. После мгновенной паузы пространством завладел чёткий, расцвеченный бесчисленными мелодическими блёстками, танцевальный ритм. На пятачок выпрыгнули парни и задали тон, ногами и всем телом вытворяя невообразимое. Казалось, они стремились в одну сторону, а двигались в другую, бежали, оставаясь на месте и, почти неподвижные, быстро перемещались. В центре круга появилась Анастасия. Он сразу понял: она – королева. Её танец приковал к себе всех. В такт музыке по её стройному сильному телу пробегала то страстно нежная, то хлёсткая ниспадающая волна. Иногда её руки змеями взлетали вверх, и тогда верхняя часть её тела изгибалась подобно натягивающемуся луку, изящная головка через грациозно отставленное плечо обращалась к пяткам и тугая волна, зарождавшаяся от груди, начинала раскачивать землю с новой демонической силой. Но вот музыка словно взорвалась в бешеном темпе. Рисунок танца мгновенно сменился. Теперь это был неистовый ацтекский “танец героев”. Казалось, её суставы работают во всех направлениях как у пляшущего скелета. Вот она как будто застыла среди

танцующих в состоянии экстаза, но площадка под ней движется..., движется!..И снова вслед за музыкой эта умопомрачительная ниспадающая волна! У Сан Саныча качнулся горизонт, почва поехала под ногами, он судорожно ухватился за камень, тело пробили мурашки. Когда накал танца достиг своего апогея, парни в комбинезонах, окружавшие Анастасию, бросились наземь, лихо кружась и извиваясь, прыгая дельфинами, переворачиваясь в воздухе над самой землёй. Она преобразилась теперь в царицу резвящейся стаи, стоящую свечой на мощных ударах плавника посреди кипящего моря.

Сан Саныч очнулся от оцепенения, когда танец сменился маршем роботов. Площадка заполнилась танцующими. “Роботы” неестественно двигались, как будто были плохо запрограммированы и разрегулировались. Он огляделся по сторонам, потеряв Анастасию из виду.

Объявили “белый танец”. Послышалась приятная музыка. Неожиданно из темноты появилась она, взяла его за руку и увлекла за собой. Он бережно обнял её и она обвила его шею руками. Под её чуть влажной свободной блузкой он ощутил ставшее таким родным трепетное тело. Возникли слова, идущие прямо от его восторженного сердца: “Как я люблю тебя, Ася!”

Когда свет фонарей на мгновение гас, воздух наполнялся звонкими возгласами и поцелуями. Он, как и все, вёл себя словно мальчишка...

В ту ночь Сан Саныч увидел ещё одно сногсшибательное зрелище. Это был танец мотоциклов. Когда все поднялись к своим машинам и облачились в доспехи, общество преобразилось в нечто космическое. По незримому сигналу заработали десятки моторов, вспыхнуло море огней. Против ожидания – никакого страшного грохота и сизых клубов дыма. Всё напоминало скорее рой огромных пчёл, пришедший в движение. Центр пяточка перед калиткой освободился, на него выскочили четыре мотоциклиста и, почти лёжа поперёк движения, помчались по кругу. Мелкие камешки фонтанами били из-под колёс. Четыре мощные фары, образовав вращающуюся розетку, своими лучами доставали до неба. Вдруг двое из мотоциклистов бросились навстречу друг другу с противоположных сторон, подняли машины на дыбы, опустив их на землю буквально за метр друг от друга и, разойдясь боками, заняли своё место в круге. Двое других мотоциклистов повторили то же самое. Но вот они все разом бросились к центру, вздыбили мотоциклы и, пройдя на волосок друг от друга, в крутом вираже заняли свои места в бешеной карусели. А двое самых отчаянных буквально прыгнули навстречу друг другу и, поравнявшись, сцепились руками в ритуальном рукопожатии. Их сверкающие мотоциклы на несколько долгих мгновений замерли в стойке на заднем колесе, затем с глубоким приседанием опустились на землю. Двое героев расцепили и вскинули руки, сорвав шлемы. Невозможно передать словами то глубокое чувство удивления и восторга, которое испытал Сан Саныч, узнав в одном отважном рокере раскрасневшуюся Анастасию, а в другом – улыбающегося Женьку!

Поражённый словно молнией, он не мог пошевелиться. Вся кавалькада сорвалась с места и плотной бриллиантоворубиновой змеей поползла по дороге вверх к трассе, постепенно разделяясь на всё большее число отдельных змеек и светляков, расплзавшихся в ночи по огромному склону горного хребта.

Анастасия скоро вернулась в сопровождении двух мотоциклистов, сразу же укативших обратно.

– Евгений приглашает нас завтра пройти на паруснике, – сказала она, закатывая мотоцикл, – он пришёл к нам два года назад, отчаянный и матёрый, сразу же снискал уважение ребят, впрочем, и девочек тоже.

– А мы с ним давно друзья, но я и предположить не мог, что он такой сорвиголова, а ты... ты – просто королева! – восхищённо промолвил Сан Саныч, помогая катить тяжёлую машину.

Анастасия только прижалась щекой к его плечу.

В ту ночь он долго не мог заснуть. Наутро, спустившись к морю, он не обнаружил ни малейших признаков вчерашнего собрания – ни места костра, ни окурков. Сон, да и только!

Анастасия вприпрыжку спускалась к воде. Наперегонки бросились в море. Вернувшись “из Турции”, он безуспешно попытался выразить словами всё своё восхищение ею. В ответ получил Высочайшее дозволение “на доступ к телу”. Запрыгнув на большой валун, она приняла величественную позу и, высунув из-под простыни прекрасную ножку, дала своему рабу, склонившемуся в глубоком почтении, поцеловать подъём стопы. Затем, низвергнутая восставшим рабом, понеслась на руках его и была опущена посреди дома.

Позавтракали. Она посоветовала ему одеться потеплее, как на лыжах. Предстояло ехать на мотоцикле, а не на правительственном лимузине. Не слишком поверив её словам – несмотря на раннее утро, предстоящий жаркий день уже давал о себе знать – он всё же повиновался...

Первый раз в жизни Сан Саныч мчался на мотоцикле по горной дороге, крепко обняв талию Анастасии. Это было ни с чем не сравнимое ощущение. Он как бы сливался с окружающей природой, хватал ртом тугой напор ветра. Мимо него веером пролетали диковинные запахи деревьев, цветов и трав. Вот пахнуло холодной сыростью из ущелья, вот – знойный запах асфальта с прогретого участка дороги, а за поворотом навалился морской утренний бриз. Но он чувствовал полную незащищенность перед мощью железного коня! Стоило только снять ногу с подножки, она мгновенно бы стёрлась о бешено несущийся асфальт.

В динамике мотоцикл ничуть не уступал трёхсотсильному ЗИЛу, лихо взлетал на подъёмы и плавно парусил на спусках. Но на поворотах... на поворотах казалось, что земля шла враскачку. Горизонты с боков поднимались почти к зениту.

До Азовского моря добрались быстро. Их уже ждали. Женька в парусиновых белых штанах и пиратской повязке приветствовал гостей. Слезая с мотоцикла и разоблачаясь, Сан Саныч понял, что прилично замёрз, а вокруг жаром пышел песок, веял знойный Азовский бриз.

Парусником оказался бывший рыболовный бот приятных старинных очертаний. Женька с лихостью заправского моряка поставил паруса – грот и небольшой кливер. Бот слегка накрепился и плавно тронулся, отходя от берега. На невысокой, но крутой азовской волне покачивало. Поднявшимся на борт по заведённому ритуалу были выданы большие ножи в кожаных чехлах на ремешке. Вынимать их из ножен попусту – ниже достоинства настоящего моряка. Соорудив себе экзотические одежды, все трое почувствовали себя заправскими пиратами.

Обогнули небольшой мысок. Ветер немного усилился, пошли барашки. Ася встала за штурвал. Зычным голосом капитан скоро скомандовал: “Лево на борт! Береги черепашку!” Последнее было как нельзя кстати. Грот перевалился с борта на борт. Сан Санычу еле удалось увернуться от тяжёлого гика, просвистевшего над головой. Сделав несколько галсов, они очутились в открытом море. Только волны и небо кругом!

Рядом выныривали афалины – маленькие азовские дельфины. Ветер стихал. После полудня вообще установился штиль. Встали на якорь, убрали паруса и бросились купаться. Женька и Ася ухитрились при этом сигануть с самой верхушки мачты, раскатав судёнышко и катапультировавшись за борт. Распугав бычков, все трое долго резвились в роскошно тёплой и прозрачной воде. Глубина была метров шесть, не больше. Снизу бот казался толстым дирижаблем, реющим в небесах.

Вдоволь позагорали на гладкой дощатой палубе. Тут капитан скомандовал, что пора готовить обед.

“Ставьте картошку. Я пошел за рыбой!” – сказал Женька и, надев маску, плюхнулся в воду с кусочком белого поролона на верёвке в одной руке и длинным тонким гарпуном в другой.

Как только морская вода прямо из-за борта закипела в котелке, туда уже была брошена очищенная крупно порезанная картошка. Тут показалась довольная физиономия Женьки, а на палубу под голодное “Ура!” плюхнулись пяток крупнющих бычков на верёвочке во главе с приличной камбалой. Уха с парой луковиц, да и весь обед, удались на славу! Правда, вместо рома был овощной “Нектар”, обжигавший, однако, не хуже “Ямайского” из-за присутствовавшего в нём перца.

Отвалившись из-за стола, все трое распластались по палубе. Поглаживая себя по пузу, Сан Саныч многозначительно произнёс: “У нас – режим: нажрёмся и лежим.”

Обратно возвращались под мотором. Дизелёк бойко тарыхтел. Бот, довольно покачиваясь, разваливал носом бутылочное стекло воды. Судно всё время сопровождали дельфины, однако, их поведение Сан Санычу показалось странным. Вместо того чтобы идти параллельным курсом или дугой выпрыгивать из воды, они заплывали немного вперёд, выставляли свои мордочки из воды, раскачивали ими, щёлкали и свистели, обеспокоенно пересекали курс. Их волнение быстро передалось людям, а стоящий за штурвалом Женька скомандовал: “Смотреть в оба!” Но ничего такого не случилось.

Только выходя на берег, они обратили внимание на необычное поведение птиц. Те кружили и кричали, чем-то встревоженные. Но ничего не происходило. Был совершенно обычный вечер. Посмотрели на барометр – плавно поднимается. В этом тоже не было ничего особенного.

Прощаясь, Сан Саныч и Женька сговорились на завтра пригласить Асю в обсерваторию посмотреть на свою тётку. Та с радостью согласилась.

Домой ехали осторожно. Ася, видимо, тоже почуяла какую-то неясную опасность. Проезжая придорожный посёлок, они обратили внимание на то, как тревожно лаяли и выли собаки, мычали коровы, удивлённые люди выходили из домов на улицу. Остановились у телефона-автомата и позвонили в обсерваторию, не регистрируются ли подземные толчки. Дежурный ответил, что никаких толчков не регистрируется, но необычная нервозность животных была замечена.

Вернувшись домой, Сан Саныч внимательно осмотрел окрестности. Крым – сейсмически опасное место. Поэтому можно было ожидать землетрясения. Сан Саныч отвечал теперь за Асю перед Жизнью и не мог допустить, чтобы её настигла стихия. Он тщательно оценил безопасность дома и места, где он находился. Со стороны суши на фоне угасающего неба маячил высокий чёрный силуэт кромки горного плато. Оттуда в случае сильного толчка могли отколоться огромные камни и скатиться в воду, как это уже неоднократно бывало на побережье. Однако, напротив дома, перед обрывом плато, в качестве естественного щита была ещё одна цепочка невысоких гор, густо поросших лесом. Поэтому со стороны гор опасность, по видимому, не угрожала. Но дом был расположен близковато к морю, выше его уровня всего метров на 25–30. Огромные волны цунами, возникновение которых нередко при подземных и подводных толчках, могли угрожать дому. Он медленно прохаживался, раздумывая, не глупо ли выглядят его опасения в такую прелестную, тихую, лунную ночь? Пристальным взглядом обвёл лужайку. Всякие земные твари, насколько он знал, перед землетрясением выползают на поверхность, но ничто не шевелилось. Только птицы кружили в беспокойстве, хотя им давно пора уж спать, да собаки перелаивали друг друга по всей округе. Он поделился опасениями с Асей, и они решили ночевать в машине, отъехав немного вверх.

Мягкое кожаное сиденье ЗИЛа – не такая уж плохая постель в летнюю ночь. Его Ася жалась к нему, а он в любую секунду был готов укрыть её от любой опасности. Весь его вид и внутренняя мобилизация излучали такое могучее защитное поле, что в объятиях этой непреодолимо-нежной брони она спала безмятежно, как ребёнок.

Яркая луна освещала оцепеневшее море, застывшие скалы и деревья. Волнение птиц и зверей улеглось только к утру. Во многих домах всю ночь не гасили свет.

* * *

Катер подходил к Керченскому проливу. Впереди за поворотом косы простиралось такое долгожданное Чёрное море. Капитан стоял на мостике и в большой бинокль рассматривал берег по обе стороны пролива. Никто из экипажа и пассажиров, его друзей, этим вечером и не собирался ложиться спать. Ещё бы! Долгий, полный впечатлений, но томительный и труд-

ный путь от Москвы по каналу до Волги, затем по ней через многочисленные шлюзы и водохранилища, через Волго-Дон, с его бушующим Цимлянским, через многочисленные препоны различных служб и властей закончился. Впереди настоящие морские просторы, нейтральные воды, ласковый Крым, а там...

– Слева по борту Кавказ, а справа Крым. Тут они ближе всего друг к другу, – произнёс капитан, не отрываясь от бинокля.

– Капитан, если не ошибаюсь, мы впервые идём самым полным ходом. Тоже не терпится поскорее вырваться в открытое море? Хотите ещё коктейль? – спросил один из присутствующих на палубе.

– Хочу поскорее миновать мелководье. В случае... – он хотел сказать “землетрясения”, но не сказал – тут можно ожидать всяческих неприятностей. От коктейля, с лимончиком и содовой, не откажусь.

Ещё днём капитан обратил внимание на странное и необычное, поведение дельфинов в Азовском море. Не слишком доверяя своей незначительной морской практике, он не мог с полной уверенностью сказать, что это – особенности поведения местных морских обитателей или явный признак предстоящего землетрясения. Но, осознавая всю полноту ответственности за людей, он не мог не предпринять простейшие меры предосторожности. “Хорош бы я был, если землетрясение, хоть и маловероятное, всё же произошло, а я ничего бы не сделал!” – так думал он.

Люди на палубе, несколько мужчин и женщин, с явным наслаждением развалились в шезлонгах, медленно потягивали спиртное, смешивая аромат коктейлей с терпкими южными морскими запахами. Над мачтами колыхались звёзды. Яркая комета украшала небосвод, усиливая приподнятость настроения.

Капитан и его спутники не собирались надолго задерживаться у берегов Крыма. Их манили красоты Стамбула и Адриатики, прелести Средиземноморья, а если повезёт побывать во Франции или Испании, можно будет считать, что планы их путешествия перевыполнятся на сто процентов.

Острый форштевень уверенно рассекал волны, и к утру катер находился уже на траверсе живописнейшего мыса Меганом. Вышли на значительные глубины. Капитан уменьшил ход, передал вахту смене. Теперь вовсю можно было наслаждаться путешествием.

Он не пошёл к себе в каюту. Спать, несмотря на усталость, не хотелось. Он устроился в шезлонге, с большим удовольствием вытянул ноги, заложил руки за голову и устремил взор натруженных глаз в голубое-голубое небо... По телу разливалось тихое ликование. То, о чём он мечтал всю жизнь, сбывалось. Волнения и заботы позади. Впереди новая жизнь, полная ярких впечатлений, познаний незнакомых мест, ощущение свободы. Теперь он наяву откроет для себя то, что хорошо знал по книгам и фильмам. Ему хотелось признаться, что он уже счастлив, но боялся спугнуть изменчивую Фортуну.

Солнце начинало припекать. Созерцая синеву утреннего неба, глаза его отдыхали от напряжения ночи. Он хотел уж их закрыть, чтобы немного поспать, как вдруг прямо перед его взором, высоко-высоко над цепочкой далёких гор вспыхнула и засияла, разгораясь, удивительно яркая, буравящая глаз незнакомая звезда...

Глава 3

Неужели?...

К себе на работу Сан Саныч брал Асю впервые, он даже немного волновался, а она в душе была уверена, что откроет для себя массу тайн. В тот день он увидел её такой ослепительной дамой, какой представлял себе настоящую королеву. На ней было строгое приталенное красное платье с большим треугольным вырезом спереди и отложным воротником, отлично гармонирующее с красивыми серёжками чёрного серебра. Она была сама грация и достоинство.

Появившийся Женька объявил, что наконец-то Сан Саныч решил познакомить своих жён. Небесную и земную.

Через башни с телескопами, поразившие Анастасию размерами механизмов, прошли в вычислительный центр. Сотрудники обсерватории с немалым интересом наблюдали земное открытие Сан Саныча.

Сан Саныч усадил Асю перед большим демонстрационным экраном, на который могло выводиться изображение с телескопов и компьютеров. По команде Женьки экран включился, распахивая окно в открытый космос. На чёрном небе сверкали мелкие бусинки звёзд. Вокруг маленького сияющего Солнца обращались планеты. Крохотная Земля с булавочной Луной были совсем близко от Солнца. Сан Саныч взял ручной пульт и яркой стрелкой указал на окружающее Солнечную систему расплывчатое полупрозрачное кольцо:

– В этом облаке, сформировавшемся около пяти миллиардов лет назад, большую часть своей жизни находятся сотни миллиардов кометных ядер, движущихся вокруг Солнца по очень вытянутым орбитам. Анастасия, скорее всего, пришла к нам всё-таки из этого облака. А вот тут на краю экрана – ближайšie к нам звёзды. Самая близкая – малосенькая Проксима Центавра, а вот огоньки побольше – двойная звезда Альфа Центавра или Толиман. Впрочем, кратные звёзды теоретически имеют такую особенность, расшвыривать свои планеты и даже звёздные компоненты.

На экране появилась яркая точка. По мере её движения к Солнцу масштаб на экране менялся. Изображение Солнечной системы раздувалось. В области планет-гигантов у точки начала появляться атмосфера (кома) и хвост. Пронесясь мимо самой Земли, комета обогнула наше светило и, махнув шикарным хвостом, постоянно направленным от Солнца, ушла восвояси.

– Дайте теперь Анастасию с телескопа, – попросил Сан Саныч.

На экране появился мутновато-бледный переливчатый диск. Края расплывчаты, туманный ореол вокруг скошен вбок.

– Так видна сейчас твоя тёзка в окуляре телескопа, – сказал Женька, обращаясь к Асе. – А так видят её наши компьютеры после обработки изображения с нескольких оптических и радиотелескопов, причём, почти в реальном времени, точнее с запаздыванием на полчаса – это то время, за которое летит от неё свет, ну и немного на обработку.

Он сделал пару манипуляций на пульте, и мутный блин сменился красочной и чёткой, почти объёмной картинкой. Ася всплеснула руками от удивленья. Планетка как будто висела в пространстве на фоне звёзд.

– Ой, ребята, здорово!

Планетка чуть заметно вращалась. Серовато-бурые округлые моря и более светлые равнины были усеяны яркими оспинами бесчисленных кратеров. Сверкающие торосы невысоких горных гряд извивались меж тёмных “хаосов”. Длинные трещины и разломы пересекали всю планету. Приковывали внимание несколько ровных тёмных пятен, над которыми совершенно явно возвышались бело-голубые газовые шапки. В неглубоких котловинах и трещинах как будто разливался туман, смазывавшийся в космическое пространство. Окружавшая Ана-

стасию атмосфера как волосы на ветру частично “сдувалась” немного в сторону и оставляла витой след в пространстве. Одно полушарие было заметно темнее другого, зато богаче испещрено кратерами и какими-то бороздами.

– А сейчас покажем циркуляцию атмосферы, только в ускоренном режиме, – сказал Сан Саныч, вызывая изображение на другой экран.

На втором экране появилась точно такая же Анастасия, только испещрённая сотнями маленьких стрелочек разной длины, показывавших направления потоков газов. Ещё одна команда – и атмосфера зафантанировала, закружилась. Анастасия стала напоминать дымящуюся картофелину в кожуре, только что вынутую из кастрюли.

– Мы тут на досуге изобрели автоназватель, – интригуяще сообщил Женька, – стоит завести в компьютер, к примеру, изображения рыб, скорпионов или даже чей-нибудь портрет, как наш автоназватель сразу отыщет на планете соответствующий контур – названия готовы!

С этими словами он завёл иллюстрацию знаменитой Джоконды. Через минуту компьютер выдал на изображении Анастасии мигающий прямоугольник.

– Точно, Джоконда! – воскликнула Ася.

И действительно. Выделенный участок изгибами рельефа и расположением более мелких деталей явно напоминал голову знаменитой Монны Лизы.

– Даже скрещённые руки видны! – добавил Сан Саныч. – Баловство, а лихо придумано.

– А это что? – спросила Ася, указывая на маленький кружочек с краю экрана.

Все обратили внимание на ползущий по экрану кружок.

– Попался спутник Земли?

– Нет. Это, возможно, мелкий объект из Пояса астероидов. Жаль, нет времени замерить дальность.

Дальнейшие события произошли в считанные секунды. Но каждая из них, врезалась в память, стала вечностью.

– Мы, кажется, что-то открыли ещё, – произнёс Женька.

– Вот бы затмение было, – простонал Сан Саныч, потом вдруг припал к экрану. Сердце его ушло вниз. У маленького кружочка появился чуть заметный светлый серпик, обращённый к Анастасии, быстро увеличивающий яркость.

– Он в атмосфере кометы! – прокричал Сан Саныч. – Включить все приборы!

За кружочком потянулся вполне заметный шлейф. Не отрывая глаз, все следили за ярким болидом, несущимся к комете. Вот навстречу ему наискось по поверхности Анастасии метнулась тень... вот они почти соединились... В это мгновение ослепительная вспышка засветила экран. Когда через секунду изображение прояснилось, все увидели вздувающийся на теле кометы огромный огненный пузырь. По её поверхности, причудливо огибая разломы и пятна, словно заливая её молоком, растекалась ударная волна. Постепенно разрастаясь, пузырь превратился в огненного ежа. Вблизи поверхности Анастасии от него отделилась кольцевая атмосферная ударная волна. Со стороны взрыва под действием мощного теплового излучения атмосфера быстро прояснялась, а поверхность кометы словно вскипала. Происходила ударная возгонка льдов.

Набежали возбуждённые сотрудники. Некоторые из них своими глазами видели яркую звезду, вспыхнувшую на дневном небосводе. Все оживлённо обсуждали это редчайшее событие. Нечасто удаётся стать свидетелем столь грандиозного космического фейерверка! Надеялись получить спектрограммы, дающие состав выброшенного вещества и массу дополнительных данных о составе атмосферы, поверхности Анастасии, её недрах. Царило возбуждение. Обсерватория заработала как зенитный комплекс, ухвативший небесного нарушителя. Все приборы вцепились в Анастасию.

Тем временем шаровидное облако взрыва обволакивало комету.

Когда ситуация стабилизировалась и Сан Саныч закончил давать указания по организации новых исследований, он отыскал бурно дебатировавшего с сотрудниками Женьку и крепко сжал его руку, увлекая за собой.

Тот сразу запнулся, увидав его лицо.

– Женька, Анастасия получила импульс к Земле... задницей чую неладное!

С минуту они сидели, молча и многозначительно переглядываясь.

– Я сейчас прикину. Приблизённо. Точно будем знать через день-другой, – сказал Женька, и друзья перешли в демонстрационный зал, чтобы прокрутить повтор.

По размерам астероида оценили его массу, замерили скорость, уточнили геометрию удара. Женька быстро стал прикидывать результат столкновения. Сан Саныч следил через плечо за выкладками, изредка делая уточняющие замечания. Когда Женька закончил и поднял голову, лица на нём не было.

– Точно... стерва...

– Дай я посчитаю по-своему, – друзья поменялись местами.

Через несколько минут и Сан Саныч сделался жёлтым.

– Неужели?

– Ужели.

Они молча направились в кабинет директора.

– Постой, – выпалил Сан Саныч, – надо отправить Асю домой.

Он нашёл её в уголке зала. Она тихо плакала.

– Асенька, милая, поезжай домой, ключи – в машине.

– Спасибо, меня подбросят. Земле что-то угрожает?

– Нет... пока, – выдавил он, – но могут быть неприятности. Не жди меня сегодня. Я позвоню.

Она повиновалась. В последний момент в её влажных глазах он увидел предчувствие большой беды.

Кабинет директора оказался запертым. Сан Саныч зашёл в первую попавшуюся открытую комнату и решительно снял трубку:

– Говорит Щербаков, член Международного Комитета по Анастасии. Требую срочно связать меня с Президентом. Дело чрезвычайной государственной важности...

– Это о новой звезде на небе? – услышал он весёлый голос телефонистки.

– Девушка, скорее, чёрт возьми!

– Пытаюсь соединить, ждите.

Правительственной “вертушки” тут не было. Минуты казались часами. Наконец, что-то зашипело, и телефонистка, несколько раз повторив “ждите”, прокричала:

– Даю приёмную Президента. Говорите, соединяю!

Раздался голос:

– Приёмная Президента... дежурный секретарь Кошелев, говорите.

Сан Саныч представился ещё раз.

– Я должен сделать сообщение чрезвычайной государственной важности. Земле... планете Земля угрожает глобальная катастрофа...

– Одну минуточку... соединяю... говорите. Вас слушает Президент.

Раздался пробирающий до мурашек знакомый голос Президента:

– Здравствуйте.

Сан Саныч поздоровался, ещё раз представился и продолжал:

– Приближающаяся к нам гигантская комета только что столкнулась с крупным телом из пояса астероидов. В результате этого комета с облаком осколков пройдёт в непосредственной близости от Земли или столкнётся с нею. В лучшем случае можно ожидать катастрофической метеоритной бомбардировки, в худшем...

- Понимаю. Насколько достоверны данные?
 - Сейчас расчёты проведены с точностью до нескольких диаметров Земли. Уточняем постоянно. Окончательно, с точностью до района удара – через сутки-двое.
 - Держите постоянную связь с моим представителем и командующим округом. Постарайтесь пресекать панику. Возлагаю на вас временное руководство обсерваторией и постоянное наблюдение за кометой... со всеми полномочиями. Докладывайте в любое время.
 - Вас понял. Исполняю.
 - До свидания.
 - До свидания.
- В трубке послышались гудки и треск. Сан Саныч рухнул в кресло, вытер пот со лба.

* * *

Соединённые Штаты. Белый дом. Президент нервно ходил по кабинету, несколько помощников беспрестанно расступались перед ним.

– Немедленно свяжите меня с министром обороны и директором НАСА. Чёрт знает, что такое! Почему я узнаю всё через третьи руки... да притом, то, что уже и сам вижу собственными глазами?

– Но ведь прошло всего несколько минут... – попытался оправдываться один из помощников.

– Министр на связи, – доложил секретарь.

Президент схватил трубку:

– Разведка сообщила: русские астрономы только что доложили своему президенту, что комета...

– Простите, сэр, – перебил его секретарь, – вас срочно вызывает на связь русский президент.

– Одну минуту, министр... – президент взял трубку специального телефона. – Президент Соединённых Штатов Америки слушает...

Разговор длился не более трёх минут. Президент вытер платком проступивший на лбу пот. Одно мгновение пребывал в задумчивости. Затем снова вернулся к прерванному разговору с министром обороны:

– Итак, министр, я только что разговаривал с русским президентом. Из космоса нам грозят крупные неприятности. Немедленно ввести в действие план Омега...

* * *

Немного отдышавшись, Сан Саныч снова взял трубку, чтобы связаться с Представителем Президента и военачальником. Вошел директор обсерватории:

– Бедный мой Сан Саныч, вы опять что-то открыли нам на голову!

– Да, уж... – с горькой усмешкой ответил Сан Саныч, затем вкратце пояснил “размер бедствия”.

Директор, опытный руководитель, сразу предложил свой кабинет и всяческую помощь, по селектору собрал всех, кроме операторов, сообщил им о случившемся и передал бразды правления.

Поднялся Сан Саныч. Таким посерьёзневшим его никогда не видели.

– На нас легла огромная ответственность. С этой минуты обсерватория фактически на чрезвычайном положении. Все службы должны работать на полную мощь круглосуточно. Цель нашей работы, я думаю, ясна – “Что будет с Землёй?”

Назначив своими заместителями бывшего директора и Евгения, Сан Саныч начал обсуждать с сотрудниками первоочередные задачи, давать соответствующие указания.

Часть людей ещё не верили в случившееся, другие были в состоянии шока. Всё стало на свои места совершенно неожиданным образом. Под окнами завывали сирены, вокруг обсерватории заняли позицию бронетранспортёры с солдатами. В кабинете появился офицер решительного вида в сопровождении связистов, установили спецтелефоны и рацию, начали выдавать пропуска сотрудникам. С этого момента все как бы очнулись, и работа закипела.

Военные действовали чётко. Всюду войска и флот были приведены в боевую готовность, основные объекты взяты под охрану, дороги патрулировались.

Сан Саныч с сотрудниками решительно взялись за дело. Никогда от работы астрономов не зависело столько человеческих судеб. Через несколько часов был получен уточнённый расчёт траекторий. Прямое лобовое столкновение, результат его страшен. Через некоторое время пришли подтверждения от других обсерваторий и институтов. Факт не укладывался в сознании.

Ярко светило солнце, день сиял. Затем наступил тихий прелестный вечер. И только зловещая немигающая звезда разгоралась на угасающем небосводе. С ужасающей скоростью она неслась к Земле из кричащей бездны, неся всему живому неминуемую гибель.

Весть о столкновении с Анастасией, превратившем предстоящее космическое представление в светопреставление, мгновенно облетела мир. После нескольких часов оцепенения в большинстве стран появились первые признаки паники. Реальные плоды научно-технической революции, ощущаемые всеми и повсюду, заставляли верить этим всезнающим учёным. У многих людей подспудно росло убеждение, что чем-то именно таким и должно всё закончиться.

Через два дня, когда стало абсолютно ясно, что столкновение неминуемо, Сан Саныч направил официальный доклад Президенту и в высшие инстанции страны. Всё это время он не смыкал глаз.

Немедленно по радио и телевидению было передано обращение Президента и правительства к народу. В нём сообщалось о предстоящей катастрофе, о введении чрезвычайного положения, звучал призыв сохранять спокойствие и человеческое достоинство, не поддаваться панике.

Прослушав обращение, Сан Саныч почувствовал смертельную усталость. Он позвонил домой. Она уже всё знала: “Милый, приезжай. Побудь со мной. Я хочу тебе что-то сказать...”

У него защемило сердце. Это – как ночной кошмар: что-то огромное, страшное, надвигающееся на нечто бесконечно тонкое и хрупкое. Там, в беспредельной вышине с надрывным беззвучным рёвом и тягостным стоном неслась раненная небесная Анастасия. Здесь – милая, любимая, необыкновенная, нежная, ласковая Ася... Он не сразу осознал, что шепчет эти слова в трубку.

Предупредив дежурного о своём отъезде, Сан Саныч спустился к машине. Часовой проверил документы и взял под козырёк.

Он ехал домой, силясь не заснуть по дороге. Из глубины переутомлённого мозга медленно всплывали разрозненные мысли. Драматизм происходящего не втискивался в сознание. “Человечеству осталось жить совсем немного. Мир, развивавшийся миллиарды лет, всё живое, возможно, за исключением горстки простейших микробов и вирусов, погибнет в адском пламени. Может, это происходило с Землёй и не раз? Свидетельство тому – гигантские астероиды, эти космические раны диаметром в десятки и сотни километров, Гудзонов залив или Саргассово море, например. Они сглажены и замаскированы миллионами лет. Многие округлые впадины земного рельефа – синяки на теле матушки Земли от побоев небесными камнями. Планета Земля – это настоящее яйцо всмятку – не слишком-то прочный и надёжный космический дом для человека. Даже мелкие астероиды диаметром лишь в десятки километров,

взламывали и разбрасывали в пространство тонкую земную кору, расплещивая полужидкое “нутро”. Раскалённая лава затапливала поверхность, навсегда стирая следы некогда существовавших цивилизаций. Следы эти надо искать разве что на других планетах или в бескрайних просторах космоса? Бедный мой мозг! Он отказывается понять, что скоро навсегда перестанет мыслить. Хорошо бы, правы оказались те, кто верит, что наши души не погибнут, а переселятся в другие существа! Правда, это всё равно мало утешает. А причём тут вообще слово “утешает”? Утешают, когда горе. А горе, это когда кому-то плохо. Когда плохо сразу всем – это не горе. Это – обстоятельства. Жаль только, что человечество сгинет, так и не поняв смысла своего существования. Надо было не накапливать горы никчёмного теперь оружия, годного только для самоубийства человечества, а обживать другие планеты – Луну, например. Она, давно остывшая и твёрдая – “крепкий орешек” по сравнению с Землёй. Как мелко и глупо выглядит сейчас многое из того, что делало человечество! А сам я для чего существую? Для того, чтобы выучиться на астронома и открыть конец света за несколько месяцев до его наступления, да ещё дать ему такое светлое имя!?! Какая дьявольская игра судьбы, пославшей мне одновременно две Анастасии! Одну – олицетворение жизни и всего самого светлого, а другую – несущую гибель всему этому...”

Тягучие мысли его были прерваны военным патрулём. Проверили документы, осмотрели машину. Только сейчас Сан Саныч обратил внимание на магазины с тёмными разбитыми витринами, сгоревшие остовы автомобилей по обочинам, людей, бесцельно бредущих в разные стороны. Находясь в обсерватории, он не подозревал, что творится в мире.

Из-за поворота дороги открылся вид на море. Внизу в сгустившейся темноте разгоралось зарево пожара. Дорога юркнула во мрак ущелья. В подсознании его закопошилась безотчётная тревога. Нога машинально притопила газ. Выскочив на гребень, он снова увидел огонь... Анастасия! Мозг расколола страшная мысль. Всем своим существом он бросил машину вперёд. ЗИЛ вцепился в дорогу как паук. Резко тормозя у калитки, он почувствовал удар камня в лобовое стекло. На его участке в отблесках пламени с дикими криками метались какие-то люди. Обезумевшая толпа как хищный спрут что-то вытащила из разгоравшегося дома и, неистовствуя, волочила по земле. Горячая кровь хлынула ему в лицо. Он бросился в толпу, нанося удары направо и налево. Разорвав её плотную массу и ринувшись вниз, он увидел то, что было её жертвой. Нежное и прекрасное существо, самое дорогое для него в жизни, было превращено в кроваво-чёрный ужас! Невыразимо мучительная печаль в широко раскрытых глазах на изуродованном лице, заломленные руки, а вокруг – десятки мятущихся кровожадных щупальцев.

Ярость толпы перенеслась и на него. Он не чувствовал боли, только жгучую ярость. Кричал, бил, рвал зубами, пытаясь собрать на себя все удары. Теряя сознание, он услышал рокот мотоциклов. Внезапно всё вокруг словно погрузилось в молоко, затем исчезли все звуки, но он ещё боролся. И когда он понял, что помощь пришла, только тогда он позволил наваливающейся темноте взять над собою верх...

Ревущие мотоциклы в бешеном прыжке повалили забор и врезались в толпу. Началась свалка. Подоспевшие мотоциклисты, побросав на ходу машины, вооружённые обрезками шлангов, в шлемах с закрытыми забралами, рванулись к центру толпы. Лошадиный топот хлётких свистящих ударов слился с многоголосным воем. Из подскочившего армейского джипа, сопровождаемого ещё двумя мотоциклистами, выпрыгнули солдаты. Еле покрывая шум битвы, застучали автоматные очереди. Высоко в небо взвились фонтаны светлячков. Через мгновение толпа сдалась, рассыпаясь в темноту.

Приходя в сознание, он увидел над собой людей в шлемах, свет мотоциклетных фар.
– Свои... где Анастасия? – пролепетал он ещё не слушавшимися губами.

Ему помогли встать. Несколько человек тащили носилки. Он бросился туда. Её глаза были закрыты, волосы в липкой крови... Подхватил носилки. Рядом шла женщина в белом халате, державшая склянку с трубкой.

Погрузили носилки в машину. Доктор начала делать Анастасии искусственное дыхание пластиковой гармошкой, затем крикнула окружавшим:

– Собирайте ребят с первой группой крови и дуйте к больнице. Потребуется много крови. Поехали, быстрее!

Машина тронулась. На каждой неровности дороги он всем своим телом ощущал её боль.

– Бедная моя ласточка, девочка моя милая, как мало я отдал тебе своей любви и ласки, – шептали его губы. – Я должен был это предвидеть. Варвары двадцатого века!

Ему безотчётно хотелось схватить, обнять это искалеченное, почти безжизненное, но такое родное тело, прижимать, прижимать, прижимать к своей груди, чтобы пропитать жизнью своею, отдать всю её без остатка.

Видя его состояние, врач ни о чём не спрашивала. Ему самому надо было оказывать помощь. Рубашка – в клочья, всё тело в синяках и ссадинах.

– Доктор, у неё должен быть ребёночек, – проговорил он непослушным ртом.

Та ничего не ответила.

Ему не позволили следовать за носилками, а самого повели под руки. Отдавшись во власть медсестры, обработавшей и перевязавшей ему раны, он увидел через окно сплошные всполохи фар.

* * *

Капитан остался теперь совсем-совсем один, наедине со своими мыслями и катером. Он никак не мог предположить, что красивая звезда, которую он заметил утром и по началу принял за сверхновую, совершенно неожиданным и драматическим образом положит конец его долгожданному путешествию, большими трудами подготовленному, так хорошо начавшемуся.

Когда он увидел звезду, воссиявшую среди бела дня, поднял на ноги всех, решив, что счастливые путешественники стали свидетелями редчайшего события – вспышки близкой сверхновой. Такое в нашей Галактике последний раз, насколько он знал, отмечалось Кеплером в 1604 году. А сверхновая 1054 года, по хроникам китайских и японских астрологов, наблюдалась днём более двадцати суток, и как теперь выяснилось, породила знаменитую Крабовидную туманность. Своим спутникам, восхищённым необычным зрелищем, он посоветовал не оставаться долго вне защиты металлического корпуса, поскольку взорвавшаяся звезда должна была обильно поливать поверхность Земли ультрафиолетовыми лучами.

Капитан связался по радио с другими судами и с пограничниками, сообщив о необычном наблюдении. Все уставились на небо. Только когда небесная гостя вдруг быстро помутнела и расплылась в яркое пятнышко, повела себя не так, как подобает уважающим себя сверхновым, капитан заподозрил свою ошибку. Сообщения по радио внесли трагическую ясность. Он никак не мог поверить в случившееся, ощущал себя точно во сне. Радужные планы в одночасье рухнули. Друзья – у кого дети, у кого родители – заторопились домой. Пришлось пристать к берегу. Короткие сборы... расставание...

И вот он один. Катер мерно покачивался на волнах в паре сотен метров от берега, стоя на якорях. С горькой грустью светили береговые огни, выхватывая круги опустевшей набережной. Почти опорожненная бутылка водки стояла рядом с креслом, вмещавшем его размякшее тело, ещё несколько часов назад бывшее таким бодрым и упругим, расслабленные руки замерли на подлокотниках. Всё его существо сразу со всех сторон и во всей полноте впитывало окружающую ночь.

“Вот моё последнее пристанище, мой дом, мой саркофаг, который я собственноручно выдраил и привёл трудным путём в это благословенное богом место... для совершения последнего обряда, – думал капитан. – Неужели, всё это вокруг – реальность? Почему я так спокойно всё это воспринимаю? А что ещё остаётся? Ничто живое до конца не верит, что будет когда-то конец... надеюсь, это не будут мои худшие деньки... и ночи. Есть время задуматься о вечном, о главном... и насладиться этим прекрасным миром. Нет, право, я уже на другой планете! Да и не я это вовсе!”

* * *

Со всех сторон к больнице стекались мотоциклисты. Скоро вся площадка перед окнами была запружена.

Ребята готовились к сдаче крови. Один парень, одетый не как все и очень смущавшийся, попросил, чтобы Анастасия не видела его лица, когда будут переливать кровь. Сестра с улыбкой успокоила его:

– Во-первых, она – без сознания, во-вторых, переливание – не прямое.

Парень успокоился, как только у него взяли кровь и сказали, что она пошла в дело. Затем он долго говорил с одним из рокеров, видимо, старшим здесь.

Добиться чего-то толкового от врачей Сан Саныч не мог. Наконец, к нему вышла пожилая женщина-хирург:

– Жить будет, но состояние тяжёлое – проникающее ранение брюшной полости, – при этих словах всё у него опустилось, – переломы рёбер, лучевой кости, вывихи суставов рук... сколько времени ребёночку?

Он хотел ответить, но не мог.

– Ребёночка попытаемся сохранить, хотя... сами знаете... Впрочем, matka держит как бульдог.

Из-за двери высунулась сестра в марлевой повязке:

– Пришла в сознание. Два раза произнесла: “Саныч”.

– Это она меня звала, дайте взглянуть на неё! – взмолился Сан Саныч.

– Что вы, сейчас нельзя!

Но он в мгновение протиснул голову в дверь и крикнул:

– Ася, я здесь! Всё в порядке. Ты будешь жить и ребёнок тоже! Я люблю тебя! Ася, Ася...

Сестра с трудом закрыла дверь.

– Все мы будем жить благодаря вашей Анастасии! – не то иронически, не то сердито буркнула врач и скрылась в палате.

Сан Саныч подумал про себя: “И что это я крикнул “Всё в порядке”? Что, собственно, в порядке?”

Подошел старший из рокеров.

– Этот парень, – он указал на того смущённо ёжившегося паренька, – видел, как перед нападением толпы из разбитого окна выпрыгнул какой-то тип с небритой рожей и ножом в руке и сразу ловко скрылся.

Вышла врач и обратилась к Сан Санычу:

– Она всё пытается сказать, что вам угрожает опасность, какое-то шимпанзе сбежало. По-моему, это – не бред. Но раньше, чем через двое суток, я вас к ней не пущу.

– Шимпанзе? – воскликнул один из мотоциклистов. – Это же Мишка Шимпанзе! Неужели он сбежал из тюрьмы... или отпустили? Был у нас тут один «парниша, драный штаниша», – он обернулся к Сан Санычу, – его прозвали Шимпанзе за длинные руки и физиономию. Он рос без отца, хулиганил, воровал, пил. Перед тем, как его посадили за поножовщину, он Анастасии проходу не давал. Приходилось даже с ним говорить пару раз по-мужски. Опас-

ный тип, все тропки здесь как свои пять знает. Сейчас, я думаю, он способен на всё. Вы, Сан Саныч, должны его остерегаться, а у Анастасии мы пост поставим.

Сан Саныча подвезли до дому. Шестнадцать километров от больницы на мотоцикле он выдержал с трудом, продрог, еле держался в седле.

Жилище его представляло удручающее зрелище. Всё вытоптано в пыль. Дом выгорел изнутри. Вместо крыши теперь – закопченное бетонное перекрытие потолка. Пламя не тронуло лишь часть кухни и подвал. Он долго держал в руках полуобгоревший передник...

“Москвич”, стоявший за домом, с одного бока покрылся пузырями, но уцелел. Сан Саныч достал из него рабочий комбинезон и надел. Это была единственная одежда, которая у него осталась. Забрался в машину, запустил мотор и печку, чтобы согреться. Согревшись, забылся тяжёлым сном.

Глава 4

“Последний из могикан”

Проснулся он оттого, что в неудобной позе затекло всё тело.

Страшно хотелось спать. Протерев глаза, он сразу поехал в обсерваторию. День и ночь смешались у него в голове. Раны саднили, тело ломило, отбитые руки плохо слушались. Но, войдя в вычислительный центр и углубившись в работу, он забыл про боль.

Приехала группа математиков во главе с членкором из ВЦ Академии наук. Жарко обсуждался вопрос о последствиях столкновения Анастасии с Землёй. Есть ли у человечества шанс? Шанса, похоже, не было. В результате вырисовывалась следующая картина, которая иллюстрировалась синтезированными видеокадрами. После удара астероида в комету и произошедшего в результате этого взрыва, вокруг Анастасии образовалась гигантская расширяющаяся туманность из продуктов взрыва, достигающая нескольких миллионов километров в диаметре. С Земли она была видна даже в дневное время невооружённым глазом как яркая звезда, расплывшаяся затем в мутное пятно. Постепенно туманность достигнет огромных размеров и заполнит собою чуть ли не половину ночного неба. Примерно за сутки до столкновения с Анастасией Земля войдёт в соприкосновение с этой туманностью. Наступят “белые ночи”. На Землю прольётся всё усиливающийся метеорный дождь. Постепенно небо превратится в сплошной огненный фейерверк. Дневное небо потемнеет вследствие засорения атмосферы космическим веществом и продуктами его сгорания. Солнце будет еле просвечивать через эту плотную кроваво-коричневую завесу. Наиболее крупные осколки, которые могут достигать нескольких десятков и даже сотен метров в поперечнике, войдя в плотные слои атмосферы и даже достигая поверхности Земли, будут взрываться наподобие Тунгусского метеорита с силой водородных бомб. Земля, вращаясь вокруг своей оси, будет подставлять всё новую свою поверхность этому чудовищному граду.

За несколько часов до столкновения Анастасия будет на расстоянии Луны и станет различимой на фоне полыхающего серо-багрового неба, быстро увеличиваясь в размерах. За несколько минут до столкновения огромный, подсвечиваемый Солнцем ослепительный шар войдёт в земную тень и превратится в тёмную серо-бурую массу, скрывающуюся за ослепительным метеорным дождём. За несколько секунд до удара метеоритный дождь внезапно прекратится. Заслоняющий всё небо чудовищный шар, разламываемый земной гравитацией, вынырнет из тьмы за две секунды до столкновения, когда в месте соприкосновения атмосфер возникнет расширяющаяся плазменная зона из спрессованных газов и на какое-то мгновение яркая вспышка осветит всё вокруг. Ещё через мгновение, когда тела почти соприкоснутся, вспыхнет смерч чудовищного нарастающего взрыва, превращающего Анастасию в плазму, а затем на несколько секунд – в звезду, более мощную, чем Солнце. Адский жар мгновенно испарит и воспламенит всё в радиусе нескольких тысяч километров. С половины земного шара будет снята атмосфера. По телу Земли со скоростью ракеты пойдёт космическая судорога – взрывная ударная волна, взламывающая земную поверхность на глубину сначала в несколько сотен, а затем, десятков километров, сметая все следы жизни. И пока эта волна не достигнет их, люди на соседних континентах смогут несколько минут наблюдать грандиозное зарево, а затем, ослепительную зарю адского пламени, встающего над горизонтом.

Вся поверхность Земли за считанные минуты превратится в сплошное поле огнедышащих вулканов, разломов и трещин. Почти всю её зальёт раскалённая лава. Соприкосновение лавы с толщей океанских вод вызовет гигантские взрывные валы, горы пламени и пара. Дело довершит сверхзвуковая атмосферная ударная волна, несколько раз обогнув изуродованную планету. Вслед за этим Земля будет полностью поглощена раскалённым плазменным облаком, а потом укутается плотнейшей оболочкой продуктов взрыва – сажи, углекислого газа, пара,

пыли. Планета на долгие годы погрузится в крошечную тьму. Ни один лучик света не пробьёт эту броню. Разогретая поверхность постепенно охладится и наступит космический холод – оледенение на десятки и сотни лет. И даже затем климат Земли никогда уже не будет напоминать тот рай, что пока на планете. Помимо всего прочего, Земля получит импульс, в результате которого её орбита вытянется, планета будет то нещадно палиться жаркими лучами Солнца, то стыть в космическом ознобе.

Поражённые, подавленные результатами своих исследований, люди долго не могли прийти в себя, курили, молчали. После работы никто не спешил расходиться. Можно было подумать, что обсерватория гарантирует им безопасность как сторонним наблюдателям.

Возникал вопрос, как же можно уцелеть человеку в этом кошмаре? Сан Саныч теперь постоянно думал об этом. Можно попытаться зарыться поглубже в землю, но земная кора пойдёт на переплавку. Отсидеться в подводной лодке на глубине? Но океаны обратятся буквально в пороховую бочку. Часть воды под действием высоких температур разложится на составляющие – кислород и водород, образующие гремучий газ, взрывом которого будет уничтожена любая подводная лодка. Другая часть воды просто испарится. Лодка, в лучшем случае, останется как рыба на дне высохшего пруда, превращаясь затем в раскалённую печь. Спасаться на самолёте или воздушном шаре? – А метеоритные дожди, взрывы осколков, катастрофическая ударная волна, выгорание кислорода атмосферы... Улететь на космических кораблях? – Это могут сделать единицы. Да и отлететь надо успеть на миллионы километров, чтобы миновать метеоритную опасность вблизи Анастасии и не сгореть в пламени вспышки при столкновении её с Землёй. А как потом вернуться на Землю, десятки, а то и сотни лет непригодную для жизни, окружённую облаком осколков, через которое не пройти? Отсидеться на обратной стороне Луны, на Венере, на Марсе?

Гонка космических вооружений, нацеленных скорее на Землю, загнала человечество в мышеловку. Судьба её скоро захлопнет, проверяя нас на сообразительность. А ведь нынешний уровень развития науки и техники вполне позволил бы сохранить в космосе или на ближайших планетах “выжимки из достижений человечества” в виде библиотек на кристаллах кварца, к примеру. Сильно постаравшись, люди давно уже имели бы обитаемые станции на Луне и в открытом космосе, не говоря уж о системах метеоритной и астероидной защиты. Конечно, сдвинуть такое огромное тело, как Анастасия, человечеству ещё долго будет не по силам, а вот тот злосчастный астероид даже современные системы вполне могли заблаговременно обнаружить и отвести от рокового столкновения. Общеземная служба космической безопасности – реальность. А пока наша планета просто кишит всевозможными службами безопасности, от которых и исходит наибольшая опасность. Видимо, человечество просто не готово морально. Даже появившись сейчас противоастероидная система, – кто даст гарантию, что люди не применят её сначала в борьбе друг против друга?

Давая отдельные поручения, выслушивая доклады сотрудников, прихлёбывая горячий чай из стакана или даже распекая кого-либо из подчинённых, Сан Саныч не переставал подспудно размышлять о близком конце света. Да, он уже не боялся этого слова. С наивысшей последней точки легко обернуться назад, мысленно окинуть взором миллиарды лет существования Земли и лишь жалкий десяток тысяч лет разумного бытия человека.

“Впрочем, такого ли уж разумного? Сначала – борьба за выживание среди враждебных стихий природы. Потом – борьба за власть среди враждующих сил общества. Древние для вечности делали больше – строили обсерватории и пирамиды, высекали высоко в скалах письмена, ставили храмы и изваяния богов. Нынешние – громоздят горы старых автомобилей и оружия, утопая в достатке, перерабатывают природу на сиюминутные ценности. Они перестали смотреть на небо. Много ли сил современные общества тратят на действительно вечное – науку, искусство, любовь, самосовершенствование, на обеспечение устойчивости жизни во Вселенной, наконец? Имею ли я право называть себя Учёным, если, накопив массу знаний о Природе

и Космосе, я лишь плыву по течению, удобно устроившись в лодке беспечной цивилизации, зная о водопаде за поворотом?”

Надрывный рёв моторов нарушил священную тишину обсерватории. Привезли продукты. Власти по всей стране распорядились приоткрыть стратегические хранилища и распределить часть съестного среди населения. На обсерваторию прибыли два армейских грузовика с консервами. Офицер вывел Сан Саныча из состояния задумчивого полузабытья и заставил дать соответствующие распоряжения. На какое-то время часть обсерватории превратилась в бесплатный магазин коммунистических грёз. Икра нескольких сортов, рыбные и мясные деликатесы, печенье и шоколад, чай и водка – горы ящиков до потолка.

Сан Саныч распорядился разобрать продукты по семьям, а на обсерватории создать запас на случай непредвиденных обстоятельств.

Друзья втихомолку набили ему машину съестными припасами. Он заметил это, когда подошёл к своему притихшему “Москвичку” с бутылкой водки и несколькими банками своей любимой “красной рыбы” – килькой в томате. Улыбка коснулась его лица. Как хорошо, когда есть настоящие друзья!

Не хотелось ехать домой. Дома ведь у него теперь, можно сказать, не было. Да и зачем ему туда? Ася – в больнице, до “судного дня” осталось совсем немного...

Какая дикая несправедливость Рока! Где-то на скромной окраине Вселенной возникло чудо – жизнь. И так бессмысленно жестоко и неотвратимо это чудо будет уничтожено холодным бесчувственным куском материи!

Вся дивная местность вокруг дороги воспринималась теперь как декорация в каком-то кошмарном спектакле. Сан Саныч так остро ощутил всю малость этого прекрасного, славного и хрупкого мира на планете Земля, этих невысоких гор, покрытых цветущей дымкой благоуханных лесов, искрящегося ласкового моря, этого живительного воздуха, простирающегося ввысь всего лишь на какие-то полтора-два десятка километров, а дальше – неприветливая космическая бездна. До неё даже ближе, чем до его дома!!! А там, в безмолвно кричащей пустоте, набитой пространством, материей, энергией, временем и ещё чёрт знает чем, действуют слепые законы безжалостной Природы, Природы мёртвой, без страстей и желаний, без радостей и горестей.

“Наша взрывающаяся вселенная – лишь малая частичка огромного мира, затерявшаяся среди мириад звёзд и галактик.

Чёрная пустота вокруг – только кажущаяся. Там – бесконечный мир. Даже если нас и не пристукнула бы эта кометища, мы всё равно не смогли бы увидеть, что там. Свет – слишком медленный носитель информации для таких просторов, времён и скоростей, Эйнштейн меня побери!”

Так думал он, но эти мысли нельзя точно передать словами, поскольку они возникают в мозгу и сменяют друг друга в виде ярких образов. Не записать этот чудовищный фильм на плёнку. Разве можно создать даже нашей могучей технологией что-либо подобное по силе восприятия и синтеза? Образы, полные мельчайших деталей, звуков и красок, проявляются мгновенно во всей совокупности проблем, сопоставляемых явлений, их причин и следствий. О подобных мгновениях человек говорит: «И в этот миг я понял...»

Неожиданно что-то сильно хлопнуло перед самым его лицом. Несколько секунд он ничего не понимал. Потом он заметил в зеркале заднего вида: с дороги к кустам бросился человек. Сан Саныч резко затормозил и обернулся. Человек остановился и смотрел в его сторону. “Неужели задел пешехода? – у Сан Саныча всё внутри оборвалось. Но в следующее мгновение он бешено нажал на газ, осознав, что этот человек в него стрелял и сейчас, наверное, лихорадочно соображает, скрыться ли ему после неудачной попытки или, броском преодолев эти сорок метров, пустить оружие в ход снова?”

Визжа покрышками, напрягая все свои силёнки, верный “Москвичонок” уносился от пули, так и норовящей помчаться ему вдогонку из слепого зрачка вскинутого пистолета. Противник, поняв, что стрелять уже бесполезно, скрылся в кустах. Еле удержав машину на дороге в очередном повороте, Сан Саныч подумал, что следующие несколько витков дороги прекрасно простреливаются с того места, где был нападавший. Он проскочил эти витки, то сбрасывая газ, то надавая. Кидал машину от обочины к обочине. Вряд ли пистолетчик попал бы в такую вертящуюся цель. Он и не попал. Только всколупнул асфальт в паре метров перед машиной.

Остановившись у самого входа, он осмотрел салон. Пуля, видимо, прошла через оба открытые передние окна. Дело принимало серьёзный оборот. Человек на шоссе и есть то самое Шимпанзе – длинные ручищи до колен, раскачивающиеся движения... И место выбрал самое удачное – тут машины сбавляют ход, дорога хорошо просматривается, есть, где спрятаться.

Сразу подумал об Асе. Ведь за нею бандит охотился в первую очередь. Сейчас он способен на всё и ничего не боится – до конца всего лишь жалкий отрезок времени. Но зачем тогда и его бояться?

Тут Сан Саныч спохватился и отбросил эту мысль. Всеобщую гибель надо встретить живым!

Он нашёл в доме на полу полуобгоревший телефонный аппарат, гудков не было. Осмотрел провода, нашёл сгоревший участок. Через минуту появились гудки.

В больнице ответили, что Анастасия пришла в сознание, спит, а около больницы дежурят мотоциклисты. Врачи их гонят – они не уходят.

Сан Саныч попросил кого-нибудь из этих ребят к телефону. В ответ на недовольное шипение медсестры пообещал попробовать уговорить их уехать.

Трубку взял незнакомый парень:

– Кто-то подозрительный рыскал около больницы на чёрном “Днепре”. Мы его неосторожно спугнули.

На сердце у Сан Саныча стало беспокойно. Рассказав про случай на дороге, он попросил не говорить ей и быть настороже.

Затем он позвонил в милицию. Дежурный лейтенант, выслушав, сообщил, что о побеге Мишки Шимпанзе они знают, розыски ведутся, при нынешнем положении церемониться с бандитом не будут. Он посоветовал все эти дни быть особенно осторожным, явно намекая, что полагаться надо только на самого себя.

Да, такой сейчас момент. Не время воспитывать антиобщественные элементы. Это Сан Саныч понимал со всей определенностью.

В заключение лейтенант порекомендовал лучше запереть дверь и на ночь закрывать ставни на окнах. Услышав в ответ, что ни окон, ни дверей теперь в доме нет, посоветовал ночевать у друзей. На том разговор и окончился.

Ехать к кому-то он был не в силах. Но о собственной безопасности стоило позаботиться. Поставил чайник и, пока тот закипал, расчистил люк в подвал и вытащил оттуда ящик с охотничьими принадлежностями. В ящике хранился старый, но вполне боевой охотничий пятизарядный автомат МЦ двенадцатого калибра, купленный в своё время по случаю за смешотворную цену. Теперь ему не было цены. Собрав ружьё, он положил его перед собой и, потягивая согревающий чай, принялся размышлять о том, как он, “последний из могикан”, выйдет на тропу войны.

Осмотрел имевшиеся патроны. Дробь разных номеров. Покопался в ящике, нашёл с десяток пуль-турбинок, мешочек картечи. Это было посерьёзнее – купил давно для охоты на крупного зверя, но в суматохе дел сходить так и не довелось. Сейчас зверь сам за ним охотился. Раскрыв несколько патронов и высыпав оттуда дробь, задумался, чем их снарядить?

Пуля, рассчитанная на зверя в полтонны весом, распластывающаяся в его теле, наносила чудовищную смертельную рану. Человеку она не оставляла никаких шансов. Надо было только

попасть. Но попасть, вот это как раз и будет проблемой. Не я караулю его, а он меня. Стрелять придётся навскидку. Мгновения решают всё. Тут и с трёх метров дашь промах. Во всяком случае, первый патрон из пяти надо снарядить картечью, чтобы осыпать врага, как из душа. Шутка ли, выпустить за один выстрел пару pistolетных обойм! А второй заряд – пулю. Ствол уже будет в направлении противника. Если картечью только зацепишь, всё же это приведёт противника в секундное замешательство, пулей потом – наверняка.

Поразмыслив ещё о возможных вариантах, решил третий патрон снова снарядить картечью – вдруг промахи, враг начнёт метаться, помчится в укрытие или самому придётся сделать то же. Четвёртый и пятый – снарядил пулями, чтобы пробить укрытие или стрелять издалека. Затем, подумав, решил, что пятый патрон должен быть с картечью – если до него дойдёт дело, значит, попасть трудно: либо свалка, либо далеко. В обоих случаях лучше картечь. Метров до пяти – работает как разрывная пуля, а издалека – легче попасть. Главное – зацепить, потом будет секунда – другая, чтобы вставить ещё патрон.

Подумав ещё, ведь на карту ставилась жизнь, он решил отпилить чок – специальное концентрирующее сужение на конце ствола, чтобы “душ” бил пошире. Повертев ружьё в руках, отпилил ствол почти до самого магазина – в машине с такой длинной пушкой не повернуться. Подпилил и приклад. Получилась отличная штучка – то, что надо для современного момента.

Тщательно подогнал пули к стволу, аккуратно снарядил патроны, увеличив заряд пороха до максимального, картечь пересыпал крупной солью. Снаряженные патроны вложил в магазин и в патронник в выработанной очерёдности. Несколько запасных патронов распихал по карманам.

Достал охотничий нож в чехле и на всякий случай – запас карман не рвёт – приладил его на поясе под одеждой. Затем взял ружьё и сделал несколько выпадов, имитируя стрельбу навскидку в движении и даже в падении – надо было хоть немного потренировать тело, чтобы оно не “заклинило” в критический момент.

Удовлетворившись подготовкой и уложив “куклу” в “Москвиче”, он примостился на ночлег за тёплой ещё кухонной плитой. Лучшая броня – это маскировка! Спал как индеец, реагируя на малейший шорох.

Отважится ли противник напасть на тёмный дом, зияющий пустыми глазницами окон как череп мертвеца?

* * *

Наутро с рассветом Сан Саныч поехал в обсерваторию. Ружьё держал между сиденьями под правой рукой, в любую секунду готовый открыть бешеную канонаду, как вьетнамский зенитчик.

На пороге обсерватории его встретил бывший директор:

– Сан Саныч, нас с вами срочно вызывают на совещание к Представителю Президента.

Разглядывая свои бинты и неподходящую одежду, под которой к тому же ещё скрывался нож, Сан Саныч хотел, было, попросить у кого-нибудь костюм, да постеснялся. Захватив короткую справку и несколько синтезированных иллюстраций, двинулись в путь.

Добирались довольно долго. То и дело останавливали патрули, а один раз чуть не попали под танк. Как только водитель этой махины “без окон, без дверей” видит дорогу?! По компасу что ли ездит?

На центральной площади перед зданием с развевающимся государственным флагом было заметно оживление: военные и милицейские патрули, гражданские с красными повязками и автоматами, масса спящих людей с серыми озабоченными лицами, в два ряда чёрные автомобили вперемешку с армейскими джипами.

Миновав патрули, прошли в зал совещаний, уже почти заполнившийся. Появился Представитель Президента, худощавый и коренастый подвижный человек, его Сан Саныч никогда раньше не видел. На ходу поздоровавшись с присутствующими, он сразу повернулся в сторону Сан Саныча:

– Александр Александрович Щербаков, исполняющий обязанности директора нашей обсерватории, главный, так сказать, виновник событий. В двух словах пояснит нам размер бедствия.

Сан Саныча поразило разнообразие выражений лиц людей. Он ожидал встретить здесь ответственных работников, излучающих деловитость и достоинство, всезнание и всемогущество, а увидел галерею актёрских образов в фойе драматического театра. Близкая трагедия посрывала маски.

– Друзья, – начал Сан Саныч, покашляв для солидности, – по расчётам, удар приходится в южную часть Австралии, – далее он кратко изложил последние данные моделирования и в заключение раздал иллюстрации.

– Так что же, гибель неизбежна? – спросил высокий человек с суровым лицом. – Нельзя ли расстрелять эти космические тела ядерными зарядами?

– Я не военный, но скажу, – ответил Сан Саныч, – предотвратить катастрофу человечество не в силах. Мощный термоядерный заряд способен испарить глыбу размером с небоскрёб или раздробить астероид с город величиной. И то при условии прямого попадания, что в нашем случае невозможно. Ракеты или космические аппараты для доставки зарядов, а также все другие средства – орбитальные лазерные и электродинамические пушки, вообще рассчитанные на мелкие и хрупкие космические цели, будут уничтожены градом микрочастиц в первые же минуты контакта с гигантским облаком осколков вокруг кометы. “Справиться” с космическим телом диаметром больше, чем весь Крым, даже рванув одновременно все ядерные арсеналы Земли, невозможно. Что касается последствий удара, напомним, что знаменитый Тунгусский метеорит, срезавший лес в радиусе тридцати километров взрывом мощностью в десятку мегатонн, был всего лишь ледяной глыбой размером с многоэтажный дом. Удар Анастасии взломает и переплавит земную кору, испарит океаны, исказит орбиту Земли. Некоторые учёные считают, что вследствие дифференциации – расслоения – вещества нашей планеты за миллиарды лет её существования в определённых слоях сконцентрировалось ядерное и термоядерное горючее. Столь мощный удар спровоцирует его детонацию. Земля на какое-то время вспыхнет как Солнце, сбросив с себя оболочку. Гравитационные силы не в состоянии будут удержать большую часть вещества, разогретого до миллионов градусов. Как плохо мы знаем то, что у нас под ногами! Мы проникли вглубь планеты, на которой жили, всего лишь на два десятка километров, а её радиус – более шести тысяч километров! Мы можем убить планету, но не смогли, да и не слишком хотели стать способными её защитить.

В зале поднялся гул.

– Товарищи, товарищи, – председательствующий, встав, пытался перекрыть этот шум, – прошу тишины. Получено указание, да и вы это сами прекрасно понимаете, обеспечить в оставшееся время общественный порядок, а людей – всем необходимым. Особо подчёркиваю, все предприятия, обеспечивающие нормальную жизнь населения, должны работать бесперебойно. На предприятиях предлагается срочно создать чрезвычайные команды под вашим началом. Мобилизуйте бывших дружинников, спортсменов, воинов запаса, отряды гражданской обороны. Задача – обеспечение нормального функционирования предприятий и порядка на вверенной территории. С саботажниками и мародерами не церемониться. При необходимости обращайтесь к военным. Оружие и инструкции получите в своих отделениях милиции.

Учтите, инструкции не могут вместить всего, да и некогда их писать. Действуйте по советам, но твёрдо. Нами составлены графики завоза продуктов. Основная масса – по предприятиям и организациям. Сразу скажу, запас продуктов таков, что его невозможно съесть за остав-

шее время. Хватит многократно на всех. Телевидение и радио, электро- и теплоснабжение, транспорт и связь, водопровод и канализация, прочее коммунальное хозяйство, танцплощадки, театры, кино, кафе, рестораны и многое другое по списку должны функционировать. За этот короткий срок мы должны сделать для людей больше, чем всегда. Мне трудно подобрать слова, но наш человеческий долг как руководителей – насытить, обогатить духовно, прежде всего, а также обеспечить материально жизнь людей в этот трагический период, раз мы не можем их спасти. Перед наступлением катастрофы будет задействована система гражданской обороны.

– Это ещё зачем? Всё равно всем – конец, – раздался чей-то голос.

– А кто из вас нам скажет, что сможет спокойно созерцать, как умирает раненый ребёнок, даже если все погибнем через час?

В зале воцарилось гробовое молчание.

– Ещё раз напоминаю, системы и объекты гражданской обороны должны быть приведены в надлежащее состояние. Есть вопросы?

Вопросы посыпались градом. Сан Саныч обратил внимание, что на совещании присутствуют и священнослужители, молча с величавым достоинством сидящие в отдалении.

Думалось о чём-то прошлом и “вечных” ценностях. Неожиданно воцарившаяся тишина заставила его спуститься “с неба на землю” и прислушаться. Видимо, был задан какой-то вопрос, интересующий всех, и Представитель Президента обдумывал ответ:

– ...Да, по поступившим сведениям, произошло несколько опасных инцидентов с применением вооружённой силы. Так нашим морякам пришлось вступить за мирное население на Кипре. Дело дошло до применения ракет и авиации. Есть жертвы. Ряд кровавых стычек произошли на Ближнем Востоке и в Африке на религиозной почве. В Штатах и Европе отмечаются крупные оргии, хулиганские погромы и масса мелких драк с применением оружия. У нас, благодаря своевременно принятым мерам, ситуация находится под полным контролем властей. Но прошу не обольщаться – главное ещё впереди. На этом всё. Кто из руководителей не получил личное оружие, получите в комнате двести один.

При выходе из зала каждому вручили пачку последних документов. В двести первой комнате Сан Саныч и заместитель получили под расписку по пистолету с двумя обоймами.

Пока ехали в обсерваторию, заместитель вслух читал документы. Как много нужно было сделать! Раньше Сан Санычу казалось, что всё это делается как-то само собой. Теперь же ему приоткрылась эта бездна кропотливой повседневной организаторской работы, сравнимая с бездной космической. Сейчас, когда деньги перестали играть какую-либо роль, всё встало на свои места, как было некогда раньше – ближе к естественным потребностям людей. Простая и ясная целесообразность. Что это, военный коммунизм или тот самый “недоразвитый” социализм, которые помогали побеждать в войнах и разрухе? Или, может, чрезвычайка везде имеет одну суть, только в разных странах разные институты берутся за эту работу: где – армия, где – парторганы, где – церковь? Что лучше, что сильнее, что эффективнее – штык, идея или вера? А где наука, знание, где естество природы?

Обсерваторию они не узнали. Грузовики с продуктами превратили её в праздничный базар. Фрукты, консервы, коробки конфет, копчёная колбаса, растворимый кофе и куча всякой другой снеди, включая маленькие бутылочки коллекционных вин.

– Ваша обсерватория теперь – стратегический объект. Обслуживается по высшему классу. По списку идёт третьим номером после аппарата Представителя Президента и правительства, – хвастал экспедитор.

Хозяйственные женщины разбирали фасованных кур и мясо. Тару нужно было вернуть с грузовиком, поэтому работники во главе с членкором раскладывали на полу Солнечную систему из банок и бутылок. Вот это – пояс астероидов из мелких консервов. Здесь – группа астероидов “троянцы” из тушёнки, идущие по орбите Юпитера в резонансной точке, напротив них – “греки” – коллекционный рислинг. А это – сам Юпитер – здоровенная банка марино-

ванных овощей. Анастасия превратилась в огромный ананас, несущийся к Земле – круглой копчёной ветчине в верёвочках.

– А вот и телескоп Сан Саныча! – воскликнул Женька, доставая из ящика бутылку крымского “Чёрного доктора”. – Ну, уважаемые дамы и мужики, объявляется праздничный пир по случаю конца света, этого замечательного открытия, которое наша доблестная обсерватория подарила миру, и которое распаивает перед благодарным человечеством новые горизонты того света!

Никто, кроме дежурных у приборов, сегодня уж больше не работал. В одном из помещений сдвинули столы, застелив их по давней традиции распечатками. Через полчаса стол был накрыт.

Когда вошли Сан Саныч с замами, просто всплеснули руками:

– Ну, друзья, это – действительно конец света!

Стол ломился от яств и был сервирован в лучших традициях академической науки.

Включили радио. Теперь всё чаще передавали торжественные симфонии. Под величественно-трогательную музыку Свиридова расселись.

Пока раскладывали всякую всячину, Сан Саныч лихорадочно соображал, что бы такое сказать, подходящее моменту и, в то же время, достойное руководителя. Вид у него был, видимо, просящий слова – сосредоточенный взгляд, зажатый в руке стаканчик с вином. Все замолкли и смотрели на него.

Он встал. Рот начал говорить сам:

– Друзья!.. Вся наша жизнь вспоминается по ярким эпизодам. У кого их было больше – тот больше и жил. Нужно уметь эти эпизоды замечать, стремиться их создавать. И дни растянутся в годы, а последние мгновения – в вечность! Конец близок, но он ещё так бесконечно далёк! Я чувствую, что главное в нашей жизни ещё впереди. Все люди смертны. Всё превратится во прах. Что останется после? Только материализованное знание – информационный след. Для кого? – Для других людей, других разумных существ, для самовоссоздающейся Природы. Очагов живой природы и даже разумных существ наверняка много в окружающей Вселенной. Мы запускаем во все стороны искусственные маяки с квинтэссенцией человеческих знаний и замороженными клетками, несущими генокод всего живого на Земле. Чрезвычайные усилия прилагает человечество, отправляя к Марсу отряд кораблей с женщинами на борту, чтобы попытаться зачать там новую, чистую и добрую космическую цивилизацию. Многие месяцы и даже годы они пробудут в опасном космосе и, если увидят, что на Земле возможно возобновление жизни, вернут на неё жизнь. Как низко мы ценили эту жизнь, эту величайшую ценность во Вселенной! Как мало мы сделали для её сохранения, считая даже вполне допустимым отнимать её у других. Как мало мы делали друг другу добрых дел и говорили хороших слов, не украшая эту жизнь цветами любви! Мы – зрелая цивилизация, впавшая в беспечное и наивное, чванливое и капризное самоубийственное детство. Поэтому мы умираем. Но если мы сейчас очнёмся, соединим свои силы, сконцентрируем разум, сольём свои души в единый порыв, мы сможем, мы успеем спасти Жизнь. Она вечна, но её вечность – в наших руках!

Воцарилась тишина. Каждый думал о вечности и силе жизни, этой самой большой тайны, изощедшей из далёких глубин прошлого и наверняка прорастающей в будущее.

Молча встали. Осушили бокалы. За еду взялись не сразу.

На нужный лад всех настроил, как всегда, Женька:

– Вот это колбаса! Если в каждый конец света будут так кормить, я согласен переживать его ежеполучечно!

– В раю, наверное, колбаса вкуснее, – вставил кто-то.

– Там её вовсе нет. Там только сад, в крайнем случае, огород. Животных там не едят. Вегетарианство! Колбаса только на этом свете, – отпарировал Женька.

– Надо будет прихватить килограммчик.

– А ты уверен, что тебя с колбасой – именно в рай, а не в ад? Вообще, рекомендую брать только спирт. За спирт всё и везде можно достать, – подхватил руководитель эксплуатационников на ВЦ, – я вот тут запросто настоящие французские “Клима” за спирт выменял.

– И что, выпил?

– Не... на второй машине, где одни девчонки работают, стал контакты протирать.

– Девчата! – обратился Женька к девушкам со второй машины. – И как ваши контакты?

Те прыснули, а одна, самая бойкая:

– Под высоким напряжением!

Все постепенно оживились. Помещение наполнилось естественными для такого мероприятия гвалтом и прочими звуками, олицетворяющими жизнь в одном из её приятных проявлений.

Следующий тост провозгласил членкор:

– Предлагаю выпить за нашу науку, которая хоть и не прибавила нам богатств, зато подарила эти сладостные мгновения встретить время “Ч” заблаговременно, с открытыми глазами, полной информацией и наполненными бокалами, а то бы так и подошли в темноте, как букашки, раздавленные ногтём. Жаль только, ещё бы чуть-чуть усилий – и наука научила бы нас летать как мух, чтобы, выпорхнув из-под занесённой длани, сесть обидчику на нос! Да здравствует наука!

Выпили. Слово взяла бойкая секретарша Зоя, покрасневшая от вина и волнения:

– А я считаю, небеса не зря посылают нам ангела смерти, потому что мы действительно не ценим жизнь, разбазариваем её по-пустому, а то и вовсе употребляем для зла. Так уж и получается: что имеем – не храним, потеряем – плачем! Давайте хоть в эти дни поживём так, чтобы прийти к черте очищенными и удовлетворёнными. Я вас всех люблю, дорогие мои! – слёзы невольно потекли у неё из глаз.

Все с нею чокнулись, а бывший директор поцеловал.

Притащили профсоюзный магнитофон. Грянула музыка, олицетворяющая пение души в кузнечно-прессовом цехе. Молодые практиканты сорвались с мест и показали, что происходит в невесомости, когда корабль со всех сторон бомбардируется крупными астероидами. Когда магнитофон заработал словно электрический разрядник, к парням присоединились девчата со второй машины. Неведомо, что испытывала женская половина собрания, но другая половина действительно подверглась воздействию электричества высокого напряжения.

Народ разбился на небольшие оживлённые кружки. Спорили, доказывали, произносили тосты за здоровье и за упокой, как всегда, много говорили о работе, танцевали, целовались, затем пили кофе с пирожными и конфетами, курили, рассказывали свежие анекдоты про комету и космические прикольчики Василия Ивановича с Петькой, учёного чукчи и Рабиновича с Сарой.

Под общий шум Сан Саныч ухитрился незаметно улизнуть, прихватив увесистый пакет с деликатесами. Миновав молоденького солдатика, стоявшего на часах и мечтательно вслушивавшегося в доносившийся гомон, он очутился в своём уютном “Москвичонке”. Пушка была на месте.

Поехал в больницу. Вечерело. Темнота давала ему относительную безопасность – седока не разглядеть. Доехал спокойно, если не считать, что среди нескольких военных патрулей попался один гражданский. Красные повязки людей с автоматами были плохо видны в темноте. Сердце было не на месте.

Мотоциклисты у больницы были на посту. На их рукавах уже красовались повязки, а за спинами поблёскивали воронёной сталью новенькие “Калашы”. Поделившись с ними снедью, Сан Саныч выслушал доклад, что всё в порядке, Анастасия уже пыталась встать и подошла к окну, но сёстры её поймали и уложили.

В больнице его сразу узнали, дали халат, провели в палату. Ася в палате лежала одна. Рядом стояла присоединённая капельница. Сестра, перехватив трубку, вынула иглу из вены, наклеила на ранку ватку с пластырем.

Встав перед койкой на колени и нежно сжав руку любимой, он не мог оторваться от её искрящихся радостных глаз. Молча прижал её руку к своим губам.

Нежно погладив его взглядом и на мгновение закрыв влажные глаза, она улыбнулась и сказала:

– Здравствуй, муж... Вот меня подзаправили из бензоколонки, можно ехать дальше.

Было видно, что ей больно. Он ничего не говорил, только взглядом отдавал ей весь порыв своего сердца, всю свою силу.

– Я уже поправляюсь... из тюрьмы сбежал один тип, который раньше помогался меня. Это он приходил и пытался сделать мне плохо, а потом пырнул ножом. Его спугнула толпа. Он обещал нас убить. Он очень гнусный тип.

– Я знаю, это – Шимпанзе. Его ищет милиция, а поймают – церемониться не будет.

– Он хитёр и коварен, знает местность – вырос тут.

– Не бойся, родная. Я хорошо вооружён и меня охраняют солдаты. Я и тебе кое-что привёз, хотя тебя постоянно охраняют твои ребята с автоматами.

Он вывалил на стол пакет со съестным. Ася мечтательно посопела носиком:

– Мне это пока всё нельзя. Положи в тумбочку.

– А вот кое-что посущественней, – интригуяще произнёс он, медленно доставая пистолет, – спрячь где-нибудь под рукой. Это тебе – на всякий случай.

– Настоящий?

– Настоящий. Вот запасная обойма.

– Взведи мне затвор, а то плечами ещё двигать больно.

Передёрнув затвор и осторожно сняв ударник с взвода, он не поставил пистолет на предохранитель, зная, что люди, особенно женщины, в критической ситуации забывают его снять, теряя драгоценные секунды, а то и жизнь. Защита от непроизвольного выстрела и первый боевой выстрел гарантировались теперь тугим самовзводом ударника при первом нажатии спускового крючка.

– Умеешь пользоваться?

– Приходилось...

Она несколько раз ловко выхватила пистолет из-под одеяла и прицелилась в окно:

– Кх, кх, кх!

– Ты меня постоянно восхищаешь! – воскликнул Сан Саныч.

– Я шучу. Но обращаться могу. Спасибо тебе за всё. Если б не ты...

– Если б ты знала, милая моя Асенька, как я тебя люблю!

– Если б я знала, наверное, умерла б от счастья! Расскажи, расскажи, как ты меня любишь.

Он понял, что попался в хитрый её капканчик, и расплылся в нежной улыбке, ловя её взгляд:

– Я люблю тебя как первый цветочек весной, я люблю тебя как спелую вишенку летом, я люблю тебя как сладкое яблочко осенью, я люблю тебя как тающую снежинку зимой, я люблю тебя как ласковое солнышко и весной, и летом, и осенью, и зимой!

– Ах, я умираю...

– Не умирай, не умирай, пожалуйста, я ещё не всё рассказал про свою любовь. Она такая большая, что в следующий раз придётся продолжить.

– Не уходи, побудь ещё со мной, муж мой заботливый.

– Я не уйду и буду с тобой, колокольчик мой серебряный, капелька моя хрустальная, пока сестра палкой не выгонит.

С полчаса ворковали они как голубки. Вдруг дверь палаты скрипнула, за ней послышались глухие рыдания и удаляющиеся шаркающие шаги.

Он выскочил. По коридору, неестественно ковыляя, убегало какое-то существо в белом халате, с глухими рыданиями забило в угол за шкафом.

Он вернулся в палату:

– Кто это был?

– Это Варенька, санитарка. Её мать тоже работала санитаркой, и она всегда была при ней. Сёстры говорили, после смерти матери-алкоголички, её из сострадания оставили при больнице. Она тут, наверное, и живёт. Жалко её... Ну, иди... Уже поздно...

Ещё долго они глядели друг на друга, не в силах расцепить руки.

Выйдя в коридор, Сан Саныч прислушался. За шкафом всё ещё кто-то всхлипывал и шептал. Он тихо подошёл.

– Меня никто уж не полюбит... меня никто уж не полюбит... меня никто не полюбит... – сквозь всхлипывания слышался еле улавливаемый шёпот.

Сердце его наполнилось бесконечной жалостью к этому несчастному, беспомощному и одинокому существу. Много ли оно испытало радостей в жизни? Только каждодневное горе, к которому нельзя привыкнуть, а можно лишь глубоко упрятать в душе, но оно постоянно рвётся наружу, удерживаемое лишь слабеньким огонёчком надежды. А теперь злая судьба отнимала и надежду.

Он осторожно взял девушку за плечи и повернул к себе. Узкое, мертвенно бледное личико. Маленький вздрагивающий рот с поджатыми обкусанными губами. Красные от постоянных слёз глаза. Худые ножки в специальных ботинках вывернутыми ступнями назад. Сухонькие дрожащие ручки крепко прижимали набухшую от слёз тряпицу.

– Поедем со мной, Варенька! Ты должна быть и будешь счастлива!.. Так велит Анастасия. Так велит небо. Так должно быть!

Бедная девушка словно застыла под гипнозом с выражением вопросительного ожидания.

Он подхватил её, невесомую, на руки и мимо обомлевшей сестры и мотоциклистов пронёс к машине. Усадив девушку, сделал всем немой знак, указав рукой на нависающую комету. Те, ничего не понимая, молча кивнули.

Ася сделала бы также, – подумал он, – время “Ч” – время Человечности!

На мгновение грудь его содрогнулась, на глаза навернулись слёзы от безотчётного, неожиданного сильного и редкого чувства, которому он не знал названия.

Фары, выхватив дорогу, стушили ночную темноту. Шестнадцать километров без патрулей и – дома. Проехали километра четыре. Чёрные островерхие деревья нависали над шоссе. В лёгкой ночной дымке маячили пепельные силуэты гор, залитые мутным зловещим светом кометы.

Слух уловил доносившийся сзади неясный звук мотоцикла. В зеркале заднего вида – темно... Перешёл на “нейтраль”. Теперь чётко улавливался рокот тяжёлого “Днепра”. Врубил скорость и дал газу.

– Неужели попался? – сердце заколотилось, по телу разлилась тревога.

Сбросил газ, выжал сцепление, на секунду довёл рукоять переключения передач до положения заднего хода. При этом загорелись задние белые огни. Высунув голову в окошко, метрах в сорока заметил отблеск потушенной фары и вспыхнувшую на мгновение полосу красного света позади мотоцикла. Видимо, водитель тормозил, чтобы не сблизиться. Опять врубил скорость и дал газу, чтобы оторваться. Мотоцикл рычал и не сдавался.

– Подсидел всё-таки, подкараулил на подступах к больнице! Стоит только остановиться или сбавить скорость, – мелькнуло в голове, – как противник нагонит и откроет огонь по освещённой машине. Он сейчас король положения. Ему легко без огня гнаться за мной, а мне без фар не удержаться на горной дороге. Значит, только вперед!

Он придавил газ. Дорога вела в тупик – к дому. С трудом вписываясь в повороты, он лихорадочно соображал, как быть. Девушка вцепилась в переднюю панель руками, испуганно смотрела на него.

– Варенька, ты любишь детективные фильмы с погонями и стрельбой? Сейчас ты смотришь один из них с неизвестным заранее концом. Но лучше пригнись пониже, пули здесь настоящие!

Достал ружьё, положил к себе на колени. До дома оставалось минуты три.

– Думай, Ананий, думай! – так подгонял он свой мозг всегда, когда надо было срочно и во что бы то ни стало что-то придумать.

Осталась минута – не придумал. Двадцать секунд – не придумал! Мозг пел на самой высокой ноте. Десять секунд, пять... Машина уже подлетела к поваленному забору...

– Есть!

Раздался хруст и удары по днищу разлетающихся планок забора. Он направил автомобиль левой стороной впритирку к правой стене дома и затормозил. И как только верный “Москвич” замер, наполовину высунувшись за край стены, он выскочил за дом. Сзади сквозь стёкла треснула пуля. Мотоциклист включил фару и заметался – то ли подъехать справа, то ли объехать дом слева? Лихорадочно замотал рулём, светя по сторонам. Лишь три секунды понадобилось Сан Санычу, чтобы на ходу закинуть ружьё за спину и по оконной решётке взлететь на плоский верх дома. Быстро изготовившись на корточках и наведя ружьё по звуку, он рывком привстал над крышей. В отсветах от стены металась две фигуры с пистолетами в руках. За рулём был Шимпанзе. Сан Саныч сразу нажал на спуск. Грохнул выстрел. Яркое пламя достало до врага и повалило наземь. Сразу во второго. Промаях. Вскидывает пистолет! Ещё раз. Сдуло и его... Всё! Кончено!

Сквозь звон в ушах слышался только мерный рокот мотоцикла, привалившегося набок. Подержав распостёртые тела на прицеле и убедившись в их неподвижности, спрыгнул назад за дом и выскочил с другой стороны с ружьём наизготовку. Вгляделся в лежащих. У Шимпанзе разорвана грудь, голова другого – как разбитый арбуз.

Тут только он почувствовал жгучую боль в животе. Забила нервная дрожь: «Неужели попали?»

Не глядя вниз, приложил руку. Крови нет. Распахнул комбинезон – на животе красным контуром отпечатался нож. Раны не было! Зато нож согнулся, а у самой рукоятки зияла почти прорвавшаяся вмятина! Краснота на коже прямо на глазах заливалась свинцовой синевой.

На мгновение захлестнула радость победы. Он подошёл к “Москвичу” и открыл дверцу:

– С бандитами покончено. Тебя не ранило?

– Осыпало только, – ответила испуганная девушка.

– Пойдём в дом, не смотри в ту сторону.

Вошли. Сан Саныч зажег свет. Пустые окна окружили зияющей темнотой ночи. Варенька боязливо жалась. Он взял её за руку. Достав из-за плиты бутылку спирта, отхлебнул хороший глоток и запил из-под крана. Через секунду дрожь утихла, удалось перевести дыхание. Вытащил из подвала коробку с вином и закусками. Налил Вареньке в чашку, раскрыл конфеты, пододвинул печенье:

– Попробуй, милая Варенька, это – очень вкусное вино. Ты вся дрожишь!

Девушка сделала пару робких глотков.

Сан Саныч снял трубку телефона и набрал номер милиции:

– Это Щербаков. Шимпанзе и ещё один гнались за нами и стреляли. Они около моего дома. Они мертвы.

– Они разбились? – услышал он недоуменный вопрос дежурного.

– Нет, погибли в перестрелке, – ответил Сан Саныч в трубку.

– С кем в перестрелке?

- Со мной.
- Раненые есть?
- Нет.
- Высылаю наряд. Ждите.

В трубке слышались гудки.

Не найдя ничего другого, накрыл лица бандитов обгоревшими фартуками Анастасии, подумав про себя, что в этом есть какой-то мистический смысл. В кармане у Шимпанзе нашёл нож. Вынул его и раскрыл. Острое узкое лезвие блеснуло холодной жестокостью. “Наверное, тот самый...гад”, – подумал Сан Саныч, сложил нож и положил себе в карман этот жуткий трофей.

Варенька не отходила от него ни на шаг. Она всё силилась не смотреть на кровавую картину, но как это обычно бывает, не могла оторвать от неё глаз. Он буквально втянул её на кухню.

– Садись, ты голодна, наверное. Вот тут на столе... Это нам на работе выдали. Кушай, пожалуйста, – Сан Саныч налил ещё вина в чашки. – Давай с тобой выпьем за твоё счастье. Оно будет непременно. Ты вся дрожишь, бедненькая моя. Забудь про этих. И вообще, забудь теперь всё плохое.

Он с поклоном поднёс ей чашку с вином и она, обхватив её обеими ручками, сделала несколько глотков.

Её сразу бросило в жар:

- Я страшная?
- Нет, ты милая, Варенька. Страшные – те двое.

Он взял её руки и сжал в своих.

– Поедем отсюда.

Они вышли и направились к стоявшему поодаль ЗИЛу.

– Какая красивая машина!

– Прошу вас, мадам, – он галантно распахнул перед нею дверцу, – позвольте вам помочь!

Отъехав немного вдоль берега, он остановил машину напротив небольшого ущелья, заросшего кустарником:

- Варенька, пошли купаться!
- Нет, нет, я не могу.
- Пустяки, снимай свои башмаки, – он потянулся к шнуркам.
- Нет, нет!

Вино постепенно брало своё, она поддалась под его властным и нежным напором.

– Все девушки прекрасны, когда они немного сопротивляются, – он взял её за плечи, – посмотри, какая дивная ночь! Темнотица кругом, а нам с тобой светит Анастасия! Море ластится к тебе, ты войдёшь в него и станешь совсем другой. Все твои печали смоем тёплой волной. Смотри, море светится, Варенька!

– Я плавать не умею. Море чёрное какое. Я боюсь.

– Не бойся, я рядом, – он подхватил её и бережно увлёк в воду. – Ты – прекрасная инопланетянка, спустившаяся с кометы, чтобы насладиться этим миром.

Вода сверкала мириадами искорок.

– Посмотри, Варенька, милая, на твоих ладошках светятся звёздочки с неба, – ласково провёл рукой по её спине, другой поддерживая за талию.

Лёгкая волна соприкоснула их тела. Сколько душевного тепла, невысказанной нежности и ласки накопилось в этом худеньком существе за долгие годы страданий! Всё это потоком хлынуло на него. Он уже не понимал, чего вокруг него больше – моря или Вареньки!?

И тут он первый раз в жизни ощутил, понял, постиг, как может быть прекрасен пусть даже самый уродливый телом человек. Это трудно себе представить, но в эту минуту урод-

ство несчастной девушки, слившееся с порывом её истосковавшейся души, сумевшей в горе не озлобиться на людей, превратилось в красоту более высокого порядка и вызвало в нём совершенно особое сильное чувство...

...Утомлённая, ставшая совсем, совсем другой, Варенька словно приросла к его груди, не укрывающаяся, нет – сама любовно оберегающая его от всех невзгод!

Всё замерло вокруг. С этого дня и часа для неё открылся новый прекрасный мир. И какое теперь значение имеет конец света!?

* * *

Невдалеке послышался резкий прерывистый звук сирены.

– Приехала милиция. Надо встретить, – промолвил Сан Саныч, проведя рукой по Варенькиным спутанным волосам.

Её руки не сразу отпустили его...

Он подошёл к двум милиционерам, осматривавшим место происшествия, представился, вкратце рассказал, как всё было.

Полезли на крышу, нашли валявшиеся там три пустые гильзы, осмотрели “Москвич” с пробитыми навывлет стёклами.

Капитан сразу опознал Шимпанзе:

– Допрыгался. Здорово вы его! А кто этот второй!

– Не знаю, но он тоже был вооружён.

Тут Сан Саныч заметил, что и второй его выстрел достиг цели, но не остановил врага: пуля пробила край поясицы, повредив печень.

Капитан наклонился к трупу:

– Этот пистолет я, кажется, узнаю. Номер тот. Несколько дней назад пропал наш сотрудник. Теперь ясно, что из-за этой вот паршивой игрушки. Да, правосудие свершилось. Эти гады не должны были умереть как все!

“Хм, – подумал Сан Саныч, – умереть как все...”

– Покажите оружие.

Сан Саныч достал ружьё, охотбилет и разрешение на хранение:

– Вот. Обрезал его, когда понял, что за мной охотятся – в “Москвич” не помещалось.

Пока совершали все необходимые формальности, рассвело. Уезжая, капитан протянул Сан Санычу ружьё:

– Не то сейчас время. Понадобитесь – вызовем. До свидания.

Приехав в больницу и проводив Вареньку, он поднялся к Анастасии. Та пила чай.

– Узнаёшь? – он протянул ей нож.

Она открыла его и невольно вскрикнула, подняв на Сан Саныча испуганно-вопросительный взгляд.

– Это Шимпанзе шлёт тебе с того света. Они с дружкой вчера меня всё-таки выследили у больницы. Но моё ружьё оказалось длиннее, а пули – быстрее.

– Ты не ранен?

– Ни царапинки. Слегка ранен только наш доблестный неубиваемый “Москвич”. Навывлет. Меня сберёт мой нож.

Он показал чёрно-бурую “фотографию” на животе.

Она схватила его руку и долго не отпускала, прижимая к груди:

– Муж мой любимый...

Он совершенно ясно представил, что, не колеблясь, отдал бы за неё жизнь, пошёл бы на муку.

– Я так боялась за тебя... и за твоего сына, – она положила его руку к себе под сердце. – Ты сбросил гору с моих плеч. Мне почему-то кажется, что никакого конца не будет. Я чувствую это своим женским чутьём. Я так хочу родить и выкормить ребёнка... и быть всегда с тобою. У нас ещё всё впереди, правда?

Он закрыл глаза, поцеловал её, молча кивая – пусть она так думает.

– Ты меня уже дважды спас и в третий раз я приму спасенье из твоих сильных рук, верный муж мой.

Что-то кольнуло его при этих словах.

– Ты чем-то встревожен?

Он понял, что-либо скрывать бесполезно, всё всегда было написано на его лице:

– Ася, милая, я вчера... мне вчера так стало жалко ту сестру, что плакала в коридоре. Она в своей жизни видела только горе, и у неё не было надежды... я взял её на море... я хотел сделать всё, чтобы она забыла про свои несчастья, я знал, что ты поймёшь меня.

– Я восхищаюсь, что у меня такой муж. Но где-то в глубине моего подсознания ты сделал мне больно... Что я говорю! Не слушай меня, не слушай. Я несу чушь!

Дверь в палату отворилась и на пороге появилась стройная молодая девушка с букетиком цветов в одной руке и шваброй – в другой. Её тонкие черты лица озарялись милой загадочной улыбкой. Поверх длинного платья на острых плечиках её сверкал ослепительно белый халат. Девушка, смутившись, поздоровалась, оставив букетик на столике: “Извините, я потом уберусь”, – исчезла за дверью.

В комнате воцарилось молчание. Да. Это была Варенька.

Нарушила тишину Ася:

– Ты прав, муж мой, – она обвила его шею руками.

Понимая, что необходимо срочно переменить тему, чтобы в их отношениях не возникло и малейшей трещинки, Сан Саныч оживился и громким нарочитым голосом заявил:

– Ну а теперь, гражданочка, сдайте оружие.

Ася залихватски выхватила пистолет и в одно мгновение, понарошку: “Кх-кх-кх...” – перестреляла все банки с лекарствами, плафоны под потолком и пуговицы на своём халате, висевшем на крючке:

– Эх, так хотелось пострелять! Лежишь тут как мумия.

– Ничего, выберешься отсюда, я устрою тебе фейерверк.

– Устрой мне фейерверк! – заигрывающе-восторженным голосом воскликнула она...

Глава 5

Спасти семена цивилизации!

Впервые за последние дни он мчался на работу легко и радостно. Радовался и ЗИЛ. Действительно, гора свалилась с плеч... кроме одного ма-а-аленького камушка. Жизни Аси и его никто теперь не угрожал. На какое-то время он даже совсем забыл о надвигающейся катастрофе. Вокруг сновали машины, прохожие спешили по своим делам.

Но вот с очередного поворота распахнулась долина, и он увидел Анастасию небесную.

Да. Это было поистине потрясающее зрелище! Над горизонтом напротив Солнца высовывалась огромная яркая голова с переливчатым кроваво-красным хвостом. Утолщение хвоста напоминало о взрыве. Далее чуть вбок тянулся тонкий голубой хвостик. Сан Саныч мысленно представил себе гигантские размеры этого небесного явления. Скоро эта голова проглотит маленькую Землю заодно с Луной. Какое чудище будет потом носиться по вселенной?

Простой человек, а тем более, человек верующий, вполне может принимать этот несущийся на нас пылающий факел за ниспосланного небом ангела, который должен покарать людей за их грехи. И сроки-то некогда предначертанного конца света совпадают. С другой стороны, так много уже всего сказано-предсказано, что кто-то возьмёт, да и попадёт в точку. А людской молве – только дай маленькую зацепку – красочные подробности она родит сама.

Не успел Сан Саныч подняться к себе, как в кабинет впорхнула секретарша:

– Вас вызывают в Москву. Самолёт через два часа. На сборы двадцать минут. Машина ждёт.

Кошмар! В Москву! В замасленном комбинезоне!

Пришлось, краснея, попросить у бывшего директора приличный костюм и прочее. Благо жил тот неподалёку и был хорошим человеком.

В самолёте народу было немного, всё какие-то солидные люди. Его узнали. Подсели. Затем собралось пол-самолёта. Вопросы всё те же: “Что будет, и можно ли спастись?”

Большая часть коры будет взломана как глазурь на эскимо. Ясно, что шанс на спасение в спецбункерах – удел немногих. Однако он был убеждён – спроси людей – и далеко не каждый согласится получить этот шанс – на 99,9 % быть захороненным заживо, с агонией, растянутой на десятилетия. Иногда чтобы жить, нужно гораздо больше мужества и воли, нежели умереть!

В аэропорту его встретила машина. Ехали молча, попали прямо к совещанию в космический центр. Времени у страны было мало. Оперативность просто поражала. Главное моментально отсекалось от мишуры. Никому и в голову не приходило нарочно “мурыжить” какой-либо вопрос. Никто не боялся за своё место. Все просто делали своё главное дело. Лишние сами уходили с дороги. Сан Саныч в глубине души был уверен, если б люди жили и работали так раньше, то никакой катастрофы не случилось бы вообще. Человечество крепко держало бы свою судьбу за хвост. Но почему, чтобы люди проявили свои лучшие качества, их надо поставить на край пропасти?

Вёл совещание ответственный руководитель проекта, член Чрезвычайного Международного Комитета:

– Принято решение и уже полным ходом готовится космическая экспедиция по спасению семян цивилизации. Мобилизованы четыре почти готовых космических корабля. Будет задействована орбитальная околоземная станция и два её транспортных модуля. Если земные условия не позволят, экспедиция сядет на Марс. Луна отмечена в качестве возможной базы – на ней будет “слишком горячо”. Отобраны тридцать девушек, представляющие все отрасли знаний, – при этих словах с задних рядов поднялась шеренга миниатюрных девчонок. – Они – здоровые люди с крепкими нервами, готовы выполнить свою задачу, чего бы им это ни стоило.

Все понимают, что никакие трудности, страдания и лишения не идут в сравнение с чрезвычайной важностью их миссии. Но я им хочу пожелать удачи и счастья...

Центр гудел как растревоженный улей. Более сорока часов Сан Санычу пришлось, переходя из помещения в помещение, участвовать в обсуждении и “снятии” бесконечных вопросов, связанных с предстоящим небывалым космическим предприятием. Поскольку он теперь был не только специалистом, ему приходилось одновременно и общаться с компьютером, и руководить сотрудниками, и прислушиваться к тому, что творится в смежных направлениях, быть постоянно в курсе общих дел. Его мозг работал почти в автоматическом режиме, воспринимая только наиболее существенные моменты.

– ...По нашим данным, – с жаром доказывал один из исследователей, – давно уже идёт разогрев недр Земли, который не замечался раньше. Дополнительный разогрев вследствие удара и возникновения горячего атмосферного экрана приведёт к расплавлению недр. На тысячелетия вспыхнет карликовое Солнце с “тонкой хрустящей корочкой”. Расплавление ядра приведёт к потере сильного магнитного поля, защищающего всё живое от смертоносных космических лучей. И вы хотите возвратиться на Землю?

– ...Сейчас приливный горб на Земле, образованный притяжением Луны, запаздывая почти на оборот, движется по поверхности планеты так, что разгоняет Луну, не давая ей снижаться. После изменения свойств поверхности Земли это состояние нарушится. Луна станет падать. Нечто подобное, по-видимому, произошло с Венерой многие сотни миллионов и более лет назад, вследствие чего на неё упал её спутник. По наблюдаемому соотношению водорода и его изотопа дейтерия в атмосфере Венеры, которое может сложиться только в толще воды, ясно, что там были океаны, затем испарившиеся...

– ... Постоянная корректировка программы... как результат решения игровой задачи с противоположными интересами... графики показывают, что количество женщин придётся сократить до двадцати – двадцати двух. Если последний корабль не успеет, выжить смогут не более шести – восьми...

– ...Околоземное пространство очистится быстро только по космическим масштабам. Солнечный ветер, магнитное поле, притяжение Земли и главный “чистильщик” – Луна выметут большую часть мелких и средних частиц за несколько лет. Возможно, останутся группы крупных тел на резонансных орбитах. На многие годы у Земли появится сначала тор, а затем – кольца наподобие колец Сатурна. По очень осторожным оценкам, через десяток – другой лет к Земле можно будет сравнительно безопасно подлететь с полюсов, что имеет, правда, свои трудности. Основная масса больших осколков растянется по орбите Земли...

Становилось ясно, скорое возвращение на Землю маловероятно, а чтобы уклониться от контакта с облаком осколков вокруг кометы, надо успеть отлететь до взрыва на расстояние не менее миллиона километров, что можно было сделать, стартовав с околоземной орбиты за несколько земных суток. Трудность была в том, что корабли были разные и в различной степени готовности. С учётом сборки, перестыковки и перезагрузки на орбите, времени было в обрез.

Если же окажутся правыми сторонники теории концентрации и детонации расщепляющихся материалов в слоях планеты, то ни о каком возвращении не может быть и речи. Потеря массы у Земли в этом случае будет столь высокой, что обнажатся раскалённые слои, а Луна оторвётся от неё навсегда.

Улучив минутку, Сан Саныч забежал в переговорную комнату и попытался позвонить в Крым. Отсюда удалось связаться даже с больницей, он услышал радостное Асино журчанье в трубку:

– Здравствуй, свинтус мой любимый. Переполошил всю больницу... я в порядке, но посмотри на часы...

Сан Саныч взглянул на наручные часы:

– Бог мой, три часа ночи! Прости, Асенька, принеси от меня всем мои извинения, совсем заработался, обалдуй космический! Всё равно я люблю тебя...

В трубке слышались гудки.

* * *

А в это время на мировых биржах творилось невообразимое, просто не поддавалось никакому описанию, не лезло ни в какие ворота! Доллар, эта основа мирового рынка, как впрочем, и все другие валюты, сокрушительно падали вниз. Самое интересное, что и цены стремительно снижались. Действительно, запасы товаров, в том числе, и золота, были велики, но кому они теперь были нужны! Рынок быстро пришёл к финансовому парадоксу и параличу. Правительства бросили рассыпающуюся экономику, финансы, взимание налогов, взялись за жёсткое управление. Во многих странах, штатах, областях, городах, посёлках и даже кварталах было введено, объявлено, провозглашено чрезвычайное, военное, особое и разное прочее специальное положение. Чиновники, армия, полиция, местная администрация и помогающие им, стихийно возникшие повсюду всевозможные общественные комитеты взяли реальную власть в свои руки. Настало их время. Телефоны без конца звонили и перегревались, курьеры сбились с ног, чёрные автомобили с мигалками носились во все стороны...

Церковь достигла апофеоза. Всевозможные секты, наличие которых раньше никто и не примечал, вспыхнули своей активностью. Кто только и к чему только ни призывал!

Многочисленные нищие, заполнявшие людные места, в одночасье исчезли, совершенно не понимая, куда им теперь девать накопленные богатства. Богатые старались вырваться и уединиться от остального мира. Все прочие ринулись в церкви и увеселительные заведения, на виллы и дачи.

Туристические фирмы и дома моделей, строительные компании и мебельные фабрики, угольные шахты и адвокатские конторы, зубопротезные мастерские и автомобильные заводы, рекламные агентства и химические гиганты, мастерские по ремонту часов и страховые компании, фабрики ширпотреба и учебные заведения просто перестали функционировать. Работало только то, что могло накормить, доставить удовольствие, поддержать маломальский порядок.

Произошло расщепление времени. Где-то оно почти остановилось – сон, шок, ступор... Сознание застыло перед неосознаваемым. Где-то оно помчалось вскачь по кабакам, казино и смятым постелям... Люди же, обеспечивавшие экспедицию, провалились в стремительный его водоворот. Для них самих оно растягивалось почти в вечность, когда они рвались к цели, то сжималось сверх предела, когда они оглядывались на сроки...

* * *

Хоть иногда он и терял ощущение хода времени, но постоянно, несмотря на усталость, заставлял себя надавать. И не то что бы положение обязывало, и не только потому, что срабатывало животное подсознание, командование взял на себя какой-то глубинный разум, который зрел и не высывался, а сейчас решил, что пора действовать в полную силу... Да и не только один Сан Саныч ощущал себя и действовал так...

Расчёт последствий взрыва для Марса не оказался критичным – на некоторое время на марсианском небосводе вспыхнет новое, более яркое и тёплое Солнце. Однако, вызванные этим глобальные пыльные бури должны утихнуть ко времени возможной посадки.

Сев на Марс, с него уже невозможно было улететь, по крайней мере, в течение нескольких лет, пока новая цивилизация не оснастится всем необходимым. Поэтому рассмотрели вопрос о промежуточном базировании на Фобосе, этом миниатюрном спутнике Марса, диаметром всего 16 километров. С одной стороны, если земные условия позволят возвратиться, с него гораздо

легче стартовать – скорость убегания всего 10 метров в секунду. С другой стороны, этот спутник, обращающийся вокруг Марса за семь часов на высоте девяти с половиной тысяч километров – идеальный наблюдательный пункт – весь Марс как на ладони, и никакая атмосфера не препятствует следить за Землёй. В течение длительного времени недра Фобоса могут снабдить экспедицию водой и воздухом, которые в связанном виде находятся в минералах. Кораблям экспедиции выгодно причалить к Фобосу и всем вместе отсиживаться на нём, нежели носиться по орбите в невесомости без какой-либо точки опоры.

“Передвигаться по Фобосу – одно удовольствие, – подумал Сан Саныч, пытаясь хоть на секунду отвлечься, чтобы немного отдохнул мозг, – сила тяжести очень мала. Резко встав с корточек, космонавт рискует сорваться с маленькой планетки, зато её спутники можно запускать вручную – круговая скорость у поверхности всего двадцать пять километров в час! Бросил камень, а он тебя через пару часов стукнул по затылку!”

Группа иностранных астрономов высказала мнение, что не стоит преувеличивать катастрофичность последствий удара. Ведь столкновение Анастасии с астероидом, имеющим соотношение масс почти такое же как у Земли и Анастасии, не вызвало столь глобальных последствий. Планетка не разрушилась. Пространство вокруг неё быстро расчищается.

Заявление вызвало бурные дебаты. Противники столь мягкого прогноза, суровые реалисты, небезосновательно выступавшие “с цифрами наперевес”, говорили о существенно большем вкладе гравитационных сил и ядерных реакций, значительно большей разнице скоростей. При ударе астероида в комету энергия свободнее выделялась в пространство. Несмотря на это, по данным радиоастрономических наблюдений, произошло глобальное дробление недр с бурнейшим газообразованием. И никак нельзя забывать, что в отличие от замороженной кометы, Земля имеет почти на три порядка более высокую среднюю температуру, и так достаточно близкую к точке плавления. Конечно, столь массивное тело как Земля не разлетится на куски, но кусками менее крупных, некогда существовавших планет, заполнен весь пояс астероидов.

– А где же тогда их железные ядра? – вспыхнула полемика.

– Ищите железные астероиды.

– Вот как раз их-то вы и не найдёте – при столкновениях жидкокристаллические ядра взрываются на мелкие, быстро остывающие фрагменты, размётывая мантию и кору в виде железокремнистых и кремнистых глыб неправильной формы. Ваш любимый астероид Эрос, например, размером 6 на 32 километра!

– Товарищи, товарищи, – взмолился Сан Саныч, – мы удаляемся от темы! Есть ещё один заковыристый вопрос – воздействие рентгеновского и нейтронного излучения взрыва, потока частиц высоких энергий, ускоренного взрывом вещества.

Взялись за расчёты. Лишь небольшая доля энергии взрыва перейдёт в энергию ударных волн, разлёт осколков и прочее. Основная её часть будет “высвечена” за несколько секунд. Получалось, что на расстоянии в миллион километров поверхность кораблей подвергнется излучению мощностью в десятки киловатт на квадратный сантиметр – это очень и очень много. Через несколько минут обрушится поток частиц высоких энергий со скоростями порядка тысячи километров в секунду. Нужно успеть отлететь гораздо дальше. Защититься от столь мощного воздействия чрезвычайно трудно. Масса защитных экранов превысила бы массу самих кораблей. Долго спорили о характере спектра излучения взрыва. Мнения расходились. Конструктор, отвечавший за защиту одного из кораблей, не выдержал:

– Помилуйте! От частиц высоких энергий не защититься в голом космосе! И вообще, из ваших оценок я не могу понять, брать ли мне два миллиметра защитного экрана или два метра!? Где же ваши теории и чем вы занимались раньше?

– Это вопрос ко всему человечеству? – парировал его наскок Сан Саныч. – Вы могли бы защититься плазменным объёмом, у вас проработан такой метод? Свяжитесь скорее вот с этим институтом, – Сан Саныч написал название на бумажке и телефон.

– Уж проще спрятаться за Землю, – посоветовал кто-то.

– Никакого горючего не хватит на манёвр. Нельзя же так метаться по космосу! – не унимался раздосадованный конструктор.

Его состояние легко было понять. Конечно, можно отлететь и подальше, но при этом существенно сокращается время на подготовку, а его и так не хватало.

Математики лихорадочно разрабатывали и пытались запустить программу выбора траектории и средств защиты с учётом ограниченного времени подготовки и воздействия взрыва. Конструктор допытывал кого-то по телефону, затем похватал свои бумажки и умчался.

Сообща сокращали список приборов экспедиции. Каждый миллиграмм мог решить её исход. Под напором конструкторов сократили почти втрое, положившись на возможность переделки и использования бортовых навигационных систем, тоже ужатых до минимума. Не укладывались в веса. Не хватало топлива на разгон. Резали “по живому” и были близки к тому, чтобы “зарезать”.

* * *

Тёплый морской ветерок путался и играл в вантах. Солнечные блики вылизывали и без того чистую поверхность надстроек, юркали внутрь помещений сквозь стёкла иллюминаторов, подмигивали капитану, заставляя и его изредка прищуривать глаза.

Всего у него на катере было вдоволь. Готовились-то основательно. Команда уехала, запасы остались. До конца света хватит с лихвой.

Гладко выбрившись и искупавшись, и в который раз убедившись, что на его судне абсолютный порядок, капитан облачился в ослепительно белые лёгкие брюки и фуражку, припасённые для парадных случаев, и принялся за свой завтрак.

Он никуда не спешил. И даже специально старался делать всё подчёркнуто размеренно, прочувствованно, так, как редко это удавалось раньше. На маленьком столике, установленном на верхнем ходовом мостике, откуда открывался прекрасный вид вокруг, уже красовалась откупоренная бутылочка красного вина. Затем появилась парочка тщательно приготовленных бутербродов. Термос с горячим кофе источал пленительный аромат. Рядом, всегда под рукой, покоился сильный морской бинокль.

Наполнив бокал рубиновой жидкостью, капитан медленно, маленькими глотками, с наслаждением осушил его, затем немного укоротил один из бутербродов. Налив себе ещё и отпив немного, он слегка надвинул козырёк на глаза, защищаясь от яркого солнца, откинулся на спинку кресла. Его внимание привлекла девушка, которая расположилась на бетонном волнорезе, почти напротив катера. Он поднял бинокль.

Её грациозное тренированное тело было покрыто ровным загаром, что, пожалуй, выдавало принадлежность к местному населению. Темно-русые волосы забраны в тугий узел на макушке. Тугие подвыцветшие леопардовые плавки... красивая обнажённая грудь, не исполосованная следами лифчика. Она абсолютно ни на кого не обращала ни малейшего внимания. Это были её горы, её набережная, её море и солнце.

Капитан отложил бинокль, пытаясь окинуть взором красивые горные ландшафты, чудный приморский парк, почти лес, редкие постройки, немногочисленных людей на набережной... Но бинокль сам просился в руки и почему-то возвращался всё на один и тот же объект... Вот этот прелестный объект встал, поправил плавки, неспешной походкой на стройных, упругих ногах подошёл к краю волнореза и рыбкой сиганул в лазурную волну.

Она проплыла в стороне от катера далеко в море, не торопясь, но с завидной скоростью, несколько раз меняя стили, с великолепным изяществом и абсолютной точностью следуя их канонам. Последним был “дельфин”. Она остановилась, но не протёрла глаза руками, как это

делают приезжие отдыхающие, а только матёрым, выверенным движением взмотнула головой, стряхивая капли воды.

Капитан вскочил с кресла. На одних руках соскользнул по поручням вниз, метнулся в каюту, через мгновение он снова был в кресле на мостике. Рядом с биноклем теперь лежало средней величины зеркальце.

Объект поплыл к берегу. Капитан поймал солнечный луч и несколько раз направил его на объект, подавая сигнал “СОС” – три коротких, три длинных, три коротких... Сигналы нельзя было не заметить, и они наверняка были замечены, но объект не подавал ни малейшего вида... Когда расстояние сократилось до дистанции воздушного поцелуя, капитан вскочил, сделал стойку, лихо перемахнул прямо через релинги вниз на палубу, ловкими движениями, поигрывая мускулами, спустил бортовой трап.

Объект лишь на мгновение задержал движения, но это не ускользнуло от цепкого как артиллерийский прицел капитанского взгляда. Всё, что хотел он передать на расстоянии, он вложил во взгляд, огромный вздох и выдох. Объект медленно, но верно менял курс.

Когда она поднялась на палубу, лишь слегка опершись на его руку, чувство капитана не смогли бы скрыть никакие, даже самые широкие брюки. Он предложил ей большое махровое полотенце. Она отказалась. Тогда он просто поцеловал ей руку и представился:

– Капитан без команды. Страшно одинокий, а с этого момента и до самого конца света страшно влюблённый.

– Галя.

– Хотите немного вина? Крымское... – он пододвинул ей кресло. – Я сейчас принесу.

Она не ответила, располагаясь в шезлонге и подставляя своё сверкающее капельками тело щедрому солнцу. Через минуту он уже вернулся, опустил рядом на одно колено, наполнил бокалы, подал ей вино. Их руки случайно соприкоснулись в воздухе, и оба ощутили разряд электрического тока.

Потом он пошёл показать ей катер, ставший теперь ему домом. Дошли только до его каюты.

...Она отдалась ему неистово, как можно отдаться только в последний день жизни. И он тоже любил, как в последний день.

* * *

В который раз уже объявляли короткий перерыв, чтобы очередную порцию результатов отправить в КБ и получить ворох новых вопросов.

Чувствовалась вязкая усталость. Участники не разбрелись как обычно. Протирали очки, нервно закуривали, шаря по карманам в поисках то сигарет, то зажигалки. Многие сидели молча, потупив взор. Обычно в таких случаях обсуждение не прекращалось, а просто переносилось в курилку. Эта разница сразу бросилась Сан Санычу в глаза. Он и сам начал ощущать, хотя и гнал её от себя, некую гнетущую мысль, витавшую в воздухе.

“Что стоят теперь тысячелетия научных поисков, опыт находок и ошибок, побед и поражений сотен поколений? Не напрасны ли усилия и жертвы миллионов и миллионов людей, если их многоучёные потомки всего лишь суетливо селятся хоть что-то оставить после себя кроме развалин? Да, мы ещё дети, – думал про себя Сан Саныч, – прижаться бы сейчас к своей родной и единственной маме, укрыться в её спасительных объятиях, вдоволь наплакаться, потом опять выскочить и убедиться, что гроза уже прошла!”

“А ведь дело переселения на Марс, – продолжал размышлять Сан Саныч, – было очень интересным, перспективным, мало того, реальным! Четвёртая планета Солнечной системы находится всего в полтора раза дальше от Солнца, нежели Земля, получая поэтому солнечной энергии вдвое меньше – полкиловатта на квадратный метр. Вы скажете мало? Попробуйте

в своей комнате, скажем, в шестнадцать квадратных метров установить восемь киловаттных отопителей. Через полчаса вы изжаритесь!

У Марса гораздо слабее атмосфера – как у Земли на высоте пятнадцати километров. Состоит в основном из углекислоты с примесью азота и других газов. Солнечное тепло, греющее планету, практически в ней не задерживается, нет парникового эффекта, подогревающего поверхность Земли на лишней десяток градусов. Тем не менее, за марсианские сутки, которые лишь на полчаса длиннее земных, широкая экваториальная часть планеты успевает прогреться аж до 30 градусов Цельсия, охлаждаясь за ночь, правда, до минус восьмидесяти градусов. Всё-таки гораздо реальнее согреться на холодной планете, чем охладиться на раскалённой! Купаться в ледяной воде попроще, чем в кипящей!

На Марсе есть много воды. Обширные полярные шапки толщиной до километра содержат смесь водяного и углекислотного льда. То же самое – в подповерхностной марсианской “вечной мерзлоте”. Растапливай этот лёд – получится идеальная газировка – великолепный бульончик для водорослей, вырабатывающих пищу и кислород! Разлагай воду электричеством солнечных батарей на водород и кислород – получишь и топливо и дыхание.

Вследствие похожего наклона оси вращения Марса, там, как и на Земле, происходит смена времён года. Только год почти вдвое длиннее. Зато сила тяжести почти втрое меньше. Вот где олимпийские игры проводить!

У Марса есть и магнитосфера и озоновый слой, но слабые, не способные в достаточной степени защитить живое от космических лучей. Но можно построить защитные купола или зарыться в грунт. Там дуют сильные ветра – то, что надо для парусных колесниц!

Там даже текли могучие тысячекилометровые реки! Их бывшие русла прекрасно зафиксировали фотографии Марса. А самый большой из известных человечеству вулкан, величественный *Olympus Mons*, взметнулся на высоту в 25 километров над окружающей местностью!

Раз на Марсе была вулканическая деятельность, в атмосферу выбрасывалось огромное количество паров воды. Она конденсировалась, совершала кругооборот – шли дожди, текли реки, наполнялись моря. Точно также с углекислотной атмосферы и вулканической деятельности некогда начинала просыпаться Земля. Только маленькому Марсу гораздо труднее удержать атмосферу, чем Земле. Поэтому он и держит её в замороженном виде. Выжить на Марсе легче, чем мелкому бизнесмену в свободной конкуренции!

Вообще же, в Солнечной системе за четыре с половиной миллиарда лет её существования вполне сносные условия для жизни могли быть во многих местах – на Венере, Марсе, спутниках Юпитера и Сатурна. Солнце было жарче, да и сами планеты-гиганты грели как маленькие Солнца, отдавая энергию гравитационного сжатия.

Вокруг планет-гигантов существуют оживлённые системы спутников. У Юпитера их более шестнадцати. Четыре размером с Луну: огнедышащая Ио, каменная с ледяной корочкой и атмосферой Европа, наполовину состоящие из льда Ганимед и Каллисто. Вокруг Сатурна, с его великолепными кольцами, обращаются более, чем двадцать три спутника. Девять из них достаточно крупные, а самый большой, Титан, размером почти с Марс, окружён атмосферой в десять раз массивнее земной! У Урана – четыре крупных из известных пятнадцати, у Нептуна – один из двух вдвое крупнее Луны. Плутон, по-видимому, бывший когда-то спутником Урана, по размеру идентичен Луне.

А жизнь – страшно живуча. Только на Земле она – и в жерлах вулканов, и в антарктических льдах, глубоко под землёй без света и замурованная в камне без кислорода. Жизнь путешествует с планеты на планету в виде спор на частицах космической пыли, метеоритах и кометах.

Многое, конечно, несёт жизни угрозу: смещение оси вращения и глобальное изменение климата, падение или близкий пролёт крупного тела, вспышки на Солнце и прохождение Сол-

нечной системы через плотные облака космической пыли, близкие взрывы сверхновых звёзд, а теперь ядерные войны, наконец.

И в самом деле, в случае ядерной войны на Марсе выгорела бы органика, затем наступила бы “ядерная зима” – глобальное переохладение планеты вследствие экранизации солнечного излучения огромным количеством сажи и пыли в атмосфере. Кислород, не вырабатываемый больше растениями, связывается в породах, водород диссипирует в пространство, пыльные бури засыпают снега, и – мы наблюдаем картину, которую наблюдаем! При падении очень крупного тела сначала произошёл бы перегрев планеты, а затем – то же самое с аналогичным результатом.

Граница неустойчивости к переохладению проходит, по расчётам, где-то между Венерой, уже перегревшейся в результате какой-то катастрофы, и Землёй. Если бы поверхность Земли в одночасье покрыть глянцевой бумагой, то за счёт отражения тепла в пространство температура упадёт сразу до минус 90 градусов Цельсия, на десятилетия наступит ледниковый период!

Да, умертвить планету легко, а попробуй-ка её оживить, сделать пригодной, комфортной для жизни! С Марсом придётся повозиться. Покрыть его чёрной бумагой? Прибуксировать ледяную комету на низкую орбиту и постепенно распустить её в атмосферу, которая продержится тысячелетия? Нет, надо овладеть гравитацией и подогнать сразу какой-нибудь лишней ледяной спутник Юпитера или Сатурна на низкую орбиту, к границе области Роша, в которой этот спутник будет постепенно разрываться гравитационными силами Марса, а его льды будут слизываться в атмосферу, долго подпитывая её. Марс же за счёт мощных приливных сил оживит в себе вулканизм. Планета оживёт на миллионы и миллионы лет.

Дело за малым – овладеть гравитацией! Ведь, по преданиям, древние монахи на территории Южной Америки владели ею, передвигая огромные плиты...”

Сан Саныч вспомнил, как один из его знакомых, специалист по гироскопам, рассказывал ему, что часто при проведении опытов раскрученные волчки “сбрасывали вес”, даже срывались с подвесов и носились под потолком, а в смерчах, этих своеобразных подобию гироскопов, наблюдалось уменьшение веса взлетающих предметов – одних аэродинамических сил тут недостаточно! Исследователи не обращали на эти казусы особого внимания, поскольку их интересовала способность гироскопа сохранять ориентацию в пространстве – свойство, используемое в навигационных системах. “Неужели человечество прошло мимо эпохального открытия? Стоп! А может, Фобос и был таким спутником-донором, ледяной кометой с каменным ядром, отдавшим Марсу свою воду?! Не потому ли, когда он находился вблизи области Роша, его всего так перекорёжило, что он стал теперь как слоёный пирог? Кто-то на Марсе пытался спасти жизнь, а потом, всё-таки переселился на Землю, возможно, сначала её немножко подготовив... уж не с помощью ли Луны?” – поднявшийся шум оторвал Сан Саныча от размышлений.

Перерыв окончился. Пригласили в общий зал. Появился ответственный руководитель. Вокруг него засновали какие-то люди с листками в руках. Лицо его казалось озабоченным, всё более хмурилось от листка к листку.

Наконец руководитель встал. Не меньше минуты царила напряжённая и гулкая тишина.

“Друзья, – начал он, – воистину, если собрать девять беременных женщин, ребёнок не родится за месяц! Мы с вами в аналогичной ситуации, хотя беременных женщин у нас тридцать, – он сделал небольшую паузу, но на его шутку никто не прореагировал. – Мобилизованы космические и оборонные комплексы ведущих стран, напряжена наука и необходимые производства. Несмотря на яркие успехи в одних направлениях, испытываем чрезвычайные трудности в других: не хватает времени для надёжной отработки систем, проведения всех проверок; тяжело идёт стыковка программ разношерстных бортовых компьютеров, трудности с системой защиты экипажа и приборов. Нам пришлось пойти на существенное уменьшение комфортности размещения экипажа, на снижение степени надёжности бортовых систем, на увеличение

доли ручного управления. Многотонные корабли при сборке и перегрузке на орбите придётся стыковать и перестыковывать не просто вручную, а с помощью физической силы космонавтов, рискующих быть раздавленными или разорванными при малейших ошибках. Мы идём на то, что работающие сейчас на орбите мужчины навсегда останутся там, отдав всё горючее экспедиции. Выгадывая граммы, мы идём на риск применения ядовитых новейших топливных смесей, неся потери в наземных службах. Мы идём на риск применения недостаточно проверенных съедобных конструктивных элементов, не имеем ещё достаточно обоснованных планов развёртывания марсианского поселения, пока не будет выращено достаточное количество пищи. Всё, что надо взять с собой в экспедицию, не распахивается по кораблям. Мы уже отказываемся от многого из того, что раньше считалось совершенно необходимым. Мы просто оказались неготовыми к решению этой задачи без страшного напряжения и жертв. Но пока есть шансы, мы обязаны бороться”.

Выступали руководители направлений, ведущие конструктора. Их не менее драматические речи были насыщены перечнями технических проблем, изощрённых решений и жертв, на которые приходилось идти, чтобы хоть как-то преодолеть трудности. Многочисленные системы никак не увязывались, давали сбои. Плохо шёл обмен разноязычной информацией. Простейшие ошибки переутомлённых операторов грозили вылиться в проблему...

“У каждой страны, – думал Сан Саныч, – существует мощнейшая система, которая всегда на страже, всё видит, всё знает. В случае войны она в считанные секунды приведёт в действие огромную военную машину, пустит в ход тысячи и тысячи боевых надводных, подводных, воздушных и космических кораблей, каждый из которых есть целый завод по производству скорости и смерти. Пожирая друг друга, эти хорошо отлаженные, постоянно боеготовые, многократно резервированные и адаптирующиеся военные монстры будут чётко действовать в кромешном аду сражений, демонстрируя чудеса реакции и мощи, военной хитрости и живучести, пока не сторит их последний винтик.

А вот гражданский механизм человечества, когда всего-то надо только выжить, буксует. Да его просто нет. Государства – это планеты в разных солнечных системах! Свет человеческого общения летит от одной к другой годами! Не завидую я этим милым девчонкам – надо ещё, чтобы их старты не были восприняты боевыми системами как начало войны!”

В зале поднялся глухой ропот.

– Да, мы не можем точно предсказать эффективность биоцикла в новейших теплицах. Есть только расчёты и не доведённый до конца эксперимент, – сокрушался очередной докладчик. – Поэтому невозможно исключить вариант сознательного обречения на смерть части экипажа, если производительность марсианских плантаций окажется недостаточной. Аморально? Задача выживания человечества выше его морали.

Гул в зале усилился.

– Да, – продолжал он, – если хотите, жестокость законов выживания в космосе – это урок человечеству за его беспечность на Земле! Но не доходить же до каннибализма! Хотя...

Когда Сан Саныч окончательно понял, о чём идёт речь, он к своему ужасу, без тени содрогания честно признался себе, ради спасения жизни во Вселенной, жизни бесценной, бесценного Разума, которые и есть главная сила Вселенной, он стал бы есть человеческое мясо, а лучше дал бы съесть себя! Сила Разума и в том, что он может пожертвовать собою ради Жизни!

Мозг Сан Саныча был переутомлён. Слово перегревшийся мотор, при выключении детонировало. Самопризвольно взбрыкивали не то бредовые, не то гениальные мысли: “Магнитное поле Земли – горячая сверхпроводимость в слоистых структурах на границе ядра... Живая природа – это та часть мира, где энтропия убывает...”

– ...Несмотря на массу трудностей, – попытожил руководитель, – сегодняшний день тоже был достаточно плодотворным. Спасибо. Теперь надо добиться единства действий в парижском Комитете. Конференция через четыре часа. Летят все члены Комитета. Самолёт ждёт.

“Есть ли что-либо в настоящий момент бесполезнее конференций?!”— подумал Сан Саныч выходя в фойе.

Еле успев отдать распоряжения на обсерваторию, он сел в машину, впопыхах не заскочив в туалет. Дорога к центральному аэропорту показалась нескончаемой. Уже на борту самолёта, защёлкнув за собой дверцу маленькой кабинки, он ощутил, как мало надо человеку для “полного счастья”. Самолёт уже бежал по взлётной полосе.

* * *

Они лежали рядом, вплетаясь друг в друга, переводя дыхание и собираясь с силами для очередной вспышки. Она обвивала его тело. Он откинулся на спину, созерцая сквозь потолок каюты непередаваемую словами картину разливающейся сладкой истомы...

Он считал всегда, что ему не везло с женщинами. То ли они его не совсем понимали, то ли он их. По-серьёзному, он не был женат ни разу. Штампы в паспорте не в счёт. Последний раз познакомился с очень симпатичной женщиной, но когда увидел двоих её детей, наверное, точь-в-точь походивших на бросившего их отца, он не смог продолжать знакомство, ему казалось, что ему придётся доживать чью-то неудавшуюся и брошенную жизнь. Наверное, он слишком серьёзно подходил к браку, браку только по любви. А может, не хотел поступаться жизненными идеалами? Всё или ничего? Когда его старшие сослуживцы удивлялись: “Ты ещё не женат? Посмотри, сколько кругом красивых девушек!”— он отвечал: «Вы ещё не выиграли “Волгу”? Посмотрите, сколько кругом лотерейных билетов!” Сейчас он отбрасывал свои предубеждения, и хоть это не любовь, но ведь скоро вообще ничего не будет.

Она набросилась на него первой. Она была молода, сильна и ненасытна, её тело неистово содрогалось, мятущиеся руки искали страсть, волосы раскидались, грудь источала стоны, губы впилась в его губы... Чувства снова достигли своей вершины...

И снова они лежали обнявшись... Уже любопытные звёзды заглядывали в иллюминаторы, ночная прохлада заливала каюту через распахнутую дверцу.

Они вышли на палубу. Взявшись за руки, шагнули в тёмную пучину моря. Нега плещущей волны раскачивала их утомлённые тела. Их случайные прикосновения друг к другу вспыхивали искорками нежности.

Тёмная махина катера закрывала половину ночного неба. Черная жутковатая бездна под ними...

Она притянула его за плечи и обволокла, словно спрут своими щупальцами, яростно увлекая в водоворот страсти. Ему немалых усилий стоило насытить её... вода кипела и пенилась вокруг.

Их тела на палубе отбрасывали по две тени. От Луны и от кометы. Свет кометы был мощнее, но тень была размыта. Необычность картины тормозила сознание. Сейчас всё было необычным и не укладывалось в него, как теория относительности в голову первоклассника.

Капитан включил бортовое освещение. Катер засиял в ночи, словно бриллиантовая брошь. Всё вокруг погрузилось во тьму. Она села к нему на колени, и они выпили ещё вина. Её руки пронзительными змейками снова заскользили по его телу. Он нежно поймал их и остановил.

– Ну тогда повесь меня голую на рее... или посади связанную в тесный карцер. У тебя есть на катере карцер? – сквозь жадные поцелуи прошептали её влажные губы.

– Как я тебя понимаю... – он ощущал дрожь во всём её теле.

– Ну же, ещё...

– Есть у меня маленький карцер, – он высвободился из её обволакивающих пут, принёс небольшое устройство, поставил на палубу. Отошёл в сторонку и нажал кнопку дистанционного пульта. На устройстве слабо засветила красная лампочка.

– Я ничего не ощущаю, – промолвила она удивлённо. – Ты разыгрываешь меня!

– Попробуй выбраться из моего карцера. Давай, моя ласковая птичка, вылети из этой клетки! – загадочно щурясь, произнёс капитан, не без наслаждения любуясь её телом, источавшим необузданную женскую страсть.

Она встала с кресла и попробовала сделать шаг в сторону. Её уши внезапно уколол неслышный, но пронзительный вопль. Она машинально отскочила обратно. Звук исчез. Она попробовала направиться к устройству, чтобы взять его. Тотчас всё повторилось. Невыносимая боль прорезала всё тело. Она подняла удивлённый и испуганный взгляд на капитана.

Он только чуть заметно кивнул.

Она попыталась направиться вбок от устройства, но как только пересекала невидимую границу, что-то невероятно мощное било по ушам, разрывало тело изнутри. Устройство не отпускало, но и не позволяло приблизиться. В конце концов она поняла, что безболезненно может передвигаться только по кругу. Девушка рассмеялась.

– Ах, попалась, птичка, стой, не уйдёшь из сети, – шутливо напел капитан, – а вот карцер, какой ты хотела, – он переключил что-то на пульте. Лампочка на устройстве ярко засветилась.

Она только попробовала повернуть голову, как всё её тело пронзила невидимая чудовищная игла. Теперь каждое её малейшее движение сопровождалось обвалом кошмарной боли. На её лице ещё оставалась улыбка, а глаза начали наполняться ужасом. Она застыла, словно окаменевшая. Только в таком положении можно было находиться теперь, не испытывая жестокой боли. Всего через несколько секунд внутри её тела постепенно зародилась и с чудовищной скоростью стала нарастать невообразимая тоска. Она закричала. Капитан выключил устройство, возможно, лишь на мгновение запоздав, и подхватил её на руки.

Он обнял её, и она разрыдалась в его объятьях. Он языком слизывал капельки её слёз, гладил волосы, просил прощение, говорил глупые нежности, встал перед ней на колени, не прекращая давать волю своим губам. Немного успокоившись, она обняла его:

– Ты мой страшный тиран, чудовище!

– Я всего лишь бедный, одинокий, шаловливый капитан. Сменим этот плохой карцер на нечто приятное.

Она не без опаски проследила, как он принёс ещё устройство, укрепил высоко наверху, отошёл и включил.

Властная, томная сила поглотила её, повалила на палубу. Сначала она испугалась и ничего не поняла. Абсолютная тишина в один миг обрушилась мощным водопадом самых ярких звуковых красок, чудовищным органным аккордом взорвалась внутри неё... Невидимые волны схватили её тело. От неожиданно острого чувства восторга бросило в жар. Упругие, бесстыжие струи ударили в самые чувствительные места, заметались в бешеной страсти. Удушливая волна захлестнула её всю.

Она извивалась, билась как рыба, кусала губы, стонала... Внезапно её тело напряглось и запело на высокой ноте необычайно сильного неземного наслаждения, протяжный крик вырвался из груди... и длился бесконечно долго. Захваченное оргазмом тело уносилось к небу... и плыло, и плыло на самой его вершине.

Он выключил устройство и отошёл в темноту.

Ночь. Слышался лёгкий шум прибора. Редкие огоньки звёздочками мерцали в горах. Где-то в скалах крикнула чайка.

Она беспомощно стонала, распластавшись по палубе. Её земное сознание медленно возвращалось из бездны космического наслаждения. Открыла глаза:

– О, что это было!? Я такого... ещё никогда...

– Это... – он на мгновение задумался. – Это был «Сон царицы Тамары». Побочный эффект некоторых специфических изобретений. Здесь становится прохладно. – Он наклонился к ней, закутал в полотенце, подхватил на руки. – Я отнесу тебя в каюту.

* * *

В мягко покачивающемся лайнере сон скосил почти всех и был таким тяжёлым, что самолёт летел с трудом, еле продвигаясь сквозь вязкие волокна сновидений.

Париж. Толчок приземления пробудил спящих. Примчались три чёрные лимузина и, поглотив всех, повизгивая колёсами, рванули.

Предместья Парижа и сам город были точно в каком-то оцепенении. Обнявшиеся где попало парочки. Почти не видно ни грузовиков, ни автобусов. Люди и машины праздно и хаотически двигались во всех направлениях.

Три лимузина, мигая фарами и лая сиренами, мчались и мчались вперёд. Иногда казалось, что всё вокруг остановилось...

Сан Саныч вздрогнул. Послышался сильный, так хорошо знакомый всем автомобилистам глухой стеклянно-жестяной удар. Машину обдало брызгами битого стекла и каких-то деталей. Вертясь и разваливаясь на части, в сторону отлетела бог весть, откуда взявшаяся, легковушка. Не сбавляя ход, лимузин продолжал нестись вперёд. Мозг Сан Саныча отказывался что-либо понимать. Вокруг – только мелькание обгоняемых машин и лай сирены в ушах.

Проскочив распахнувшиеся ворота, охраняемые часовыми, машины замерли у высокого подъезда. Поднимаясь по ступеням, Сан Саныч скосил взгляд на смазанное чужой краской крыло и невозмутимую фигуру человека за рулём.

После возникновения беспорядков в Нью-Йорке Чрезвычайный комитет США-Россия-Европа-Япония по подготовке марсианской экспедиции спешно перебрался в Париж. В срочно приспособленном национальном компьютерном центре в большом напряжении трудились тысячи людей.

Сотни крупнейших специалистов и руководителей принимали решения прямо на месте. Целая армия специалистов среднего звена обеспечивала их работу. Национальная компьютерная система функционировала на пределе возможностей, однако, обеспечить бесперебойное взаимодействие всех звеньев не удавалось. Налаживая работу центра, правительство Франции не обошлось без усилий армии и специальной полиции. Впрочем, здесь “вывозила” характерная черта французов, помогавшая в тяжкие времена – безгранично отдаваться захватившей их идее. Сейчас это была идея спасения гибнущей цивилизации. Как-то само собой родилось название экспедиции, спасающей от огненного потопа – “Ноев ковчег – 2”.

Быстро прошли в центральный зал. За одним из многочисленных пультов Сан Саныч заметил женщину, которая, не отрываясь от работы, плакала, не замечая стекавшей по щекам краски. Несколько минут спустя он и сам ощутил весь драматизм ситуации.

На огромном экране было высвечено лежащее на боку ветвистое бледно-зеленое дерево – сетевой график подготовки экспедиции. Ярким цветом горели макушки отдельных ветвей – так было отмечено то, что уже сделано. Как мало было этих веточек! Как близка была ярко-красная черта, обозначающая последний срок отправки экспедиции!

Неужели всё напрасно?

Сан Саныч испытывал сейчас то, что было хуже чувства неминуемой и близкой смерти. Раньше он думал, что вместе и умирать не страшно. Да, но когда жизнь продолжается, и кто-то будет помнить и оплакивать. Но всем вместе и навсегда – это чудовищно страшно! – Не оставить никого и ничего! Его маленький ребёнок, который уже есть в его возлюбленной, умрёт, не успев родиться... И эта экспедиция, последняя надежда, успеет ли выйти из чрева земной цивилизации? Если бы мы раньше вышли в космос и обжили его! Всё бессмысленно!

Из минутного оцепенения его вывел мощный импульс, поданный откуда-то изнутри. Всё существо его мгновенно наполнилось неистовой жадной борьбой. Тело бросило в жар. Поймав

взгляд руководителя делегации, Сан Саныч понял, что в эти мгновения тот испытывает то же самое.

Дело в астрономической группе, казалось, обстояло лучше, чем в других. Информация была упорядочена, неразберихи не было. Астрономы никогда не спешат, поэтому всё успевают. Их жизнь измеряется световыми годами.

Оптимизация траекторий кораблей позволила отодвинуть срок отлёта на восемь с половиной часов, хотя существенно увеличивала длительность полёта к Марсу и разбросанность кораблей в пространстве. Уточнение модели сверхвзрыва дало ещё до суток. Если успеют реализовать плазменную защиту, будет ещё двадцать пять – тридцать часов.

Сан Саныч стал участником ожесточённой дискуссии на самом высоком уровне и с совершенно неожиданным поворотом.

В Комитете вырабатывалось нечто вроде Конституции экспедиции.

Никто не оспаривал, что главная цель – выживание цивилизации. Следующая по важности – сохранение её следов. Все соглашались, что социальное устройство экспедиции отнюдь не сводится к назначению командира и заместителей.

Однако многие настаивали на суверенитете национальных экипажей даже в один человек, и никто не собирался отдавать вопрос социального устройства на откуп самим членам экспедиции.

Представитель Канады яростно доказывал, что на первом этапе, нации надо принудительно смешать. Ведь останется национальное в библиотеке знаний и генофонде. Иначе, утверждал он, опять американцы начнут бороться с русскими, евреи с арабами и мусульмане – со всеми.

– Назначайте Конституцию, не назначайте – всё равно экспедиция поступит по-своему, по обстоятельствам. И начнётся всё снова с первобытной общины, – заявил один из участников.

– Да, да, а потом каждый захватит себе по участку Марса, начнётся торговля воздухом, землёй, прошу прощения, арией...

– Посадят царицу или устроят монастырь с послушанием, – подхватили другие. – Нет! Конституция должна быть выработана до отлёта. Без этого, при всём доверии к астронавтам, мы до последнего вздоха будем чувствовать неуверенность за экспедицию, но самое главное, её шансы выполнить сверхзадачу не будут максимальными.

– Правильно, – поднялся руководитель российской делегации, – поэтому я предлагаю вернуться к предложениям американских учёных. По нашему мнению, это – хорошая основа, базирующаяся на длительных исследованиях психологии коллективов, использующая теорию игр с противоположными интересами.

– Уж если русские в таком вопросе соглашаются с американцами, – стали переговариваться многие, – надо присоединяться.

– А что предложили американцы? – шёпотом спросил Сан Саныч, наклонившись.

– Вон их плакаты в углу, – ответил тот. – Они на основе своих исследований рассчитали оптимальное устройство по этапам. Сначала – это армейская иерархия. Потом – нечто подобное военному коммунизму. Управление обществом – по целевым программам. Затем, в рамках программ – социализм с условными деньгами и частной собственностью на свой труд. На высшей стадии – своего рода анархия – то есть отсутствие власти как аппарата принуждения вне чрезвычайных, строго определённых ситуаций. Видите – доступность любой информации, коллегиальность решений, неприкосновенность личности. Поверхность, недра, основные средства производства – в общечеловеческой собственности, деньги перестают быть эквивалентом труда. Эквивалентом труда становятся чувство удовлетворённости человека выполненной полезной работой, полнота его самоуважения и уважение других людей! Один из главных критериев их оптимизации – максимизация чувства наслаждения общества как совокупности

наслаждений каждого. Этот критерий по их расчётам ведёт к наибольшей вероятности выживания общества! Каково?!

– Я бы назвал это... – Сан Саныч замылся.

– Если каждому доступна вся информация, – продолжал руководитель, – он быстро осознаёт предел своих претензий к обществу и природе. Полная доступность информации, кроме того, что это – необходимое условие наибо́льшего развития – это и лучшая гарантия от обид, злоупотреблений, узурпации власти, которая и есть, прежде всего, узурпация информации.

По мере того как Сан Саныч разглядывал плакаты со схемами и текстом, лицо его расплывалось в улыбке узнавания чего-то близкого душе. Он, было, поднялся выступить, но руководитель с силой наступил ему на ногу.

Конституция, предлагавшаяся американцами, рассчитанная действовать неизменно до численности популяции в сто тысяч человек, в общих чертах, после непродолжительных дебатов была одобрена.

После окончания работы руководитель взял Сан Саныча за локоть:

– Ну, Сан Саныч, мы с вами заработали ужин. Собирайте наших. Пока грузится самолёт, идём в кабаре! Посмотрим, как веселятся французы.

Сан Саныч впервые в жизни попал во французское кабаре да ещё в самом Париже. Известно, как это выглядело раньше, в обычное время. Сейчас это был такой вертеп, такой улей, такой... просто не с чем сравнить!

Вино лилось рекой, веселье, танцы, песни, слёзы, тосты... Так веселиться умеют, наверное, одни французы.

Казалось, все обслуживают сами себя – подходят к стойке, берут показавшуюся бутылку, кидают охапки денег за прилавок, тут же откупоривают... губная гармошка... певица с завораживающе хриплым голосом млеет на сцене... рядом работает стереокомбайн... парочки, парочки...

Кельнер, впрочем, тоже появился. От вкусной еды и пары глотков красного вина по телу разлилась приятная истома. Так хотелось остаться здесь подольше! Всё вокруг слилось в изумительную какофонию. Ход времени замедлился.

Сан Саныч никогда не был в Париже, но пришёл к твёрдому заключению, что Париж всё тот же. Его любовь вечна, а люди во время любви не стареют, поэтому не стареет вечный Париж!

Неожиданно в хаос звуков диссонансом ворвалось громкое жужжание, зал прорезали всполохи яркого света. Через открытые стеклянные двери прямо между столиков въехал мотоциклист и, неестественно дёрнувшись, остановился. Яркий луч фары слепил глаза.

Молодой парень, с ног до головы закованный в кожаную броню, сбросил шлем, рассыпав волны длинных волос. Сзади к нему прилипла молоденькая девушка в купальнике без верха. Она соскочила с подножки и, эффектно раскачиваясь на стройных ножках, подошла к стойке. Несколько человек, видимо, знакомых шумно приветствовали их.

Парень, как и все вокруг, был навеселе. Широким взмахом он распахнул куртку и достал из-за пазухи чёрную флейту. Из заднего кармана вытащил продолговатый предмет. Когда он пристыковал его, по характерному звуку щелчка Сан Саныч понял, что этот музыкальный инструмент исполняет только одну зловещую ноту. Через мгновение раздались аккорды очереди. Все застыли с весёлой удивлённой улыбкой. И лишь когда зал наполнился звоном битого стекла, грохот стрельбы перекрылся стоголосым женским визгом. Парень поливал как из брандспойта. Публика кинулась на пол.

Расстреляв магазин, парень достал второй. Далее всё происходило, как в замедленном кино. Сан Санычу казалось, что те четыре метра, которые отделяли его от парня, он летел мед-

ленно, словно космонавт в невесомости. Так же медленно парень пристыковывал магазин... его рука двинулась к рукоятке, обхватила её, указательный палец скользнул по скобе на курок...

В падении он подмял парня под себя. Мотоцикл завалился на бок и заглох. На помощь подоспели ещё несколько человек. Парень барахтался и что-то кричал. Все кричали. Когда кутерьма улеглась, а стрелок был поставлен на ноги и взят под руки, автомат куда-то потерялся. Только у Сан Саныча в левой руке остался полный магазин.

Продельвая дорогу локтями, появился толстый высокий человек, и, по-видимому, страшно ругаясь, задал парню такую трёпку, что только пух летел.

Сразу определив в Сан Саныче и его товарищах иностранцев, высокий толстяк обратился к ним по-английски:

– Это мой сын, джентльмены. Тысяча извинений, джентльмены. Не даёт, шалопай, спокойно насладиться последними деньками. Откуда-то раздобыл этот проклятый спидган.

Проскользнувшая полуголая девица схватила парня за руку и утащила за стойку. Сделала она это так решительно и ловко, на ходу ругая парня по-своему и обнимая, что никто в изумлении и замешательстве даже не двинулся с места.

Быстро выяснилось, что никто не пострадал. Несколько платьев, залитых вином и испачканных пломбиром смокингов – не в счёт.

Моментально овладев ситуацией, здоровяк, оказавшийся владельцем заведения, галантно помог дамам подняться, и, смахивая остатки стекла, громко провозгласил, что угощает всех:

– Все пьют за мой счёт! Веселье продолжается! Мы все любим солёные шутки... ваша сумочка, мадам... вы не ушиблись, мсье? Ещё мороженого сюда! Вина! Больше вина!

Сан Саныч обнаружил, что разорвал брючину и ссадил ногу о какую-то железяку.

– Не беспокойтесь, сэр. Моя супруга сейчас принесёт йод и зашьёт брюки.

Подскочила бойкая моложавая женщина, смазала ногу йодом и в несколько стежков прихватила клоч материи.

– Вы сможете сами идти, сэр? Возьмите мотоцикл. Я подарю вам его, если хотите. Вы здорово рисковали из-за этого безмозглого чертёнка.

К немалому удивлению хозяина и своему собственному, Сан Саныч закивал головой:

– Да, да, пожалуй, хочу.

Не говоря ни слова, хозяин достал из кармана денежную купюру и наискосок написал на ней: “Я, Пьер Виго, владелец ресторана...” – С улыбкой вручил это Сан Санычу. Затем, не без труда подняв мотоцикл, он подкатил его к столику и, хлопнув ладонью по седлу, раскланявшись, удалился.

– Товарищ Щербаков, Сан Саныч, дорогой, зачем вам мотоцикл? – выразил общее удивление руководитель делегации.

– Мужики, я честно заработал эту тачку, где вы были, когда летали эти мухи? – и он протянул на ладони магазин, набитый пухлыми блестящими патронами. – У меня есть, кому его подарить и кто будет в восторге!

Как бы то ни было, но руководитель делегации, человек много видевший на своём веку и всё понимающий, распорядился добавить к контейнерам, которые с величайшей осторожностью грузили в самолёт, ещё один ящик с необычным грузом.

Загрузились быстро. Самолёт тут же взлетел и лёг на курс. Несколько человек, в том числе и руководитель делегации, собрались в одном из салонов и ещё продолжали обсуждение результатов поездки. Сан Саныч тоже участвовал в разговоре, но чувствовал себя как бы раздвоенным. Одна половина его активно участвовала в обсуждении, искала, боролась, а другая – наблюдала за всем этим откуда-то со стороны. И если первая напрягала все свои силы, то второй всё это напоминало консилиум у постели обречённого: “У больного перед смертью появился аппетит – хороший симптом, хороший симптом!”

Неожиданно руководитель обратился к Сан Санычу:

– Догадались, почему я вас остановил, когда обсуждалась конституция?

– Побоялись, что я назову их коммунистами, и голосовавшие прокатят их предложения?

Правильно, что удержали меня. Даёшь коммунизм на Марсе!

– Это честные учёные. Их исследования сейчас не оплачиваются никаким заказчиком, над ними не довлеют никакие классовые или корпоративные интересы. Мы не говорим, что должен восторжествовать всеобщий коммунизм или что-то другое, но общественное устройство должно рассчитываться так же, как и устройство сложного компьютера!

– Точно. Солидарен абсолютно. Только раньше к этому и на полверсты не подпускали настоящих учёных, – согласился Сан Саныч. – Помните, как в семидесятые слопали Волгина, с его принципом согласованного оптимума, который отважился поправлять Маркса!?

– Американцы крепко зацепили проблему. Совершенно логично, что на выходе у них деньги перестали быть эквивалентом труда. Помните, как там..., дай бог памяти, ну, вы ведь тоже зубрили при сдаче кандидатского минимума: "...Бесплатный труд на пользу общества..." как потребность здорового организма!" Члены экспедиции, дорогой Сан Саныч, это ведь лучшие из лучших среди своих наций. И что, разве они и воспитанные ими дети будут работать как-то по-другому?

Руководитель закурил, откинувшись в кресле:

– Да, чтобы люди сбросили шоры с глаз, поняли, где прямая дорога, они должны забраться по кривой тропинке на скалу к краю обрыва и заглянуть в пропасть.

– Хорошо, что это – не ядерная война. Иначе никто б не задумывался. Все лихорадочно готовились бы к драке.

– Кстати, Сан Саныч, а вы знаете, вон в тех ящиках мы везём миниатюрные французские ядерные устройства. Они по раскладке разместятся на наших кораблях для строительных работ на Марсе, производства воды и воздуха.

– Или для войны с марсианами, – ухмыльнулся Сан Саныч.

– Мне тоже всегда казалось, даже в какой-то степени я убеждён, что человек – не продукт земной цивилизации, а занесён извне, например, с гибнущего Марса. И как знать, может быть, наша экспедиция столкнётся там с памятниками той эпохи человечества. Я бы очень хотел на это надеяться.

– Лишь бы там не оказалось воинственных марсиан, попытался перевести разговор в шутку Сан Саныч.

– Ну что ж поделать. Я бы тогда сдался на их милость, отдав им все наши достижения. Всё-таки они продолжили бы род человеческий.

– А может быть, именно точно так и было тогда на Марсе. И они стояли перед глобальной катастрофой, мечтая продолжить свой род на Земле? Уверен, Марс сыграл какую-то важную роль для Земли.

– Как знать, как знать...

– Я б на месте марсиан сделал бы станции на Фобосе, а потом – на Луне, своеобразные хранилища наследия цивилизации. А то ведь на больших планетах – вулканизм, подвижность тектонических плит, кора то поднимается, то погружается – поверхность за сотни миллионов лет неузнаваемо меняется. Кора планет неустойчива к большим космическим катаклизмам. Маяки цивилизации исчезнут, канут в расплавленное чрево, а на этих остывших и твёрдых спутниках могут существовать миллиарды лет.

– Вы хотите сказать, что признаки марсианской цивилизации надо поискать сначала на Луне!?

– Да, но теперь уже поздно. К Марсу лететь всё равно.

– Кстати, о реках на Марсе. Не являются ли они свидетельствами всемирного потопа, некогда разыгравшегося там вследствие разогрева планеты падением крупного тела, испарения

льдов, а затем конденсации паров в катастрофические ливни? Естественно, марсианский Ной спасся, пристав к вершине гигантского вулкана... Впрочем, ладно, помечтали, и – будет!

Руководитель достал из кармана небольшой блокнот, листки которого были с водяными знаками, гербом и вензелем Чрезвычайного Международного Комитета и ярко-красной подписью внизу: “Подлежит немедленному исполнению под страхом нейтрализации на месте имени человечества”.

Руководитель написал на одном из листков несколько слов и протянул его Сан Санычу:

– Это вам приказ доставить мотоцикл – ради вашей супруги. Передайте ей привет. Я слышал, она первая пострадала от Анастасии. Вылетайте сразу к себе. Продолжайте готовить банк по вашей части, постоянно ведите наблюдения, ускорьте прогноз результатов столкновения. Сейчас многие обсерватории смотрят на Анастасию, но кроме ужаса ничего не видят. Систематика наблюдений рухнула. Мобилизуйте всех, кого сможете. Считайте, что срок отлёта – в ваших руках.

Затем, немного помедлив, вырвал из блокнота с десяток незаполненных листков и протянул их Сан Санычу:

– А это – чтобы лучше прочувствовать ответственность. Ну и задали вы трёпку человечеству со своей Анастасией!

С этими словами, ухмыльнувшись, он поудобней устроился в кресле и пристегнулся. Самолёт круто пошёл на посадку на центральный аэродром Москвы.

Отдав распоряжение перегрузить мотоцикл в самолёт, который через три часа улетал в Крым, Сан Саныч помчался в Комитет за своими.

Улицы Москвы встретили его неопишуемой смесью картин. Вереницы рабочих с переутомлёнными серыми лицами спешили на предприятия, их рассекали толпы приодетых гуляющих людей. Несколько призывно кричащих ораторов, окружённых жидкими группками людей, флегматичные милиционеры, женщины с тяжёлыми сумками... старики при медалях...

То тут, то там в укромных уголках примостились броневики с солдатами. Старушки в чёрном тянулись к постоянно звонившим церквям. Много военных с чемоданами – по домам на последнюю побывку. Снующие в разных направлениях чёрные автомобили с маячками олицетворяли постоянную заботу властей. Много грузовиков с продовольствием.

Дети, оккупировавшие газоны, как ни в чём ни бывало носились в футбол. Мама выгуливали малышей и собак. Ворона долбила сухую корку. Дворник, ругаясь, уминал бак с мусором.

Какая-то фантазмагорическая смесь торжества, траура и обыденности!

В Комитете – сутолока “как в Смольном”. Сан Саныч собрал своих. Выяснилось, перед отлётом нужно обязательно заехать в одно из КБ по вопросу поражающих факторов и защиты кораблей. Быстро собрали нужную команду и помчались, распугивая сиренами прохожих и собак.

В кабинете было много народа. Надо всеми возвышалась могучая фигура “шефа”. Он отошел от стола навстречу. Прищур его глаз выдавал крайнюю усталость и неистовую решимость одновременно:

– Мы вас ждём. Если сегодня, сейчас, не решим вопрос с защитой, то сами понимаете... Много уже в металле.

На огромном столе разложили схемы отлёта, таблицы характеристик облака осколков вокруг кометы и поражающих факторов взрыва. Суть вопроса сводилась к тому, что в момент пикового воздействия взрыва надо было включить главный двигатель. Впрыск специальных добавок создавал плазменный факел, “запирающий” мощное излучение. Можно было отказаться от громоздкого и тяжёлого экрана.

Разбиение разгонного импульса на два уменьшало отлёт в момент взрыва и увеличивало мощность воздействия, однако, более мощный поток энергии легче было “запереть”. Нужно было рассчитать параметры плазменного факела, моменты включения двигателей, траекторию

отлёта, параметры защиты корабля. Запыхтели физики, давая вводные траекторщикам, связавшимся по сети с вычислительным центром одного из военных НИИ, отвечавшего за оценку живучести кораблей.

Выяснилось, что теперь корабли задевают край облака осколков. Тут запыхтел Сан Саныч, сходу уточняя распределение осколков по массам и скоростям – ведь в момент взрыва мелкие частицы должны были испариться под действием мощного излучения. Надо было оценить допустимое углубление в облако.

Наконец, схема расчётов была утрясена, и даны необходимые вводные. Ещё через несколько минут с ВЦ начали поступать первые результаты. Теперь запыхтели конструкторы во главе с шефом, сходу перекраивая компоновку модуля и некоторые элементы конструкции.

– Получается первая в мире фотонная ракета, – невесело пошутил кто-то из конструкторов.

– И последняя! – добавил другой.

Один из фирмачей обратился к шефу:

– Экран бросаем?

– Нет. Делаем, – недовольно ответил тот. – И никаких отставаний от графика! Не расслабляться! – и, обращаясь к одному из присутствующих: “Тринадцатому отделу немедленно заняться плазменной защитой.”

– На нас и так висит... – взмолился, было, начальник отдела, но под испепеляющим взглядом шефа, от которого не спасёт ничто, запнулся.

– Сегодня ночью у тебя в отделе не горел свет. Это – не работа. Подымай своих, хоть солдат бери. Через три часа я к вам зайду, – отрубил шеф. – Всё. Продолжаем работать.

Обречённо вздохнув, начальник “доблестного тринадцатого” обвёл окружающих взглядом, как бы прося поддержки, но взглядами с ним никто не встретился.

Неожиданно за дверью послышался шум. Дверь распахнулась, запыхавшийся человек выпалил прямо с порога:

– Корпус растрескивается!

Лицо шефа мгновенно осунулось. Сорвавшись с места, он почти бегом бросился из кабинета. Все последовали за ним. Через стеклянный коридор попали в просторный цех, где по самой середине в лесах балок, опутанная проводами и лямками, высилась сверкающая машина. Это был испытательный стенд с космическим кораблём внутри.

Рядом несколько человек пытались привести в чувство пожилого мужчину.

Запыхавшийся человек сбивчиво тараторил:

– Прослабили фрезеровщики... только заметили... дефектоскопию не успели... всё отлично шло... когда начало растрескиваться, Семён Якльч за сердце схватился и...

Его прервал рык шефа.

– Бы-ыстро! Всех сварщиков сюда! Это вырезать... это – заново... сюда накладку полтора миллиметра... – схватив первый попавшийся под руку острый предмет, стал чертить прямо по корпусу. – Юстировщиков сюда! За Вороновым гоните машину! Не хватает машин – берите любые у ворот. Я приказываю!

Поднялась суматоха. Завыли инструменты, осыпая всех фонтанами искр. Сварщики набегу развёртывали аппаратуру.

Сан Саныч с компанией вернулись в кабинет шефа. Быстро оценили результаты оптимизации защиты. Конструктора уже передавали команды по цехам.

Появился шеф, пройдя мимо всех с запрокинутой головой в заднюю комнатку при кабинете. С мокрым полотенцем туда пробежала секретарша:

– Опять кровь из носу пошла.

Закончив свою работу, приехавшие поспешили скорее удалиться.

Прощаясь с “фирмачами”, Сан Саныч прочёл такую тоску в глазах начальника тринадцатого отдела, что невольно содрогнулся.

К самолёту прошли пешком, благо фирму от центрального аэродрома отделял всего лишь забор с проходной. По дороге Сан Саныч думал о том, как несправедлива судьба. Одни встречают свой конец в пьяной праздности, а другие в крайнем напряжении бьются с судьбой насмерть.

У самолёта Сан Саныч встретил Женьку, прилетевшего с этим же самолётом и загружавшего новейшие компьютеры для вычислительного центра, и когда погрузка закончилась, подсел к нему:

– Обстановка, похоже, критическая. Нам приказано ускорить обработку данных наблюдений и моделирование столкновения, поручено мобилизовать ресурсы всех крымских филиалов оборонных фирм, всех математиков, программистов...

– Сан Саныч, дорогой, нам это не поможет. Мы и так не успеваем корректно формулировать задачи математикам. Они в спешке и усталости делают бесконечные ошибки, операторы путают провода и диски. Чужих специалистов просто не успеть ввести в курс дела, а вычислительная техника у них такая разношёрстная... Вот у себя компьютеры помощнее запустим – будет немного полегче. А башковитых ребят-добровольцев кликнуть стоит – им на свежую голову наши “ляпы” виднее будут.

– Хорошо. Что вам нужно?

– Я лично, сегодня вечером напьюсь. Больше не могу. В моём мозгу установилось слишком много устойчивых паразитных связей. Мысль заикливается. Надо рубить. В лучшие времена я бы покатался часок на тачке – и всё. А сейчас только так...

– Всё понятно. Картина всюду одинаковая. – Сан Саныч вкратце рассказал о поездке в Париж и на фирму. – Мои мозги тоже скоро растрескаются как тот несчастный корпус. Поэтому, под мою ответственность, завтра всем отдыхать! Кроме сменных операторов. Чтобы больше никого не было в обсерватории. И операторам-то будет полегче.

– А сегодня вечером устроим сабантуй.

– Точно... Жень, сходи к пилотам, передай на обсерваторию, намекни по-своему, тебя поймут. Пока долетим, всё будет готово. “Кто до смерти работает, до полусмерти пьёт!”

Женька скрылся в кабине и через несколько минут вышел с улыбкой:

– Всё в порядке. Шифровка передана.

– А вообще, это позорно, что за столько лет мы не научились в критической ситуации обходиться без водки. Это просто наша низкая культура. Лезем в космос, щепим атом, а собою управлять не умеем, – тут Сан Саныч решительно встал. – Нет! Всё! Хоть это и звучит сейчас смешно, но сегодня я пью последний раз.

– Я тоже.

Старые друзья прекрасно поняли друг друга. На мгновение их ладони соприкоснулись в воздухе. И каждый подумал, что самое ценное на свете – чувство дружбы и когда тебя понимают!

Глава 6 “Пир во время чумы”

Крым всегда встречает мягким тёплым духом степных трав.

Спускаясь по трапу, Женька с лукавым видом “подъехал” к Сан Санычу:

– Ты, говорят, везёшь подарок из Парижа? Шанель? Клима? Коти? Я чую, чую утончённый аромат... парижского бензина!

Дай прокатиться, не жлобись!

– Ладно. Только, чур, сам тогда догонишь до места.

Через несколько мгновений заветный ящик был сгружен и моментально разнесён по досточкам. Взору присутствующих открылась огромная ёлочная игрушка. Профессионально обнюхав мотоцикл и что-то потрогав, Женька восторженно и многозначительно произнёс:

– Да... шесть горшков, сотня сил. Вот это тачка! А ну-ка, народ, расступись!

Ловко вскочив в седло, Женька попробовал все ручки, тронул ключ зажигания. Мотор ожил и заработал бархатно, басовито. Усталое, но расплывающееся в улыбке лицо Женьки излучало свет не слабее фары. Немного погазовав, он вдруг рванул с места и метров пятьдесят промахнул на заднем колесе. Умчался в конец аэродрома, затем неожиданно возник из марева полосы, лихо, с заносом затормозив перед восхищённой публикой.

– Мотоцикл – лучший подарок! – провозгласил он. – Поехали. Я за вами.

Всю дорогу Женька висел “на хвосте” автомашины как приклеенный, прячась в спутную струю. Решили сразу заехать к Анастасии с подарком.

Подкатали с выключенным мотором, чтобы заранее не выдавать себя, и поставили подарок прямо под окнами палаты. Сан Саныч пошёл в больницу, а Женька притаился в сторонке, приготовясь наблюдать сцену в окошке.

Через несколько минут за окном палаты появилось бледное лицо Аси, а ещё через секунду раздался её восторженный визг, приглушённый стеклом.

Замаячивший рядом с ней Сан Саныч открыл шпингалеты, распахнул окно и в ту же секунду вынужден был крепко держать свою забинтованную королеву, которая готова была выпрыгнуть и оседлать доброго коня как Фанфан-Тюльпан:

– Ребята! Возьмите меня отсюда, я уже зажила!

Тут за спинами наших героев появилась фигура в белом халате и колпаке, сгребла их вглубь палаты и закрыла окно.

Выйдя, Сан Саныч обратился к Женьке:

– Завтра ещё раз осматрят и, если всё в порядке, вечером отдадут. Нарвались на самого главврача.

За окошком снова появилась Ася и жестами попросила продемонстрировать подарок в действии. Женька лихо оттанцевал на небольшом пяточке. Мотоцикл под ним легко метался из стороны в сторону, крутился волчком и вставал на дыбы. Просто трудно было себе представить, что машина весила никак не меньше двухсот килограммов – как концертный рояль. Впрочем, резвость её была понятной – ведь на каждый килограмм приходилось лошадиных сил поболее, чем у самолёта, ну а “пилот” Женька был хоть куда! Ездил круто!

По дороге на обсерваторию Сан Саныч с нежным трепетом думал о том, как завтра с массой предосторожностей привезёт Асю домой, как всю ночь будет её обнимать и ласкать, окутывая своей любовью, а мотоцикл затащит в комнату и поставит у её постели. Что может быть лучше взаимной заботы и любви!?

Он совершенно не думал о конце света, потому что с завтрашнего вечера у них была целая вечность.

И ещё он думал о Женьке. Какой он всё-таки замечательный человек! Ведь его рокерство, как Сан Саныч недавно узнал, было его общественным поручением. В своё время, когда Крым захлестнула волна “ангелов ада”, а ревущие табуны носились не разбирая дороги, круша всё на своём пути, ему, как молодому каратисту, кандидату в мастера, взамен на всяческую помощь секции поручили “унять” их. Особая трудность заключалась в том, что его другу, пожалуй, самому крупному авторитету Крыма по каратэ, Виктору Ушакову, досталось “успокоить” пешеходных хулиганов, ещё более многочисленных и враждующих с “ангелами”.

Дело осложнялось ещё одним щекотливым обстоятельством. Дочь Евгения попала под влияние одного из рокеров, парня, в общем-то, неплохого, но быстро воспринимающего “ангельские” повадки.

Первые попытки навязать рокерам благопристойную мораль закончились плачевно. Женька, несмотря на своё мастерство, был избит и оплёван. Тут уж он, раззадорившись не на шутку, взялся за дело серьёзно. Отличный каратист, яхтсмен, альпинист и горнолыжник, он быстро овладел “крутым” стилем езды. Приобретя “уважаемую” тогда тачку “ИЖ-ПС”, прилично пошатнул семейный бюджет, но проник в стан противника с другой стороны. Ездил всегда в маске, появлялся и исчезал неожиданно, был неприступен, благороден и отважен. Чтобы захватить лидерство, приходилось частенько вступать в потасовки и лично “чертить костями по асфальту” в борьбе за первенство в гонках и прочих рокерских испытаниях. Он придумал Устав, массу гордых ритуалов и состязаний. Он не “охомутал” рокеров. Он увлёкся сам, развил их идею, привнес мастерство, рыцарство и благородство. В итоге банда превратилась в братство. Сан Саныч где-то в глубине души завидовал ему, потому что Женька жил сразу несколько жизней и многих людей сделал счастливее.

Сейчас, в это чрезвычайное время, не нашлось более сплочённых, более подготовленных в моральном, физическом и организационном плане структур для поддержания общественного порядка. “Конные” и пешие “ангелы” были вездесущи, молниеносны и справедливы.

* * *

Погода захмурилась. В воздухе повисла мягкая сырость, краски крымской природы сразу посочнели, ароматы усилили крепость своего разлива, острые верхи гор нахлобучили шапки. Во всём появилась непосредственность и нежность.

По дороге нагнали быстро шагающего парня в повязке и с автоматом за плечами. Парень обернулся, взмахнул рукой. Остановились. Косясь на невиданный мотоцикл, он попросил подвезти и взволнованно затараторил:

– Тут пьяный один подошёл. Они, – говорит, – шли с дружкой. Навстречу девчонка с косой молоденькая. Его дружок съел её глазами и говорит ему: “Ты иди, а у меня дела.” Он и пошёл. И только когда увидел меня, у него вдруг проснулась сообразительность и совесть – мол, пойди проверь, как бы чего не случилось!

– Куда ехать? – спросил Сан Саныч.

– Да где-то по дороге.

Поехали. Кусты и перелески вокруг сразу стали такими густыми, непроглядными. Вдруг Женька резко затормозил. Посреди дороги валялась заколка-бантик. Справа – крутой лесистый откос. Слева – кустарник, уходящий вниз до самого моря.

– Я – вверх, а вы вдвоём – вниз, – скомандовал парень. – Если что, кричите.

Сан Саныч и Женька начали спускаться.

– Сюда! – Женька указал на кусок отколупнутой земли. – Похоже, он потащил её сюда.

Друзья, осторожно отодвигая колючие ветки, пробирались вперёд.

– Вот они! – Сан Саныч схватил Женьку за плечо. – Смотри, вот они... Гад!

Прямо на камнях голая фигурка девушки была подмята грязной машиной пьяного маньяка. Он насильовал её, зажимая ей рот и кромсая ей грудь перочинным ножом.

Сан Саныч и Женька с криками ринулись вперёд. Пьяный смотрел на них дикими глазами, словно ничего не видел и не слышал. С трудом оторвав его от жертвы, они схватили его за руки, Женька завернул ему кисть руки, всё ещё сжимавшую нож. Маньяк рычал и рвался, как дикий зверь.

Подбежал парень с повязкой и ударом ноги буквально выбил верзилу из их рук. Тот отлетел на несколько шагов и распластался на камнях, затем попытался подняться. Но парень сорвал со спины автомат и длинной очередью разорвал его пополам.

Девушка была вся изранена. Друзья бросились к ней. Приподняв голову, она силилась что-то сказать, но только слабый стон, вмещающий все страдания мира, тихий, как вздох сло-манного цветка, покинул её уста.

Она вздрогнула и затихла, широко раскрыв удивлённые глаза.

– Быстрой! Надо перевязать и гнать в скорую!

– Она мертва...

Все трое стояли в оцепенении...

На выстрелы подбежали пограничники и тоже застыли, оглушённые этой немой картиной.

Наверху на шоссе затормозила машина. Спустились люди. Пограничники по радиации вызвали милицию и скорую.

Сан Саныч сжал Женькину руку:

– Поедем, я больше не могу.

* * *

Накрапывал дождик. На природе, около Женькиного дома недалеко от обсерватории, устроить вечеринку не удалось. Собрались в помещении.

Подъезжая к дому, Сан Саныч и Женька издали увидели Марину, Женькину супругу:

– Эй, лягушки-путешественники! Сюда! Сюда!

В доме царила обычная в таких случаях суэта. Всё мылось, резалось, варилось, пеклось, перемешивалось, намазывалось, раскладывалось, открывалось...

Друзья закатали мотоцикл в гараж. Женька достал бутылку водки и плеснул в стаканы:

– Пусть ей пухом...

Тяжко вздохнув, друзья молча выпили.

На кухне к ним подлетела Марина:

– Мужчины, порежьте колбасу и хлеб и тащите всё на стол.

Сан Саныч взял нож и только притронулся к хлебу, как почувствовал, что к горлу подкатился комок, нож выпал из рук.

– Сан Саныч, что случилось?

– Сейчас из него польётся кровь...

– Тебе плохо?

– Марина, – подоспел Женька. – Мы по дороге... видели, как маньяк убил женщину.

– Какой ужас! – она сжала виски руками.

– Его расстреляли на месте. Ты уж не говори никому. А с Анастасией всё в порядке. Завтра выпускают.

Собрались медленно. После девяти только сели за стол. Тамадой избрали, естественно, Женьку. Он сначала отказывался, а затем стал не спеша наполнять бокал, собираясь с мыслями.

“Мужики! – начал он. – Помните “Пир во время чумы”. Мы вполне могли бы сейчас устроить нечто подобное, предаться сплошному пьянству и разврату, ожидая конца света. Но

мы не делаем этого. Почему? Потому что, говоря языком военных героиков, “стоим насмерть перед превосходящими силами противника, прикрывая отход товарищей”.

Да, мы знаем, что погибнем и точно знаем, когда. Но у меня, признаюсь вам, нет чувства горечи или ещё какого плохого чувства.

Во-первых, нам удалось заранее предупредить человечество о надвигающейся катастрофе. Именно мы готовим и даём возможность улететь марсианской экспедиции. Человечество как таковое не умрёт. То, что происходит – это естественный отбор. Человечество зашло в тупик, но у него прекрасная возможность начать всё сначала как следует. Лучшие люди с лучшими устремлениями собрались в кулак, снабжённые всем опытом предыдущих поколений! Именно мы до последнего вздоха обеспечиваем успех этой грандиозной и трагической операции. И это здорово!

Во-вторых, нам уготован чрезвычайно интересный конец. Мне лично необычайно любопытно будет наблюдать это феерическое зрелище. Мне, профессионалу, который измоделировал предстоящее событие до мельчайших подробностей вдоль и поперёк, очень приятно будет увидеть, что всё происходит именно так, как мы предсказали. А если всё пойдёт не так, это будет вдвойне интереснее. Помните, как у Кафки, изобретатель смертоносной брони в экстазе сам ложится под неё!?

Поэтому я предлагаю, сегодня, сейчас, возрадоваться, как радуется погибающая мать, видя, что дети её спасены!”

Кто-то поднялся навстречу:

– Честь Евгению, который навеет человечеству сон золотой! Ура!

Когда все, задумчиво чокаясь, пили и закусывали, Сан Саныч поймал себя на мысли, что ему действительно не страшно умирать. Во-первых, он занят делом чрезвычайной важности. Во-вторых, ему ещё предстоит “вечность с Асей”. В-третьих, это действительно будет грандиозное зрелище, а не какая-нибудь там гнусная война. Да и вообще, он уж перегорел. Долгое предвкушение какого-либо события ведёт к девальвации его реальной значимости. Но это – по отношению к плохому. А по отношению к хорошему справедлива аксиома: “Самое большое удовольствие – предвкушение большого удовольствия!”

Всё бы так, но мурашки, пробежавшие по его спине, как бы вопрошали: “А не обманываешь ли ты сам себя?”

Женька опять встал, рассеивая тягостную тишину:

– Между прочим, очень советую дружить с Оганесом Арутюнычем. Он только что вычислил, что Земля не вся развалится и превратится во прах. Останется несколько крупных блоков.

– Да, но от коры всё равно ничего не останется, – оживился Оганес Арутюнович. – Правда, если зарыться под Аляской...

– Сейчас же берём лопаты и летим. Я знаю, это в районе Клондайка. Заодно и золотишка поднароем! А?

– Билетов не купить. Копать начнём отсюда! – подхватили другие.

Включили музыку. Народ медленно отходил от суматохи дел. Сказывалось перенапряжение последнего времени.

Сан Саныч почувствовал, что с усталости сильно хмелеет. Видимо, так было со всеми.

Мужчины группами как всегда говорили о работе. Женщины, обступив какого-то рассказчика, сбились в кучу. Чтобы немного развеяться, Сан Саныч решил присоединиться к ним.

В центре кружка тарактела явно перевозбуждённая молодая программистка:

– ...И вот приходят они в церковь, а там и хворост в вязанках и керосин в канистрах, то есть всё уже готово для самосожжения. И дата уже назначена как раз на завтра, чтоб, как они говорят, души успели отлететь подальше. Ну вот и ломай голову, что делать. Разрешить – не разрешить... или просто закрыть на это глаза? Священник молча молится, а бабки – те хором кричат, мол, не ваше дело, ждёт вас геенна огненная, а их Господь призывает к себе,

и что они всё равно сделают это. Поселковые власти заседали-заседали – ничего не решили, запросили город, а те – область, те ещё выше – ничего. На всякий случай милиция в штатском крутится у церкви.

– А по-моему, пусть сжигаются. Не известно, кому будет лучше, чего понапрасну милицию занимать?

– Ну, ты и скажешь! Там же дети.

– Управлять людьми в такое время – это всё равно, что делать уборку в горящем доме!

– А по-моему, надо просто что-нибудь делать.

– А я, когда мы закончим с экспедицией, поеду по Крыму на велосипеде и буду останавливаться, где захочу, и купаться нагишом, а потом лежать на горячем песке.

– А я хочу встретить Анастасию на вершине Ай-Петри, как когда-то солнце.

– Нет, мы с мужем и сыном решили, выйдем за несколько дней в море на яхте.

– А мы уже договорились, что пойдём на кладбище к нашим родителям.

– Девчонки, девчонки, давайте танцевать! – Сан Саныч решил вмешаться в разговор.

– Сан Саныч, миленький, дайте отдохнуть от жизни! – услышал в ответ.

Сан Саныч почувствовал, что теряет реальное восприятие действительности, и отошёл подальше в тёмный угол.

Глава 7 В космос!

Наутро снова затрещивал правительственный телефон. Сан Саныча вызывали в ЦУП, чтобы присутствовать на запуске первой серии космических кораблей марсианской экспедиции на околоземную орбиту.

Он позвонил в больницу и узнал, что Асю ещё не отпускают – не успевают в этой суматохе сделать анализы, а врач не хочет рисковать.

“Да уж, – подумал Сан Саныч, – конец света, а врач рисковать не хочет! Поистине комедия абсурда!”

Тем не менее, он сел в самолёт и полетел в Москву.

ЦУП сразу поразил его необычайной сутолокой – растревоженный муравейник! Люди сновали туда – сюда, как в предстартовой лихорадке. В общем и целом, конец света – он и есть конец света!

Подошёл один из руководителей подготовки с красными от бессонницы глазами в прилично помятом костюме – не одну ночь провёл он на креслах центра:

– Ну что, Сан Саныч, летим? Уносим ноги от твоей Анастасии. Полюбуйся, полюбуйся на эти преждевременные роды!

– Да у вас, по-моему, испокон веков так.

– Всегда – да не всегда! Когда совсем прижмёт, старт на день-другой, а то и на месячишко отложить можно было. А тут...

С этими словами, тронув Сан Саныча за рукав, он помчался дальше.

Сегодня предстоял синхронный запуск первых кораблей, которые должны были доставить части марсианских модулей на околоземную орбиту.

Общая программа экспедиции, предусматривавшая несколько вариантов в зависимости от стечения обстоятельств, сводилась к следующему. На первом этапе различные блоки марсианских модулей доставлялись на круговую околоземную орбиту и там дособирались и стыковались. Затем доставлялись грузы, провизия, топливо и доукомплектовывался экипаж. После проверок и достижения необходимой степени готовности сборный многотонный корабль должен был стартовать к Марсу. Кроме этого, несколько отдельных кораблей стартовали к Марсу самостоятельно, поскольку в распоряжении землян находился совершенно разношерстный парк ракет-носителей и кораблей, а сроки подготовки запусков плохо увязывались. Национальные космические центры были, по большому счёту, разобщены. Поэтому марсианская экспедиция представляла из себя целую флотилию разнокалиберных аппаратов.

Самая большая станция, корабль-флагман, была американско-российско-французской, состыкованная из жилых и грузовых отсеков, посадочных модулей и модулей жизнеобеспечения. Но даже и она не имела всего необходимого для выживания на Марсе.

Флотилия собиралась на орбите около Марса, если удастся – у Фобоса, затем должна была осуществиться перестыковка модулей, выбор места посадок и поэтапная посадка. Главная задача – отыскать такое место, где можно сравнительно безопасно “примарсианить” посадочные модули и соорудить центральную станцию – марсианское поселение. Жизненно важным было наличие воды и тепла. На марсианских полюсах много воды и углекислоты, но мало тепла. На экваторе – наоборот.

Обитаемыми были только три посадочные модуля. Остальные – были грузовыми. Требования к безопасности их посадки были послабее, что экономило общий вес экспедиции.

Надо было так “усадить” эту флотилию, чтобы можно было потом всё отыскать и собрать воедино. Ведь потеряй что-нибудь из оборудования, инструментов, припасов или гигантской

библиотеки знаний – и экспедиция столкнулась бы со значительными трудностями. Почти не было ничего лишнего или запасного.

Экипаж состоял всего лишь из семи молодых женщин, прошедших подготовку, на сколько позволяли сроки и жёсткий отбор. Это был поистине самый цвет молодого женского населения Земли.

Основной же генофонд человечества был представлен обширным банком законсервированной мужской спермы и женских яйцеклеток лучших представителей почти всех наций и народностей. Везти с собой живых мужчин было в условиях страшного весового дефицита непозволительной роскошью. Женщины были заранее оплодотворены на разные сроки в земных условиях. Лететь без мужчин – это было рискованно, но расчёты показывали: уменьшить число женщин – риск ещё больший.

После высадки женщины должны были соорудить себе несколько подземных жилищ, на первых порах располагаясь в посадочных модулях и используя привезённые запасы воды, воздуха и продовольствия. Должны быть построены также своего рода теплицы – полуподземные сооружения как бы располагающиеся внутри огромных пластиковых пузырей, удерживающих влагу, искусственную атмосферу и солнечное тепло.

Марсианская вечная мерзлота поставляет воду и углекислый газ, необходимые для водорослей и других микроорганизмов, производящих кислород и биомассу. Постепенно в рабочий цикл включатся более сложные растения и животные, снабжая людей всем необходимым и обеспечивая регенерацию отходов.

Механизмы будут приводиться в движение электроэнергией или мускульной силой. Разложение воды под действием электричества на кислород и водород пойдёт для дыхания, для водородно-кислородной резки и сварки, плавления пород и прочего.

Постепенно марсианская колония смогла бы обеспечить себя всем необходимым не только для выживания, но и для увеличения населения, расширения колонии, освоения Марса.

Не исключалась встреча с марсианской жизнью, прежде всего, с вирусами и бактериями, могущими оказаться опасными. Экспедиция имела необходимый минимум средств защиты. Каждая женщина должна была рожать детей, причём, как можно больше и на первой стадии преимущественно девочек, при рациональном использовании мужского генофонда. Вокруг каждой женщины, таким образом, возник бы её род, пёстрый по цвету кожи и национальным признакам.

Был спроектирован своего рода гинекологический центр, облегчающий вынашивание и роды, но создать его предстояло уже в марсианских условиях.

Чрезвычайно интересен был Устав экспедиции. Он, прежде всего, предполагал равенство всех людей, которые прилетят с Земли или родятся вне её, а также полную доступность каждому любой информации.

Ни цель, ни Устав не могли быть изменены до достижения колонией определённой численности людей, обеспеченных всем необходимым. Это – своего рода завещание, которое передавалось гибнущей частью человечества. Конкретная цифра ещё дебатировалась и должна была быть названа в последний момент. Одни склонялись к тысяче людей, другие настаивали на миллионе и более. Американцы называли порог в сто тысяч человек.

Сан Саныч, хотя и не занимался этим непосредственно, склонялся к большим цифрам, поскольку он считал, что развиваться, то есть сохранять и преумножать сумму знаний и навыков, может только очень большая популяция людей, даже оснащённая мощным инструментарием и даже в благоприятных условиях, когда не надо постоянно бороться за выживание. Малочисленное общество, не имея возможности заниматься сразу всеми отраслями знаний на должном уровне, обречено на деградацию, на постепенную утрату навыков, материальных и духовных ценностей, и превращение в стадо животных.

Уставом запрещались политические партии. Суд вершил командир при участии выборных заседателей. Наказания определялись конкретными условиями существования. Лучшей гарантией против несправедливости и неоправданной жестокости, по мнению многих, была именно общедоступность всей информации. Любой и всегда мог задать своё “почему?” и докопаться до истины.

Так или иначе, Сан Саныч испытывал удовлетворение от этого Устава, простого и ясного, вмещавшего весь здравый смысл, по-детски справедливого, очищенного от земного лицемерия, корысти, неравенства.

Постепенно в главный зал ЦУПа начали собираться ответственные руководители. Засветились экраны. Работа оживилась. Шли всевозможные проверки.

Он неотрывно смотрел на экран.

Объявлена получасовая готовность и все были в напряжении. Отдавались мало понятные для непосвящённого команды, постоянно докладывалась готовность тех или иных систем, космонавты переговаривались с операторами. Наконец, прошли основные проверки, пошёл отсчёт...

И вот на огромном экране титанических размеров ракета осветилась яркой вспышкой – есть зажигание! – окуталась дымом, тронулась... и медленно, но всё быстрее и быстрее начала подниматься. Из огромных сопел било ровное, казавшееся твёрдым яркое пламя.

При мелких неполадках полёт проходил нормально, и вскоре было доложено, что корабль вышел на расчётную орбиту.

Через некоторое время были показаны старты французского и американского кораблей. По экрану близко друг к другу поползли уже три яркие точки. Происходило сближение кораблей на орбите.

Подшёл сотрудник и попросил пройти в рабочую комнату. Опять возникли вопросы по траекториям отлёта и уклонению от осколков. Часть кораблей не укладывались в график подготовки. Постоянно перетасовывали груз, стараясь всё, что в крайнем случае можно было потерять, погрузить на последние корабли.

Расчётный риск последнего из кораблей оказался слишком велик, его запуск почти бесполезен. Разгрузить его не было никакой возможности, переложив груз на другие корабли. Экспедиция несла первые неотвратимые потери. Однако решено было всё равно запускать. Мизерный шанс уцелеть или получить негибельные повреждения всё-таки был.

Под утро все вопросы были сняты, и Сан Саныч вернулся в главный зал ЦУПа.

Сближение шло, в общем, нормально. Мелкие неполадки в большом числе были на каждом из кораблей. Экипажи постоянно в напряжении занимались их устранением. Многие оставались “на потом”.

Тем не менее, стыковка русского и французского кораблей, несмотря на сумбур и нервозность, закончилась успешно.

С находившейся поблизости американской станции передавалось цветное изображение. На фоне чёрного, исколотого яркими звёздами неба сверкала и переливалась красками медленно наползающая машина двух обнявшихся кораблей.

Американский экипаж готовился к стыковке и выходу в космос... Наконец, есть стыковка!

Трое космонавтов через шлюзы вышли в открытый космос и, опутанные шлангами и тросами, стали доставать из открывшегося грузового отсека элементы конструкции и укреплять их на внешней поверхности. Космическая стройка!

Успешные действия экипажей и завершение главных стыковок без серьёзных происшествий всех приободрили. Нервная суматоха незаметно перешла в радостное оживление. Засветились лица сотрудников. Впервые начали выходить на перекуры.

Сан Саныч решил немного отдохнуть в ЦУПовской гостинице. Войдя в номер, он тут же плюхнулся на диван, включил телевизор. По единственному работавшему каналу передавали репортаж с орбиты.

Долго возились с переносом оборудования из отсека в отсек, не раскрывались антенны, кто-то снова и снова выходил в космос...

Космонавты как альпинисты, только очень неуклюже, цеплялись за выступы, карабкались, срывались, удерживаемые страховкой, помогали друг другу, словно муравьи тащили громоздкие конструкции...

Часто перед камерами крупным планом проплывали их шлемы с тёмными светозащитными забралами. Трудно было представить, что за ними скрывались прелестные девичьи личики.

Медленно, словно крадучись, со стороны Земли подошёл автоматический грузовой корабль. Завис, замигал причальными огнями. Его вручную “заарканили”, аккуратно подтащили к связке, “заякорили” и не стыкуя начали разгружать.

Не верилось, что всё это происходит сейчас и наяву, а не в очередном космическом боевике!

Затем показали суету в ЦУПе, американский старт и весёлые, но в то же время, деловые лица разноцветных американских девчонок.

“Им больше не суждено вернуться на Землю!” – словно током обожгла его эта чудовищная истина. Он живо представил себе, что эти милые, ясноглазые создания находятся всего в каких-нибудь трёхстах-четырёхстах километрах от поверхности Земли, видят её перед собой и на неё не вернуться уже НИКОГДА!

Между ними и их родной планетой – непреодолимое пространство, спрессованное волей человечества. Пёстрые девчонки там в космосе – это уже другая цивилизация!

Не так ли вот когда-то отправлялась экспедиция на Землю с умирающего Марса?

Марсиане или марсианки, а может быть, всего одна из них, высадились на Землю, испытывали неисчислимы трудности и лишения, постепенно утратили свой драгоценный груз знаний и орудий, затем всё же размножились и дали начало нашей цивилизации, сохранив наследие прошлой лишь в неясных полузабытых легендах и верованиях.

Ведь доказано же генетиками, что все земляне произошли от одной женщины, да и цивилизация-то наша как надстройка общества ещё очень молода! Все её достижения на пути технологического прогресса – ничто по сравнению с гигантскими и необъяснимыми возможностями самого человека, являющегося, по всей видимости, продуктом гораздо более древней и могущественной цивилизации.

Не уготована ли нашей цивилизации подобная судьба? Впрочем, и это было бы уже неплохо!

Космические кадры сменялись неестественно уверенными выступлениями руководителей и “слезоточивыми” напутствиями людей “из народа”. Было видно, что настоящие искренние чувства они скрывали за высокопарностью фраз или искусственностью интонации, потому что впервые они могли сказать голую правду о главном, но так много было сказано подобного по всяким недостойным поводам, что теперь эта правда выглядела бы ложью.

Один из руководителей подготовки демонстрировал перед камерой уникальный груз, отправляющийся на Марс.

Бесценный груз, квинтэссенция цивилизации, включал обширнейшую компьютерную библиотеку по всем отраслям знаний и искусств, представительный генофонд человека, земных животных и растений, запасы горючего, воздуха, воды и пищи, а также инструментарий выживания.

Демонстрировался миниатюрный землеройный электрический комбайн, он же – подъёмный кран, буровая и трактор.

В багаже экспедиции – уникальное медицинское оборудование и инструменты. Универсальный обрабатывающий станок с компьютерным управлением – целый завод в чемоданчике – привёл бы в восторг любого умельца-Левшу, а миниатюрное сварочное оборудование!..

Потом был продемонстрирован марсианский автомобиль. Эту ажурную конструкцию не сразу-то можно было разглядеть под кучей людей и грузов, которую он лихо катил по буеракам. Весило это радиоуправляемое автоматическое чудо техники несколько килограммов, а везло на себе несколько центнеров.

Затем был показан в действии фантастический электродинамический пистолет, стрелявший малюсенькими пулями различных типов. Весил он двести пятьдесят граммов, а справиться мог с танком.

Естественно, репортёр задал вопрос, а оружие, мол, зачем?

На это специалист в полушутливой форме ответил, что одно из назначений пистолета – ракетница. След от разрыва сигнальной пули, достигающей в условиях Марса высоты в несколько десятков километров, виден с огромного расстояния, вспомнить хотя бы яркую черту метеора в ночном небе – а ведь это сгорает микрочастичка в верхних слоях атмосферы.

“Человечество привыкло верить, что оружие – гарантия свободы и права, – подумал Сан Саныч. – Оно не может без оружия. А убить можно и плазменным резакон, и гидропушкой для дробления пород, и лазером связи, и многим другим, что находится в распоряжении экспедиции. Имеется даже несколько ядерных зарядов размером с чашечку кофе. Можно убить просто словом, наконец. Но дело не в этом. По жизненному опыту, власть и оружие неразделимы, безвластие же – гибель.”

Опять пошли репортажи с космической стройки. Затем продемонстрировали марсианский телерадиоцентр с целой сетью приёмников, умещавшийся в маленьком чемоданчике. Цветные телекамеры размером с охотничий патрон, телевизоры – как пластиковые карточки, центральный пульт – не больше хорошего калькулятора.

Главная марсианская электростанция представляла собой огромные солнечные батареи, изготовленные в виде тонкой плёнки, в транспортном состоянии свёрнутой в тугие рулоны. Она давала несколько сот ватт с каждого квадратного метра. Была ещё станция, основанная на принципе термопары, использовавшая большие перепады температур в грунте и атмосфере Марса.

Санитарно-гигиеническое оборудование, швейная машинка со спичечный коробок, кухонная микроволновка и микропачечная, многое, многое другое...

Всё, что ни демонстрировалось, было просто шедевром науки, техники и дизайна.

Во всех деталях показали компьютерную модель будущих поселений. Компьютерные женщины ходили по переходам, стояли у пультов, растили фрукты, рожали и воспитывали компьютерных детей, вгрызались в породу в добывающих посёлках, наперекор бурям колесили по суровому марсианскому пейзажу на самоходных тележках, проходили воздушные шлюзы, принимали душ и даже танцевали на вечеринках под светом двух марсианских лун.

Было около трёх часов ночи. Но, выглянув в окно, Сан Саныч увидел, тысячи и тысячи окон тёмного города светились слабым, мигающим в унисон голубым светом. Люди следили за космической эпопеей.

Выйдя на следующий день на улицу, он сразу заметил, что лица людей, такие мрачные и отрешённые накануне, преобразились, потухшие взоры запылали. На всех углах живо обсуждалось то, что происходило в космосе и готовилось на земле. Первые успехи приободрили людей, зажгли в них искорки надежды.

Люди почувствовали, что всё не исчезнет, вот – дверца выхода из губительной ситуации. Многие понимали теперь, как мало они в своей жизни сделали для вечности, и как на самом деле мало надо было для этого сделать.

Впрочем, нужно ли этой “Вечности” что-либо человеческое – это ещё вопрос!

Сколько люди помнят себя, всё это время они боролись за жизнь и друг с другом, любили, рожали, мучили и убивали, суетились, зарабатывали какие-то деньги, что-то покупали, продавали, строили дома и разрушали города, печатали и сжигали книги, занимались политикой, наперегонки взрывали атомные бомбы и перебрасывались спутниками, писали и переписывали свою историю... В общем, шли вперёд с задними мыслями, грязными ногами, окровавленными руками и невинными глазами.

Но всё же что-то выкристаллизовывалось, и в руке погибающего человечества, простёртой к небесам, в последний момент засверкал маленький бриллиантик – наша экспедиция, спрессовавшая до предельной твёрдости всё самое светлое и чистое.

Последнее время на улицах городов царил беспорядок в движении. Но сразу после первых запусков, машины с яркой надписью “Марсианская экспедиция” и красным огнём на крыше стали сразу как-то заметнее, им теперь уступали дорогу. При появлении их всё движение замирало за квартал.

Поубавилось забот у милиции и спецподразделений, обеспечивавших функционирование немногочисленных ещё работающих заводов, научно-исследовательских институтов и госучреждений.

Стало легче поддерживать общественный порядок. Ведь люди воочию увидели, что, возможно впервые за долгие годы, государство и чиновники занимаются небесполезной деятельностью.

Многие, как могли, стали помогать. А ведь раньше, порой приходилось буквально отлавливать специалистов и под дулами автоматов приводить на рабочие места. Многие военные сами вынуждены были становиться к станкам, садились за баранки грузовиков, возили и разгружали продовольствие, гасили пожары, убирали мусор. Большая и ясная общая цель мгновенно вдохновила и сплотила людей.

Сан Саныч часто рассуждал над одним фактом. Считанные дни оставались до гибели, а самооценку человеческой жизни не утратилась. Никто не хотел просто так до срока умирать. Милиция и спецотряды, собирая людей на разного рода работы, вытаскивая спецов из тёплых постелей и кабаков, фактически угрожали им оружием. Многие шипели как змеи, но повиновались. Хотя, казалось, какая разница, сейчас умереть или через пару недель? На что указывала это тяга к жизни перед неминуемой смертью? Кончается ли жизнь после смерти? После такой гигантской и всеобъемлющей смерти?

Как учёный-астроном, Сан Саныч знал, что большая часть Вселенной заполнена обнаруживаемой только по косвенным признакам неизвестной ещё субстанцией, так называемой “скрытой массой”. Масса этой части Вселенной во много раз больше, чем масса всей материи и излучения, видимых нами во всех диапазонах волн, доступных человеку с его обширным инструментарием. В этой загадочной скрытой части Вселенной господствуют частицы, практически не взаимодействующие с нашим веществом. Мы можем ощущать её пока только возмущениями гравитационного поля.

Не есть ли этот невидимый и неведомый мир, мир, во много раз обширнее нашего, как раз “тем светом”. Не может быть, чтобы такой гигантский взрыв не отразился в том мире потоком каких-либо неуловимых нами частиц. Не объединяет ли в себе человек двух живых существ из разных миров? Ведь доподлинно известно, что, умирая в абсолютно герметичном сосуде, человек облеγχается на несколько граммов! Не есть ли человек, его тело, всего лишь орудием проникновения в наш мир, своего рода скафандром, который “надевает” некая душа, отправляясь в неблагоприятную среду, в которой эта душа в силу слабого взаимодействия двух миров не может без человеческого скафандра ощущать наше вещество и излучение, в полной мере воспринимать наш мир, двигать камни, плескать воду, гонять воздух?

Но вот скафандр сам стал мыслить и уже плохо подчиняется “душе”, а она не в силах жёстко управлять им в силу чрезвычайно слабого взаимодействия миров.

Если разум, не мелкий умишко, а действительно РАЗУМ, на самом деле един во всех мирах, естественно, он не хочет насильственной гибели даже одной из его субстанций, в одном из миров, даже за минуту до неминуемой в этом миру гибели, поскольку всё равно потеряет часть себя. Но может ли он повлиять на этот исход при столь ничтожном взаимодействии?

А может, эта ничтожность взаимовлияния только кажущаяся в силу нашего незнания? Радиоволны человек ведь тоже не сразу “увидел”!

К концу следующего дня с экранов телевизоров и из радиоприёмников всюду зазвучали песни на марсианскую тему о вечности и добре, о космическом знамени, эстафете и всём таком прочем. Естественно, чаще всех исполняли: “...И на Марсе будут яблони цвести...”

Экипаж экспедиции окрестили космическим детским садом. Командиром была поразительной красоты смугленькая американка с искрящимся взглядом. Её голос, решительный и нежный, звенел как колокольчик. В её речи с чрезвычайной выразительностью участвовало всё её тело. Заместителем была русская девчушка-смехотушка, крепенькая, миленькая, кругленькая и, как ни удивительно, доктор наук и мастер спорта в свои двадцать три года.

Да! Это был цветник! Все сразу влюбились в очаровательных космических звёздочек.

По телевидению часто передавали трогательные приветствия с орбиты и очень мило обставленные сценки. Большинство зрителей в эти минуты плакали. Это было не только результатом мастерства телевизионщиков, которые превзошли сами себя, но и на самом деле, люди ведь по-настоящему провожали своих дочерей и возлюбленных! Их чувства не были сродни чувствам родителей, уступающих место своим детям в спасательной шлюпке. Здесь было нечто иное – чувство человека, выпускавшего голубей в небо.

Родители с гибнущего “Титаника” отправляли детей в такую же жизнь, какую жили сами, а голуби устремлялись далеко ввысь, их жизнь должна была быть лучше, светлее. Пусть гораздо труднее, но не такая суетная, какая у их родителей, а высокая, настоящая...

С успехом экспедиции люди всего мира связывали свои самые светлые надежды. Слезы радости и удовлетворения были неподдельными.

* * *

На несколько дней прекрасная фея исчезла так же неожиданно, как и появилась. Капитан оставался один. Он предался своим неторопливым мыслям. Куда было теперь спешить? Он купался, жарился на раскалённой палубе, ловил красивых, отливавших изумрудами и перламутром рыбок, совсем не подозревавших о каком-то там конце света, катался по живописным окрестностям на небольшой шлюпке, прогуливался по обезлюдевшему парку... Вся его прошлая жизнь, словно недописанная или недочитанная книга на ветру, листалась перед ним...

А ещё он смотрел телевизор. Оставшаяся связь с реальным миром – это и был тот небольшой светящийся экран с единственной программой о подготовке марсианской экспедиции.

Вновь появилась она. Он заметил её на пирсе. На ней было простенькое голубое платьице, но так оно шло ей. Немногие женщины понимают, что действительно нравится мужчинам. Он тут же прыгнул в шлюпку...

Почти всё время, не занятое их отчаянной страстью, они невольно проводили у экрана.

– Ты хотела бы очутиться среди них? – спросил он её.

– Да! – он даже не успел договорить свой вопрос. Она прильнула к экрану. Он понял, что всеми своими мыслями она уже там, в космосе... на Марсе...

– Я чувствую, я знаю, что именно так начиналась когда-то наша Земля, – с уверенностью в голосе сказала она. – Без мужчин. Все басни про ребро – лишь вымысел древних “...” – и она сказала нехорошее слово.

– Очень может быть. Мне тоже почему-то кажется, что мужчины – совершенно другая космическая цивилизация, – сказал он. – Мы только сблизились, сроднились, поселившись на одной планете. И теперь не можем друг без друга.

– Мы можем, – отрезала она.

– Наверное, ты права. Как ни странно, я всегда считал, что связь лезбиянок чиста и равноправна. А мужчин между собой – грязна и порочна. Секс лезбиянок – стрельба по мишени холостыми патронами. Секс голубых – боевыми по помойке. Женщины – это космическая раса выше нас по уровню развития. Мы, в сущности, ваш обслуживающий персонал – телохранители, разведчики, добытчики, ходячие биологические лаборатории по адаптации к агрессивной внешней среде.

– Да, я хотела бы быть там, среди них. И могла бы. Но здесь у нас такая глушь... А мне так хотелось стать кем-нибудь, более интересным и значимым, чем уборщица, медсестра, завкорпусом или спортивным инструктором в санатории.

– Это не столь важно, какую функцию мы выполняем в нашей цивилизации. Главное, что она родилась, существует и борется за выживание. Каждый из нас необходим. Ты можешь сказать, какой камешек в пирамиде Хеопса лишний... или главный?

Она промолчала.

– Мне жаль только, что я оказался вне этой борьбы.

– Ты, наверное, и так много сделал для этой цивилизации.

Теперь промолчал он.

– Мы – камешки, уже отколовшиеся от пирамиды Хеопса, – вздохнула она.

Телевидение показывало работу космонавтов на орбите.

– Не верю я в этот проект, – он откинулся в кресле. – Такие грандиозные программы готовятся годами. За месяцы можно сделать только красивое шоу.

– Ты лжёшь. Мы спасаем самое лучшее, самое светлое на планете, вообще на свете. Это не какая-то там ваша военная программа со звёздными войнами. Это наши жизни. Моя душа тоже полетит вместе с ними...

Он не ответил. На её глазах навёртывались слёзы:

– Они начнут там совершенно другую жизнь. Главное женское начало будет торжествовать. Мужчины не понадобятся им тысячу лет. Новая цивилизация наверняка придумает, как вообще обойтись без них. Где появляются мужчины, там убивают, насилюют, поработают, там войны, обман, политика, торговля всем на свете: – жизнью, любовью, свободой, – всё самое гнусное в этом мире придумано ими для того, чтобы легче присваивать женщин.

Комментатор рассказывала о первых успехах экспедиции. Цветные кадры сменяли друг друга. Диктор сама изредка смахивала слёзы. Никто из простых людей, попадавших в поле телекамер, не мог оставаться равнодушным. В едином порыве человечество устремлялось в космос.

– У них получается... у них всё получится. Я так этого хочу, ты просто не понимаешь...

Она скрестила руки на груди, глубоко дышала. Он осознал, что в эти мгновения она горячо молилась, молилась по-своему, фокусируя всю свою энергию души туда, где шла эта настойчивая, упорная работа, где в настоящий момент вершилась судьба человечества.

Трансляция всё продолжалась. Космические сцены завораживали своей скупой медлительной значимостью. Настроение приподнятости, порыва очищения, светлой надежды постепенно захватило и его.

Они уже не могли предаваться безудержной страсти. Они ощутили себя посреди миллиардов лет космической истории, представили её себе сразу всю, в единстве далёких, разнесённых на ужасные расстояния и годы цивилизаций, чужих и непохожих, родных и одинаковых...

Глава 8

Рок

Гигантская комета уже была видна даже днём в виде яркого продолговатого пятна. От него тянулся размытый хвост с утолщением на конце – отметиной от удара астероида. Это – продукты взрыва, унесённые солнечным ветром. В голове пятна виднелось туманное сгущение – собственно сама Анастасия со своей атмосферой.

Ночью зрелище захватывало своей грандиозностью. Куда там Луне и звёздам! Свет от этой небесной люстры был настолько силён, что свободно можно было читать. Вокруг неё различались многочисленные блёстки – крупные осколки. Некоторые из них имели свои маленькие хвостики, что указывало на присутствие в них льда, других летучих веществ.

Вследствие движения осколков хвостики перепутывались. Всё это мерцало и переливалось в солнечных лучах.

Время от времени по небу “проползала” космическая экспедиция несколькими очень близко расположенными яркими звёздочками, окружёнными еле заметными пылинками.

Поражало сопоставление космических масштабов. Огромная на экранах телевизоров, словно летающий небоскрёб машина марсианского корабля-флагмана на небе выглядела всего лишь яркой звёздочкой, терявшейся среди мириад звёзд небосвода. А на гигантском расстоянии расплодилось и застыло перед броском необъятное космическое чудовище.

В реальности навстречу Земле с удесятирёрной скоростью несло сверкающее облако, превышавшее уже не только видимые, но и реальные размеры Солнца! Яркие звёзды просвечивали сквозь голову и хвост кометы, поэтому казалось, что они находятся гораздо ближе этого чудовища. Картина совершенно не укладывалась в сознании.

Нечто подобное по ощущению Сан Саныч видел в детстве в ночных кошмарах, когда у него поднималась температура.

Сейчас он представлял себе, что находится в большом планетарии и лектор, тыча указкой по небосводу, показывает разные чудеса мироздания. Вот скоро зажжётся свет, и сеанс окончится, но что-то заело в волшебном фонаре, и он никак не выключается.

В перерывах между репортажами крутили старые комедии. В них вклинивались официальные лица со своими сообщениями. Изредка передавали церковные службы различных конфессий.

Сан Саныч прошёлся по Москве. Какой был разительный контраст между нею и Парижем! Не было того шумного веселья, не бродили праздные парочки, не светились повсюду окна кабачков. Кроме центральных улиц кругом было мутно, пыльно, уныло. Группки людей, оживлённо обсуждавших последние подробности стартов, лишь немного скрашивали общую картину.

Сан Саныч пошёл дальше от проспектов. Здесь жизнь словно остановилась. Бесцельно бродили какие-то оборванные люди, много милиции, непонятно куда и зачем в разных направлениях ездили немытые обшарпанные машины. Бездомные собаки в репьях бросались им под самые колёса и лаяли вослед.

Большинство магазинов не работали. Только в некоторых продовольственных, которые обеспечивали продуктами питания, замечалось некое оживление в виде вновь появившихся очередей.

Светофоры перемигивались, но на них никто не обращал внимания. По полупустым улицам ветер носил пластиковые пакеты и клочки бумаги. Народ сидел по своим щелям.

По главным магистралям и Садовому кольцу ещё ходили редкие троллейбусы. Другого общественного транспорта, кроме милицейского и спецворонков, видно не было. Метро рабо-

тало. Поезда ходили непривычно редко. Дежурных почти не видно. Турникеты не работали. Да и кому в голову придёт сейчас брать или платить за что-то деньги?

Если б не оборонные предприятия да институты, в большом количестве находившиеся в Москве и работавшие на экспедицию, да не центральное правительство, город казался бы поражённым эпидемией или совсем вымершим. У всех, видимо, всего хватало до самого конца. Общая жизнь ещё поддерживалась телевидением. Поражали широко раскрытые детские глаза, наполненные немым вопросом.

Вечером Сан Саныч встретился со знакомым учёным, принимавшим участие в формировании банка генотипов земных животных. Тот скороговоркой поведал ему, что современная наука не позволяет взять с собой животных, даже мелких мышей, но в надежде на будущее решено послать половые клетки, законсервированные по специальной методике. Возможно, через какое-то время наука сможет вырастить из них живые организмы.

Конечно, сейчас было не до собачек и кошечек. Учёные и конструкторы бились за каждый миллиграмм, пытаясь запихнуть ещё что-нибудь с Земли. Но в последние дни приходилось с зубным скрежетом постоянно от чего-то отказываться. От земной цивилизации откалывались куски и кусочки, обречённые исчезнуть навсегда.

Вернувшись в гостиницу и завалившись на диван, Сан Саныч остро почувствовал, что он как специалист больше никому не нужен. Все его рекомендации уже даны, зашиты в бортовые программы и реализованы в металле, внесены в графики экспедиции. Так опустошённо и болезненно он не чувствовал себя никогда. Сердце сжалось.

Попытался утешить себя – он ведь сделал всё от него зависящее или почти всё. Его небольшой вклад, пусть на какую-то крупицу, но увеличил шанс цивилизации на выживание. Это успокаивало, а на душе всё равно скребли кошки.

Он позвонил в ЦУП и на обсерваторию. Всё шло своим чередом, работа продолжалась, все, кому положено, были на месте, на Анастасии и вокруг неё всё соответствовало прогнозу. Его поздравили с успешными стартами. Он ответил тем же.

Хотел, было, дать распоряжение о начале свёртывания работ, но подумал, что его сотрудников теперь и насильно не оторвёшь от Анастасии.

От общения со своими стало полегче, а хмарь на душе не рассеивалась. Огромная машина цивилизации барахталась, тянула за спасительную соломинку. Он был угольком, который сгорел в её топке, отдав частицу своего тепла. И то было утешение.

Полегчало. Глаза слипались. Перед взором поплыли неясные видения.

Много раз мысленно Сан Саныч до мелочей представлял себе все действия экспедиции. Он стартовал к Марсу, наблюдал взрыв Земли, томился в пустоте пространства, высаживался на Марс и осваивал его. Вот и сейчас ему причудилось, что он находится под большим куполом. Сверху льётся неясный свет. Дышать ему тяжело. Рядом, в грунте, засыпанный по самую макушку шевелится комбайн, ходят какие-то дети с лопатками. Не то лепят кулички, не то роют червяков. Женщины в скафандрах... тёмные длинные туннели... яркое Солнце... темно-фиолетовый небосвод. За пластиком купола – буря, волны песка... И тут ему чудится, что это уже не волны, а какие-то бугорки, похожие на могилы.

“Фу, какая гадость!” – очнулся он, стряхнув с себя дурное наваждение.

Его слух сразу привлёк изменившийся тон теледикторши. Она быстро тараторила. Сан Саныч только понял, что на одной из станций возникла нештатная ситуация и что-то там происходило. Затем он уловил обрывок фразы: “...неполадки в системе ориентации...” Через несколько мгновений на экране появилось изображение, передаваемое с американского корабля. Около длинной цепочки модулей, совсем рядом, волчком кувыркался транспортный корабль, запутываясь в каких-то шлангах и тросах. Тут Сан Саныч заметил, что на конце одного из тросов висела фигурка человека. Вот трос лопнул, и космонавт стал улетать в пространство. Из раскрытых створок корабля вылетали капсулы, ящики... Вот изображение трях-

нуло – ощутились удары от нескольких из них. Поплыли звёзды. Это медленно начала поворачиваться вся связка. Диктор перестала комментировать.

Сан Саныч и сам понимал, что происходит нечто ужасное. Большой ящик ударил по цилиндрическому корпусу соседнего отсека, мгновенно вспыхнул ярко-голубой факел. Это выходил воздух. Разгерметизация.

Заработали двигатели ориентации...

Сан Саныч бегом помчался в ЦУП и через несколько минут уже был там.

Одни суетились у пультов, что-то кричали в микрофоны, барабанили по клавишам. Другие застыли в оцепенении. Многие женщины громко рыдали. На одном из экранов в предсмертных судорогах корчились те, кто ещё только что были прекрасными девчонками.

Растеряв своё содержимое, грузовой корабль замедлил вращение и отплывал от связки. Ещё несколько мгновений на фоне треска и глухих ударов были слышны истошные переговоры космонавтов, сдавленные крики и хрипение.

Картинка прекратилась. Изображение перестало поступать, но телеметрия шла. Здесь за пультами и там в космосе люди продолжали борьбу.

Сан Санычу было ясно, это – конец. Экспедиция не имела запаса прочности. Там было только самое необходимое, без чего практически нельзя было обойтись. Времени на ремонт не было, резервных кораблей – тоже.

Какая нелепая, и в то же время, закономерная случайность!

Нарушения в системах ориентации очень часто случались в космонавтике, но не было такой критической ситуации, спешки, такой скученности кораблей. В большинстве случаев как-то удавалось выйти из аварийной ситуации. А тут всё сплелось в один клубок...

К горлу Сан Саныча подступил ком, и он тихо зарыдал.

Появилось изображение из погибшего отсека. Среди кровавых ошмёток плавали изуродованные безжизненные тела. Сан Саныч не мог больше на это смотреть. Он выбежал из зала.

Уже почти не сдерживая рыданий, он как ребёнок брёл неизвестно куда. Слезы застилали глаза. Он уже ничего не видел вокруг, да уж больше ничего и не было. Провал. Пропать. Пустота.

“Какое потрясающе невыразимое горе... Это хуже смерти! – стучало в его мозгу. – Все мы – жалкие карлики, раздавленные призраком собственного величия, черви, подавившиеся дерьмом, крокодилы, сожравшие своих детей!”

Плечи его сотрясались, ноги не чували земли... Тут он заметил, что его взяли под руки двое в штатском.

* * *

Она просиживала перед телевизором часами. Капитан часто присоединялся к ней, и тогда они сидели обнявшись. Сейчас он уже спал каюте.

Его разбудил протяжный крик, словно стон смертельно раненой волчицы.

Он выскочил наверх. Она рыдала, то глухо стеноя, то отрывисто вскрикивая, то протяжно крича во весь голос. Он не пытался её утешать. Понял всё, оцепенел, застыл, слился с экраном.

Она тихо поднялась, закрывая лицо руками, сторбленная, сотрясаясь от рыданий, подошла к борту и бросилась вниз... Он не сразу догадался, что случилось, рванулся к релингам, отчаянно всматриваясь в тёмную воду. Она не выныривала.

Капитан схватил подводный фонарь и ринулся в глубину.

Течение относило к берегу. Ему удалось ухватить её за волосы, вытолкнуть на поверхность. Она закашлялась, хватая воздух, колотя руками по воде. До берега было ближе. Бросив фонарь, он грёб что было сил. Вытащил её на камни.

Откашлявшись, она села, потупившись, не замечая никого вокруг. Он взял её за руку, хотел дотронуться до волос. Она неожиданно вскочила и с вырвавшимся плачем начала лихорадочно вскарабкиваться на скалу. Каждый выступ здесь был ей знаком. Её руки и ноги действовали автоматически. Капитан бросился за ней, в темноте ломая ногти, срывая куски кожи со ступней об острые камни. Она всё лезла вверх и вверх. Он звал её, карабкался изо всех сил, не обращал внимание на режущую боль. Расстояние медленно сокращалось... Вот уж метров семь... пять... Она выскочила на вершину и, не снижая скорости, ринулась с обрыва... Далеко внизу накатывались волны. Она летела, распластав руки, запрокинув голову вверх, к звёздам... Душа её уносилась ввысь...

Глава 9 В бункере

Встряхнувшись, Сан Саныч обнаружил, что его с обеих сторон поддерживают два дюжих молодца:

– В чём дело? Оставьте меня в покое!

– Спокойно, Александр Александрович Щербаков? Вас приглашают к Президенту. Машина ждёт, – услышал он в ответ.

Пришлось повиноваться. Сели в машину. Поехали.

Ощущение неясной скрытой опасности напоззло на него и заставило насторожиться.

Ехали неожиданно долго. Стёкла в машине были тёмные, и он быстро потерял ориентацию.

Наконец, приехали, явно спустившись куда-то вниз по наклонному пандусу, крутясь по спирали.

Машина остановилась, распахнулась дверца. Сан Саныч оказался в полутёмном подземелье. Из раскрытой навстречу толстой двери хлестал яркий свет. По обеим её сторонам стояли часовые в странной фиолетовой форме, которую он никогда не видел.

Прошли внутрь. Шли длинными коридорами. Прошли два шлюза. Повсюду велись отделочные работы, прокладывались кабели, устанавливалось оборудование. Сновали безликие люди в неприятного цвета фиолетовых комбинезонах, стояли стражники в форме такого же цвета, только с большим количеством непонятных нашивок.

Сан Саныч как будто попал в другой мир. Даже оружие у них было незнакомое – короткоствольные пистолет-пулемёты с глушителями.

Всё это сооружение показалось ему чудовищной подводной, точнее подземной лодкой.

Наконец пришли. В дверях замигала сигнализация. У Сан Саныча вежливо отобрали пистолет. Он про него совсем забыл. Вошли в кабинет через массивные, с виду дубовые двери.

Президент, которого Сан Саныч сразу узнал, выглядел гораздо старше, чем все привыкли его видеть по телевизору, более усталый и осунувшийся, но всё-таки энергичный. Он сидел за противоположным краем большого стола.

Кабинет был невысок, весь отделан деревом, с большим количеством встроенных шкафов, телеэкранов и приборов.

Вокруг Президента склонилось несколько человек. Их лица показались Сан Санычу знакомыми. Рассматривали пространный план не то помещений, не то конструкций.

Тут Сан Саныч заметил, что ровно посередине стола шла глухая стеклянная стена, так великолепно замаскированная освещением, что её было практически не видно. Президент поднял голову:

– А, наш дорогой астроном Щербаков!

– Так точно! – по-дурацки выпалил Сан Саныч, мысленно ругая себя за это.

Голос Президента, доносившийся, видимо, из скрытых репродукторов, звучал абсолютно естественно, как будто никакой стены не было.

– Присядьте. У нас к вам есть несколько вопросов.

Взгляды присутствующих сверлили Сан Саныча. Откинувшись на спинку кресла, Президент медленно формулировал фразу:

– Господин Щербаков, главный вопрос, который нас сейчас тревожит, да, – прервал он сам себя, – я выражаю сочувствие по поводу того, что случилось, это – ужасная трагедия. Но ничего не поделаешь, чему бывать, того не миновать. Итак, нас волнует вопрос...

“Это он о произошедшей катастрофе на орбите! – подумал Сан Саныч. – Каменный мужик!”

– Нас волнует вопрос, какова всё же картина катастрофы? Многих специалистов мы выслушали, но каждый говорит по-своему. Вы можете сделать резюме?

– Да.

– В какое точно место будет удар? Сохранится ли что-нибудь? Есть ли шанс кому-то где-то уцелеть и где?

– Мы только что закончили компьютерный фильм, иллюстрирующий уточнённый прогноз. Можно вызвать его на ваш компьютер и посмотреть.

– Сколько времени это займёт?

– Пару минут связаться и фильм на пятнадцать минут.

– Действуйте.

Сан Саныч бросился к компьютеру в нише стены.

– Только ответьте на такой вопрос, – продолжал Президент. – Кора будет раздроблена, но какие-то куски в плитах могут сохраниться целыми?

– В принципе, да, они будут как бы плавать в расплаве более плотной мантии, но, по видимому, зальются сверху менее плотной лавой.

С помощью оператора Сан Саныч связался с обсерваторией и запустил фильм. Все просмотрели его на едином дыхании, в реальном времени пережив этот апокалипсис. Потрясённые, несколько минут все сохраняли молчание.

Сан Саныч почувствовал свою слабину. Президент надеялся, что есть шанс выжить в осколке плиты, а Сан Санычу не удалось убедить его в обратном.

– Самое слабое место в наших расчётах, – осторожно продолжил Сан Саныч, – теория сверхмощных взрывов, не разработанная в той степени, в какой требуется. И недра Земли недостаточно изучены. Поэтому не исключаю, что наш прогноз окажется несколько суровее действительности. Но даже по самым оптимистичным прогнозам, в уцелевших подземных сооружениях придётся отсиживаться не годы, а столетия и даже тысячелетия, поскольку поверхность планеты и атмосфера будут непригодны для жизни вследствие...

Президент перебил его и задал неожиданный вопрос:

– Господин Щербаков, вы не жалуетсяе на своё здоровье?

– Нет, в последнее время... – удивился Сан Саныч.

– Ага... Ну что ж, спасибо.

Он обратился к одному из молодцов:

– Отведите его туда... и включите в список "Б". Поздравляю вас, господин Щербаков!

Сан Саныч не понял, к чему относятся поздравления. Какой-то подвох или насмешка? Какой список? Однако он молча пошёл за людьми.

Долго шли по коридорам и через шлюзы. Сан Санычу показалось, что идут они совсем не туда, откуда пришли:

– Куда меня ведут?

– Господин Щербаков, вам повезло. Вас внесут в список. Вы спасётесь.

– Но я этого не хочу!

– Таков приказ. Не нам решать. Вы же слышали, что сказал Президент? Тут всё организовано чётко...

Ноги Сан Саныча стали подкашиваться. Он понял, что мышеловка вот-вот захлопнется. Они направлялись в какой-то лабиринт, а дверь, откуда они пришли, оставалась уже сзади шагах в пятидесяти. Тут Сан Саныч остановился:

– Слушайте, мужики, а мой пистолет?

– Там не принято носить оружие.

– Отдайте мне мой пистолет, я же за него расписывался!

– Сдался вам этот пистолет. Вы у Президента. Он тут не нужен, поверьте нам.

Сан Саныч лихорадочно искал хоть какую-нибудь зацепку:

– Господа, я не могу, мне нужно срочно в ЦУП!

Он решительно направился к спасительной двери. Двое молодцов его остановили:

– Туда нельзя.

– Послушайте, кто меня может выпустить отсюда?

– Президент.

– Ведите меня к Президенту.

– Но вы же слышали, что он сказал.

– Быстро к Президенту. Немедленно, если хотите сносить свои головы! – начальственно закричал Сан Саныч.

Двое опешили и повели его обратным путём. Вошли в приёмную, где сдали оружие. Один из них полусепотом переговорил с секретарём. Секретарь с непроницаемым взглядом ответил:

– Президент уехал по шестой дороге.

Двое замялись, обращаясь к Сан Санычу:

– Президента... нет.

– Хорошо. Кто, кроме него может выпустить меня? Кому вы подчиняетесь?

– Начальнику охраны Президента.

– Кто вам даёт распоряжения?

– Он же и даёт.

– Ведите меня к нему!

Его с явной неохотой повели по коридорам мимо часовых, через шлюзы. Вошли в “предбанник”. За столом секретаря сидел “фиолетовый” военный. Один из молодцов что-то тихо сказал ему. Тот доложил по телефону:

– Тут астроном Щербаков бушует, требует его срочно принять.

Сан Саныч подошёл и, сбиваясь от волнения и негодования, добавил в трубку:

– По делу важной государственной важности...

– Хорошо. Он вас примет, – секретарь жестом пригласил всех, нажимая кнопку, открывающую тяжёлую дверь.

Вошли. За столом сидел плотно сбитый большой человек с маленькими сверлящими глазами. Около него с удивлённым видом стояли ещё двое.

– В чём дело, господин Щербаков? – поднял глаза начальник.

– Дело государственной важности, мы можем переговорить с глазу на глаз?

Начальник кивнул двоим молодцам, и они испарились, двое за ним остались.

– Говорите, это мои заместители.

– Прошу прощения, что не называю вас по имени-отчеству, вы же знаете, чем я занимаюсь, на мне сейчас поэтапная блокировка фотонного телескопа с неизученным ещё до конца лептонным генератором, могущем повлиять на ядерные заряды. Не сообразят ведь... Вы знаете, что там сейчас происходит, – скороговоркой тараторил Сан Саныч, – если будет спровоцирован подрыв, то в радиусе пятисот километров всё будет вызжено и парализовано. И я не знаю, чем всё это кончится, особенно для нас...

Сан Саныч “вешал лапшу на уши”, надеясь, что чиновники не до конца разбираются в тонкостях техники. Он вспомнил про магические листки, которые дал ему руководитель Программы, выхватил один из них и быстро написал распоряжение начальнику охраны немедленно доставить его в ЦУП.

Тот прочёл листок с выразительной подпечаткой о нейтрализации на месте. У него таких же и покруче, видимо, было полно.

– Вы можете связаться отсюда.

– Да. Но мы потеряем драгоценное время на поиски бегущих в суматохе сотрудников. Я повторяю, – Сан Саныч выпучил глаза и сделал страшное лицо, напрягая все свои актёрские

возможности, – если рванёт... Вы берёте на себя ответственность? Мы точно не останемся в живых... на своих постах...

Начальник обратился к одному из заместителей:

– Пригласите консультанта по экспедиции.

– Его шеф взял с собой, ответил тот.

Начальник недовольно насупил брови, застучал торцом карандаша по столу:

– Ладно... Поезжайте... только вас привезут сразу же обратно.

Магический напор Сан Саныча возымел действие. Начальник вызвал молодцов и дал им распоряжение.

В сопровождении уже пятерых Сан Саныч торопливо зашагал к выходу, для многозначительности беспрестанно чертыхаясь заумно-научными словами.

Дошли до заветной двери. За ней их уже ждала большая машина. Сан Саныча посадили на заднее сиденье меж двух молодцов.

Теперь он заметил, что по винтовому пандусу они проехали наверх ничуть не меньше километра. Выскочили из какой-то невзрачной подворотни, ехали улицами, ещё раз нырнули в длинную загибающуюся подворотню, выскочили на шоссе и оказались в ЦУПе.

“Да, маскировка на высоте!” – подумал Сан Саныч.

В сопровождении трёх человек он вошёл в ЦУП, на пропускном пункте кивнул на тех троих:

– Это со мной. Пропустите!

Здесь он был начальник, его знали все, от руководителя до уборщика. Ещё бы не знать человека, открывшего Анастасию, наделавшую столько...

Заметив это, трое молодцов несколько уменьшились в плечах, но, тем не менее, неотлучно следовали за ним.

Подчёркнуто деловой походкой он прошёл в пультовую. К нему подошёл сотрудник и не без удивления сказал:

– Сан Саныч, с зарядами и телескопом всё в порядке...

“Да, – промелькнула в голове мысль, – спецслужбы работают быстро!”

– А телескоп, телескоп в каком положении?

– Телескоп в другом транспортном отсеке. Он ещё не разгрузился. Там несколько пробоин, но он и был негерметичный.

– Чёрт побери, – выругался Сан Саныч. – Там же генератор!

И он незаметно подмигнул ничего не понимающему сотруднику.

– Там генератор! Надо его как-то заблокировать!

– Э... э... – промычал в ответ сотрудник, начинающий кое-что соображать под сверлящими взглядами молодцов, – сейчас... пойдём проконтролируем!

– Давайте, давайте и обязательно заблокируйте!

Сотрудник пятился, глядя на тех троих.

Это со мной, от Президента, – многозначительно проговорил Сан Саныч, делая необычайно серьёзную физиономию. Затем он стал проделывать на пульте ничего не значащие процедуры.

Большой экран по-прежнему показывал то внутренность повреждённого отсека, то суету вокруг станции. Трое молодцов уставились в него. Воробьи они были стреляные, но и их захватила эта драматическая картина.

Сан Саныч тем временем поднял телефонную трубку и позвонил в несколько отделов, отдав недоумевающим сотрудникам пустые распоряжения. Затем, краем глаза увидав, что те трое не могут оторваться от экрана, набрал номер начальника охраны, которого, естественно, тоже хорошо знал, и сообщил, что сейчас ему доставят важную записку.

Затем он вызвал одного из своих и, вручив ему волшебный листок, адресованный начальнику местной охраны, попросил немедленно отнести адресату. Сотрудник, видимо, уже знавший от других о более чем странном поведении Сан Саныча и о троих в штатском, тут же бросился исполнять.

На листке был приказ, любыми средствами и во что бы то ни стало задержать тех троих, возможно вооружённых людей, и передать в спецподразделение.

Сан Саныч рассчитывал, что даже если начальнику местной охраны и было отдано какое-либо распоряжение от начальника охраны Президента, оно сделано в устной форме. Письменный приказ международной силы сейчас действеннее.

Ещё несколько минут поимитировав кипучую деятельность, он многозначительно заявил, что можно ехать. Сопровождающие не сразу оторвались от экранов.

“Хорошо, что у нас есть такие ребята!” – ухмыльнулся Сан Саныч и ему стало легче в душе и теле.

Игра, однако, ещё не была закончена. В коридоре он подошёл к телефону и вызвал своего шофёра, попросив встретить у выхода:

– Я передам кое-какие поручения и материалы в обсерваторию, отвезите, пожалуйста, к самолёту. Я сейчас очень занят.

Трое молодцов не насторожились. Распоряжения на обсерваторию – это нормально. Они чувствовали свою полную силу и власть.

Пошли к выходу. Издалека Сан Саныч заметил, что кроме дежурного, на КПП как бы ни при чём разминаются ещё трое здоровенных парней. Сан Саныч быстро прошёл вперёд. Навстречу троице в штатском повернулись трое здоровяков. Из-за их плечей Сан Саныч сказал: “Ребята, отдохните немного”, – и пошел к выходу.

Позади завязалась оживлённая беседа. Навстречу в дверях появился шофёр:

– Сан Саныч...

– Быстро поехали отсюда. Идите за мной с самым важным видом и не оборачивайтесь!

Двое, поджидавших в большой машине отреагировали, только когда машина Сан Саныча сорвалась с места, и мгновенно пристроились сзади.

Сан Саныч указал путь к бункеру Президента, чтобы сбить с толку преследователей. Шмыгнули в первую подворотню.

– В конце затормозите, дальше без меня в третий поворот направо, отрывайтесь и – в ЦУП, – с этими словами Сан Саныч быстро черкнул приказ на бумажке, вручил шофёру эту индугенцию.

Чуть не попав в под колёса своей же машины, Сан Саныч лихо вывалился из неё, мгновенно спрятавшись за водосточную трубу. Был он и так не слишком толстый, а тут буквально просочился в щель между трубой и стеной. Через мгновение мимо пролетел автомобиль преследователей. Его машина уже сворачивала за угол. То, что в ней маячит лишь одна голова, осталось незамеченным.

Когда обе машины скрылись из виду, он не без труда высвободился из своего убежища и, потупив взор, пошёл по улице. На перекрёстке вскочил в подвернувшийся троллейбус и проехал остановку. Выскочив, пробежал по дворам, остановился в невзрачной закутке отдышаться.

Тут его затерзали сомнения, правильно ли он поступает, не подставляет ли он ни в чём не повинных людей?

Сан Саныч всегда был законопослушным гражданином, и вступать в противоречие с властью было страшно, вызывало у него гнетущий неясный ужас и озноб во всём теле. Но ужас несвободы был сильнее. Хоть у Президента и были чрезвычайные полномочия, но так с ним играть, как кот с мышью, захлопнув мышеловку... И самое главное, не вырваться никак... Если он действует по закону и всё в порядке, почему бы мне всё не объяснить. Если он нарушает

закон и превышает полномочия, я имею по конституции полное право защитить свою жизнь и свободу.

Немного успокоив себя мыслями о своей правоте, он двинулся дальше. Заметив пьяного в дешёвом пальтишке, подошёл к нему:

– Друг, мне моё пальто жмёт немного. Давай махнёмся, не глядя, а?

– А что... махнёмся! Я как раз к бабе иду, – выдавил пьяный и сделал очередной трудный шаг вдоль стены.

Поменялись. Сан Санычу досталась придачу замятая кепчонка. Теперь его трудно было узнать, он тронулся дальше, на ходу соображая, что делать.

“Можно по праву заставить меня рыть яму, – рассуждал он, – назначение которой я не понимаю, но не для этого же меня захватили. Заставить учёного вести научные работы, назначение которых он не понимает, либо нелепо, либо преступно.”

“Экспедиция погибла, её останки можно отправить на Марс только как памятник гибнущей цивилизации. Стране он больше не нужен, а Президенту зачем-то понадобился. Да ещё про здоровье спросил! Президент, видимо, не доверял учёным, надеялся выжить в своём бункере, а его использовать как консультанта до и после катастрофы. Ну что ж, по-своему он прав, действуя по гарантирующей стратегии, тем более что в его распоряжении все ресурсы государства... но не Сан Саныч. Тут речь не о выживании цивилизации, а о спасении узкой группы людей. Почему такая секретность и конспирация? А может, не Президент его ищет, а охранники, которые боятся нарушить приказ и впасть в немилость? А может... сам Президент уже не обладает властью? В любом случае, на самолёте мне уж больше не полететь. Надо идти на вокзал,” – так думал Сан Саныч, ковыляя по городу.

Не раз мимо проносились большие чёрные лимузины. Сан Саныч то шарахался в подворотни, то сгибался дряхлым старичком. Его ли искали или нет, во всяком случае, до Курского вокзала он добрался.

На вокзале царила полнейшая неразбериха. Бегали мальчишки. Сцепились какие-то бомжи и пьяные бабы. Их разнимала милиция. Бродили группы из спецподразделений с автоматами наперевес, старушки катили тележки с барахлом. Мусор кругом.

У выходов стояли корзины с хлебом. Все, кому не лень, брали его, тут же ели, бросая объедки на пол.

Поняв, что кассы вообще не работают, а у перрона стоит только пригородный поезд с разбитыми стёклами, пустой и холодный, Сан Саныч стал чесать в затылке:

“Да, с поездами сложности, – подумал он, – машину тем более не найти”.

На площади перед вокзалом стояло несколько автомобилей, но все они были или милицейские или спецподразделений.

Вышел с площади деловой походкой, чтобы не вызывать подозрений, почистил пальто. Сейчас он пожалел, что поменялся на эту дрянь. Но делать было нечего. Решил пойти к одной знакомой, с которой учился в институте, а затем некоторое время работал.

Дорога заняла больше часа. По пути он по-прежнему шарахался от машин. Два раза его пытались не то ограбить, не то просто побить какие-то люди, но быстро отвязывались, ленись за ним бежать.

Вошёл в нужный ему двор. Дома никого не оказалось. Весь подъезд вообще как будто вымер. Решил пойти к другому знакомому почти в самый центр. Идти надо было километра четыре.

Из маленького скверика с полومانскими деревьями выскочила шелудивая собачонка, стала отчаянно лаять и кусать его за пальто, не давала ступить ни шагу. Что она от него хотела? Не отвязывалась никак. В конце концов, Сан Санычу пришлось это пальто сбросить с себя. Находиться в нём всё равно было противно. Собака принялась рвать его зубами, мотать из стороны в сторону. Что же в нём было такое? Все прошлые собачьи беды?

Увидел, как какие-то люди вывешивают в окнах чёрные флаги. Оглянулся по сторонам. Чёрных флагов и лент было много. “Это по погибшей экспедиции, – подумал Сан Саныч. – Разве может быть сейчас траур горше этого?”

За углом он услышал доносившиеся крики, звон разбитого стекла, топот, свист. Стайка пацанов грабила магазин. Разбили большую витрину, заскочили внутрь, хватали какие-то шмотки, быстро переодевались на ходу и словно воробьи разлетались в стороны.

Через минуту подкатила машина с солдатами. Двое зашли внутрь, порылись, что-то попрытали по карманам, сели в машину и уехали.

Чем ближе к центру подходил Сан Саныч, тем больше ему на глаза попадались разграбленные магазины. Их никто не охранял. Изредка по магазинам шастали пожилые женщины. Пожилых женщин никто не трогал.

Неожиданно сверху послышался странный стрекочущий звук. Сан Саныч задрал голову. В золотистом вечернем небе низко над домами, чудом не запутываясь в антеннах и проводах, пролетел мотодельтаплан. Мотор его пару раз взревел и затих где-то рядом.

Разыскать его Сан Санычу не составило труда. Аппарат стоял на большом пятачке перед высоким памятником. Мотор его тихо работал, винт крутился. Его облепила стайка ребятишек. Лётчик отчаянно махал руками, безуспешно отгоняя мальцов от работающего винта.

Сан Саныч подошёл. Лётчиком оказалась девушка. Рядом стоял сухощавый парень, тоже в шлеме, с канистрой в руках, собираясь заливать горячее. Ребята наперебой просили покатасть. Сан Саныч хотел, было, достать магическую бумажку, но, устыдившись своих намерений, тронул лётчицу за плечо:

– Подвезите до Марса!

Та подняла удивлённые глаза:

– Ой, вы – Щербаков?

Сан Саныч молча кивнул.

– Переживаете случившееся?

– Да, милая девушка, переживаю. Больно за них, за всех нас. Всё, что случилось – закономерный финал.

– Да, – вздохнула девушка, – мне тоже почему-то казалось, что всё этим и кончится. Мы тут два года с аппаратом возились, с простой тележкой под зонтиком, а там такая махина и за такой срок!

– Вы правы, именно сроки сыграли роковую роль, но главное не в этом. Человечество давно обладало всеми возможностями, чтобы посылать подобные экспедиции, но не сделало этого заблаговременно. А не боитесь летать над городом – провода, вихри, милиция?

– Нет, мы уже привыкли. Интересно, красиво. Сейчас никто не гоняет. А что ещё остаётся?

Парень поддакнул и стал заливать горячее в бак, ногой отгоняя малышню, которая так и вилась вокруг, всё трогая, толкаясь.

– А можно ли на вашем аппарате долететь, скажем, до Крыма?

– Конечно, только горячки надо взять литров эдак сто двадцать на двадцать часов полёта.

– Поднимет столько?

– Если один пилот, поднимет.

– А хотели бы вы рассмотреть Анастасию в мощный телескоп и, вообще, встретить её у тёплого моря, полетать над горами?

– О чём вы говорите, конечно!

– Тогда летим. У вас есть ещё аппараты? Встречу и всё необходимое по высшему классу гарантирую!

– А вы умеете летать?

– Вы же меня подвезёте.

– Вы серьёзно?

– Абсолютно. Смерть, как хочется полететь! После провала экспедиции мы здесь никому не нужны. Пробраться бы к любимым горам, в свою обсерваторию, к тёплому морю... Рай в Крыму гарантирую. И мотоцикл тоже. Умеете водить?

– Ну! – было ответом.

– И нас, и нас возьмите, мы тоже хотим в море купаться, заголосили дети.

– Нет, ребята, – строго сказал Сан Саныч, там конечно тепло, но напоследок откуда-то приплыли кусачие акулы, кашалоты, осьминоги и медузы посмотреть на комету. В море и ступить-то сейчас опасно. А загорать можно и на Москве-реке. Сюда они не приплывут.

– Сюда они не приплывут, – подхватила маленькая девочка.

– Почему вы самолётом не летите? – спросил парень.

– Всё. Самолёты не летают, паровозы не ездят, корабли не плавают. Финита ля комедия!

– Тогда летим, – переглянувшись, решили парень с девушкой. – Нас Катей и Сашей звать. Возьмём ещё наш старый аппарат. Он здоровый. Свободно двоих попрёт и ещё горючки килограммов восемьдесят.

– Отлично!

– До Харькова дотянем, а там заправиться придётся.

– Сделаем!

– И через каждые два-три часа придётся садиться, чтобы заливать бак. Из канистр в воздухе не нальёшь! Ну что, айда готовиться?!

Все трое взгромоздились на аппарат и под рёв винта в сопровождении ватаги ребяташек лихо покатали по улице.

Глава 10

Трудное возвращение домой

Квартира ребят, вся заваленная горами металлических частей, канистрами, кусками ткани, мотками тросов, разнообразным инструментом, олицетворяла “рабочий порядок”.

– Вот это – второй аппарат, – сказала девушка, показав на загадочную конструкцию с пухленькими колёсиками. – Надо собрать крыло, натянуть чехол, мотор, редуктор и винт поставить – и можно лететь.

Подготовка заняла весь остаток дня до поздней ночи. Ребята соединяли трубочки, раскладывали огромный чехол крыла, в некоторых местах поставили заплатки. Сан Санычу нашли одежду – старую кожаную куртку, толстый свитер, ушанку вместо шлема и ветрозащитные штаны. Пока собирались, Сан Саныч, помогая как мог, рассказывал массу интересного про Анастасию, про космос и Землю. Когда под утро всё было готово, прилегли поспать на пару часов.

Подняла всех бойкая Екатерина. Стали таскать всё во двор. Из гаража выкатили вчерашнюю телегу. Часа два собирали крылья, мешали бензин с маслом и разливали его по канистрам и бакам. Наконец, когда солнце уже стало пригревать, два ревущих чудища, облепленные канистрами, покатали к стартовому пятачку. Там не было проводов над головой.

– Неужели это всё взлетит? – перекрывая рёв винтов, прокричал Сан Саныч.

– Взлетит! И ещё как полетит! – весело ответила Екатерина.

– А парашюты есть?

– Эта конструкция – сама парашют. Если откажет двигатель, она тихо спланирует и сядет.

Сан Саныч сидел высоко за спиной у Екатерины, сердце его лихорадочно билось. Взревел мотор. Аппарат лихо покотился и буквально через несколько секунд неожиданно быстро оказался в воздухе. Земля ускользнула из-под ног. Аппараты вынырнули над домами, набрали высоту метров двести, заложили крутой вираж и легли курсом на юг.

Ощущения были потрясающими. Движение почти не чувствовалось. Висели “как в парном молоке”. Небо расширилось до бесконечности. Солнце приблизилось. Внизу медленно продвигалась земля. Отлично всё видно, до мельчайших подробностей.

Снизу приветственно махала ребятня, прохожие задирали головы, машинки так и хотелось взять руками.

Через полчаса миновали южную границу Москвы и полетели вдоль Симферопольской трассы.

Такой красоты Сан Саныч не видел ещё никогда. На большом самолёте мгновения взлёта и посадки были скоротечными, а с большой высоты всего этого не разглядеть. Тут всё, как на макете, рядом. Можно было погладить рукой мягкую зелень деревьев, чиркнуть ногой по серебристой глади реки. Маленькие коровки рассыпаны по изумрудной зелени луга. Слышен неистовый лай зашедшейся собаки. Сверху всё казалось идиллической картиной.

Два часа полёта промелькнули как сказочный сон. Снизались. Стали выбирать место для посадки. Сверху поля и луга казались ровными как платок. С высоты десять метров это превратилось в пашню с лужами и буреломом. Луга были кочкастые, болотистые. Нашли ровный участок просёлка, лихо зашли на посадку и сели. Мягко попрыгав на ухабах, аппараты остановились.

Внизу было очень тепло. Сан Саныч в полёте от избытка чувств весь взмок и с радостью скинул куртку и шапку:

– Здорово! Сколько километров пролетели?

– Сотни полторы.

– Десять таких перелётов и мы дома.

– Меньше. Дальше садиться будем пореже. Бензин вырабатывается, лететь легче.

Следующий перелёт продолжался не менее трёх часов. Сели на мягкий травянистый луг. К вечеру на горизонте показался Харьков. Над Харьковом Сан Саныч задумался, не слишком ли он опрометчиво пообещал достать бензин? Сверху-то не видно, где он есть. Тут он вспомнил, что в Харькове есть свой аэродромчик недалеко от авиационного института.

Нашли без труда. Ещё издали заметили распластанные по земле крылья – сегодня здесь тоже летали. Приземлились без проблем.

К ним подошли удивлённые харьковчане. Ещё больше они удивились, когда в одном из прилетевших, обладателе ушанки, узнали Сан Саныча. Сразу предложили любые свои услуги.

Пока Сан Саныч проводил импровизированную пресс-конференцию, с заправкой было уже всё готово. После ужина в полевых условиях, устроенного гостеприимными хозяевами, снова взмыли в вечернее небо. Солнце уже приближалось к горизонту, но решили ещё лететь часа два. Однако в сумерках плохо видно неровности поверхности земли и часа через полтора пришлось сесть с посадочной фарой, предусмотрительно прикрученной опытной Екатериной.

Сан Саныч быстро развёл костёр и вызвался всю ночь сторожить лагерь от случайных гостей, пока пилоты отдыхают. Те рухнули в свои кресла и заснули мертвецким сном.

Утренняя прохлада заставила всех подняться и быстренько взлететь.

Автотрассу Сан Саныч знал как свои пять пальцев – часто ездил по ней между Москвой и Крымом. Он помнил и узнавал мельчайшие ориентиры, даже знакомые выбоины, поэтому оказался прекрасным штурманом.

Около Запорожья под ними начала расстилаться поразительной красоты местность. Обширные водные просторы, покрытые деревеньками холмы. Даже с такой небольшой высоты мирской суеты не было заметно. Опрятные поля, мирно пасущиеся стада, чистенькие домики с цветниками вокруг, рыбаки на лодках возле камышовых зарослей. Всё как и прежде. Никаких перемен.

Только один раз, пролетая над фабричным посёлком возле трассы, они слышали автоматную стрельбу, разрывы гранат, крики людей. Внизу горели несколько домов. Шло какое-то сражение или наведение порядка. Они тут же набрали высоту. Их, к счастью, не заметили. На всякий случай, следовало соблюдать осторожность. Набрали высоту метров пятьсот. Теперь аппараты были уже малозаметны и практически неуязвимы для стрелкового оружия.

Прошли Сиваш, облетев слева контрольно-пропускной пост. Прекрасная синяя вода, белые соляные отмели, покрытые разноцветными яркими пятнами мелкой растительности, асфальтовая нитка пустынной трассы, обрамленная шеренгами деревьев и кустарников... Как красива была их планета!

Полёт на дельтаплане – это совсем не то, что в реактивном лайнере. Ощущаешь духовитый зной над пашней, сырую прохладу большой реки, аромат садов, терпкий запах полыни...

Своеобразный запах имел каждый маленький городок или ферма. Эти ощущения сменялись с калейдоскопической быстротой и разнообразием.

Долго шли над дорогой. Какая-то парочка в открытом автомобиле, заметив дельтаплан, устроила своеобразные гонки, то уносясь вперёд, то отставая.

Сели вблизи Симферополя на каменистом лугу.

Чем ближе был конечный пункт, тем острее нарастало беспокойство, правильно ли он поступил, что удрав из бункера, обманул и напряг людей?

Чаши весов его совести и разума колебались. Был особый период. У Президента – чрезвычайные полномочия, дающие возможность делать с людьми что угодно во имя общей цели. Да и у самого Сан Саныча тоже были огромные полномочия. И он мог делать с людьми что угодно. Сан Саныч ясно припомнил, что за исключением ухода от преследователей, он по работе всегда только увлекал людей идеей и никогда никого насильно не заставлял, а тем более не неволил под страхом оружия или заточения, хотя видел, как порой другие руководители

допускали прямое насилие. Он понимал, что это было необходимо в тех условиях. Но одобрять насилие по отношению к другим, оправдывая его великой целью, и не терпеть его в отношении себя – это, как говорится, две большие разницы.

“Наверно, это признак всех начальников!” – испугался за себя Сан Саныч.

Вновь вспомнил мрачный бункер, гнетущую безысходность, этих непробиваемых людей, слепо выполняющих приказы. Они высокопрофессионально посеяли в нём сковывающий страх. О каких там правах человека в бункере можно вообще говорить!?

Сработал инстинкт самосохранения и тяги к свободе. Он действовал, руководствуясь этим инстинктом и своим пониманием Права, вопреки воле Президента и его людей.

Последний перелёт занял не более получаса. С высоты птичьего полёта обсерватория выглядела белыми куличами, разбросанными по зелёной скатерти, накрытой посреди гор. Знакомая до мельчайших подробностей местность предстала в непривычной полноте вся и сразу, будто любимые Сан Санычем укромные уголки разом обнажили свои тайны. Вечерний горный воздух сгушался в ущельях. Он, учёный-астроном, всегда устремлявший свой взор далеко вверх, впервые смотрел в обратном направлении, с точки зрения звёзд.

Пошли на снижение. Как не хотелось заканчивать полёт! Надо было раньше заняться мотодельтапланом. Как он прост в управлении! Сан Саныч замечал, в воздухе Екатерина бросала перекладину, лазила по карманам, красила губы, поправляла одежду, просто смотрела по сторонам. А аппарат всё летел и летел себе по прямой, словно висел в воздухе на невидимых нитях. Рядом также неподвижно висел её парень.

Приземлились. Сняли шлемы и куртки. Тело мгновенно растворилось в благоухающем ласковом воздухе горного Крыма. Маленькие куличи превратились в огромные башни. Сан Санычу казалось, что из Гулливера, пропуская всё под своими ногами, он превратился в лилипута.

Подошёл один из работников и, удивленный, поздоровался с Сан Санычем:

– О, Сан Саныч, вы с неба?

– Да, прямо из Москвы с этими ребятами.

– На этих таратайках?

– Ну, что вы, прекрасные аппараты – взлетают с пяточка, бензина не требуют и даже вырабатывают! Лететь – одно удовольствие!

Сан Саныч обратился к сотруднику с просьбой устроить ребят в обсерваторскую гостиницу, выдать продовольствия вволю и бензин.

– Нет, нет, мы на улице – тут такая красота, а завтра к морю рванём, мы когда-то на соревнованиях в Планерском летали.

– Тогда сейчас мы вам устроим показательные выступления Анастасии со всеми фильмами, Николай Семёнович, отведите их, пожалуйста, к Евгению Борисовичу. А вам, ребята, я советую завтра через Ай-Петри лететь. На плато во многих местах можно сесть. Затем – в Ялту на центральный пирс в порту, потом так же – в Алушту, потом – в Рыбачье на стадион, в Судаче на дальней окраине у самого берега есть широкая площадка... А там и Планерское. Пока не прощаемся...

Сан Саныч поднялся к себе в кабинет. По дороге встречались редкие сотрудники, которые фактически здесь жили и работали не за страх, а за совесть.

Пока дошёл до кабинета, несколько раз пришлось принять соболезнования по поводу экспедиции. Распахнув дверь, он с разгону прошёл пару шагов и оказался в ловушке. У него были гости.

Отступать было уже поздно. По обе стороны стола сидели те самые двое, которых он водил за нос. С ними был ещё третий, видимо, старший. Был тут и начальник охраны обсерватории, и бывший директор, и ещё какой-то чин из местных.

Чин вежливо усадил Сан Саныча и вручил ему бумажку с сакраментальной подпечаткой, в которой предписывалось срочно доставить его по назначению.

“Да, – подумал Сан Саныч, – меня убили такой же бумажкой!”

На лицах присутствующих он не прочёл ни злобы, ни удивления. Видать, эти двое или теперь трое, никому ничего не рассказали.

Не подал виду и Сан Саныч, поведал вкратце о последних событиях и начал собирать свои вещички.

Позвонил в больницу. Врач его не обрадовал. Ни с того, ни с сего началось воспаление в месте перелома. То ли гипс холодный был, то ли ещё что... Заживёт. Через денёк-другой выпишем, мол. С ребёночком всё в порядке.

Затем Сан Саныч позвонил Женьке:

– Жень, привет, тут к тебе ребят приведут, ты им покажи покрасивее, не сочти за службу! Что там с Асей – не отдают?

– Понимаешь, она всё терпела, а у ней – воспаление надкостницы, руку разнесло. Колют вовсю. Это – несколько дней.

– Тут меня в Москву вызывают. Вы уж позаботьтесь о ней. Может, я и не вернусь...

– Да что с тобой? За экспедицию, что ли?

– Нет, в бункер Президента...

Он не успел договорить. Один из людей нажал кнопку отбоя:

– Не надо распространяться.

У Сан Саныча защемило сердце. Он болезненно остро почувствовал это страшное состояние несвободы и безысходности.

– Послушайте, господа! Приказ подписал начальник охраны Президента, он же не имеет таких полномочий – действовать от имени Международного Комитета и всего человечества! А что же сам Президент?

– Вы же слышали, что он сказал?!

– Объясните мне, зачем я нужен? На мне большой коллектив, мы ведём постоянные наблюдения...

– Гражданин Щербаков, мы выполняем приказ.

– Послушайте, вашу карту я могу бить своей картой. У меня есть такие же бумажки, и я могу написать вам приказ оставить меня в покое и убираться ко всем чертям! И вообще, я – гражданин суверенного государства!

– Гражданин Щербаков, не заставляйте нас применять силу. А с властями вашего государства, – человек в штатском особо выделил два этих слова, – всё согласовано.

Сотрудники молча переглядывались, не понимая, что происходит.

– Да, ребята, похоже, Президент или его начальник... охраны... хочет запихнуть меня в свой бункер. Он не верит нам, хочет спастись...

– Гражданин Щербаков, – грубо прервал его старший из троих, – хватит, поехали, машина ждёт.

– Ладно, я подчиняюсь силе.

Сан Саныч демонстративно сложил руки за спиной и направился к выходу. Старший пошёл впереди, двое молодцов – сзади.

“Почётный эскорт” прошествовал по коридорам к выходу. Сотрудники шарахались, тараща глаза. Сан Саныч сделал злую физиономию, надеясь, что его поймут. Один из молодых практикантов попытался загородить дорогу с требованием объяснить, в чём дело. Его грубо отстранили.

– Ребята, не надо здесь, видите, на их стороне сила! – громко, чтобы все услышали, произнёс Сан Саныч.

Сели в машину и поехали.

“Как я не заметил её сверху!? Конспираторы-профессионалы! А мои ребята наверняка сейчас соображают, что делать. Информации я выдал достаточно. Надо потянуть время”, – думал Сан Саныч.

– Послушайте, – обратился он к старшему, – остановите, пожалуйста, дайте помочиться напоследок.

– Вы что-то задумали? Не советую!

– Я сейчас прямо в салоне наделаю. Будете ехать с духами “Горная лаванда”.

Подействовало. Пара минут была отыграна.

“В какой аэропорт они меня везут? До трассы – минут пятнадцать. Дальше – либо направо, в Симферополь, либо налево – на военный аэродром. Лишь бы ребята догадались! А может, вообще – до ближайшего оврага?”

– Других специалистов, что ли нет? У меня жена в больнице... – заворчал, было, Сан Саныч и осёкся: нельзя выдавать лишнее!

– Нет у вас никакой жены! И вообще, хватит разговаривать! Мы вас доставим по месту назначения – и амба!

“Что это ещё за “амба” такая, – размышлял Сан Саныч. – Действительно ли это приказ Президента или просто они закусили удила? Борьтсья или смириться? Если второй раз он очутится в бункере, ему уже оттуда не выбраться. Почему ничего не объясняют? Нет, надо бороться! Сила против силы. Хитрость против хитрости. Воля против неволи!”

При этой мысли Сан Саныч почувствовал сильнейший прилив ярости. Он резко оттолкнул локтями сидящих рядом и что есть силы двумя ногами пнул водителя в спину. Тот на мгновение упустил управление, машину развернуло, и она заехала в кювет в колючий кустарник.

В одно мгновение ока Сан Саныча выволокли из машины.

– Ах ты..., – старший со всего размаху ударил его кулаком в живот.

У Сан Саныча перехватило дыхание, хотя он успел напрячься.

– Наденьте на него наручники. Поедет в салоне “люкс”, падла!

Его повалили на землю, сцепили руки сзади наручниками, открыли багажник, бросили туда. Крышка захлопнулась.

Несколько минут бравые молодцы, кряхтя и чертыхаясь, вытаскивали машину на дорогу. Но вот им это удалось.

“Ладно, – соображал Сан Саныч, – неловко получилось, грубо, но несколько минут отыграл. Ну ничего, я сейчас ещё что-нибудь придумаю!”

Он мгновенно сообразил, что в этих чёрных машинах водители – наездники. Не будут же они завинчивать крышки лючков доступа к датчику уровня топлива и бензозаборнику! Сейчас я им устрою...!

Ворочаясь, он сдвинул коврик, нащупал крышку. Она действительно держалась на одном болте! Но болт не поддавался – заржавел. Тогда он отогнул крышку, нащупал бензопровод.

“Ха, да тут ещё и резиновый шланг надет! У, халтурщики!” – он сдёрнул шланг, вырвал кусок и попытался пропихнуть его подальше, чтобы тот упал на дорогу, но бак был прижат к полу багажника.

Несколько томительных минут машина ещё ехала, но вот зачихала и остановилась. В салоне недоумённо переговаривались седоки.

Захлопали дверцы. Открыли капот, что-то там дёргали, чертыхаясь. Попробовали завести мотор. Он, было, схватил, но опять заглох.

Сан Саныч прикрыл крышку, расправил коврик и притаился. Минуты три молодцы, не стесняясь в выражениях, ходили вокруг машины, открывали горловину бензобака, проверяя, есть ли бензин, пока, в конце концов, один из них не допёр, что всему виной их пленник:

– Ах, падла учёная, что-то учудил! – с этими словами молодцы распахнули крышку багажника и увидели недоумевающее лицо Сан Саныча.

Минутная заминка.

“Сейчас будут бить!” – подумал тот, но несколько ошибся в прогнозе.

Из темноты вымахнул свет фар. Послышался приближающийся рокот мотоциклов. Шесть мотоциклов, резко затормозив, окружили машину. Молодцы выхватили пистолеты. Мотоциклисты сдёрнули автоматы. Немая сцена.

– Сан Саныч, вы здесь?

– Да, ребята, здесь, в салоне “люкс” в браслетах и синяках. Спасибо, что спасли.

– А это что за хмыри? – процедил парень сквозь забрало шлема.

– Из бункера Президента. У них приказ собрать каждой твари по паре в этот Ноев ковчег.

– Не советую стрелять, – наконец-то заговорил старший из троих, – пострадает, прежде всего, ваш друг.

Он кивнул подчинённым, и те наставили пистолеты на Сан Саныча.

– Послушайте, господа хорошие, – начал Сан Саныч, поднимаясь навстречу пистолетам, – либо предъявите достойные полномочия, либо я не гарантирую, что вас когда-нибудь отскребут от асфальта. Я хочу умереть свободным. Человек, который хочет умереть, не боится ничего, – тут Сан Саныч повёл игру: “Президент отчасти прав, он в своём подземном корабле возможно спасётся, и у вас есть шанс спастись, но только без меня. Вас же берут в бункер? Расскажите ему всё, а сейчас убирайтесь и больше не появляйтесь.”

– Пацаны, – зычно подхватил один из мотоциклистов, слегка приоткрыв забрало, – слышали, что сказал дядя?

Количественный и качественный перевес был на стороне мотоциклистов. Молодцы колебались. Воспользовавшись этим, мотоциклисты подхватили Сан Саныча, усадили на мотоцикл и умчались в темноту. Преследования не было.

Сан Саныч мысленно поставил себя на место этих троих и начальника охраны. Да, теперь, пожалуй, должны отстать.

– Ребята, куда мы едем?

– В одно укромное местечко. Вам денёк надо осмотреться. Знаете, Сан Саныч, почему мы помчались вас спасать? Анализируя задаваемые нам вопросы и прочую информацию, мы пришли к выводу, что готовится, как минимум, ещё один специальный космический корабль. На нём либо само руководство, либо ближайшее окружение собирается отсидеться в космосе или даже перехватить и “возглавить” марсианскую экспедицию. Это мы поняли за те дни, когда вас не было, стеснялись впрямую задать вопрос. Думали, вы – в курсе.

– Так вот почему я им потребовался! Они держали это в секрете, всё было законспирировано, я сутками торчал в ЦУПе и не усёк! Они распылили силы и тем самым способствовали провалу марсианской экспедиции. Это же – предательство интересов человечества!

Сан Саныч тяжело вздохнул.

Глава 11

Загадочный спутник Земли

Весь остаток ночи Сан Саныч отсиживался в лесном домике одного из сотрудников, наслаждаясь чистейшим горным воздухом. Не зря ведь обсерватория расположена именно здесь.

А наутро по радио он услышал официальное сообщение, что из-за недостаточно ответственного подхода и халатности ряда высокопоставленных лиц, марсианская экспедиция потерпела сокрушительный провал, и теперь, чтобы использовать высвободившиеся корабли для всеобщего блага, решено запустить в космическое пространство генеральный командный пункт, который будет следить за развитием событий и направлять спасательные работы. Космическая программа берётся теперь под жёсткий контроль самим Президентом. Таким образом, остатки марсианской экспедиции были переориентированы на выживание в космосе.

Ситуация резко изменилась. Сан Саныч вернулся на обсерваторию. Там разгорелась ожесточённая дискуссия о целесообразности этой затеи. Многим было очевидно, что и она обречена на провал. Пережить взрыв можно, но без ресурсов Марса – воды, углекислоты и защиты от губительной радиации – в открытом космосе не выжить за тот длительный период, пока планета не придёт в приемлемое состояние. Даже высадка на Луну не решит вопрос. От радиации закроются, но с другими гигантскими трудностями не справиться.

Взвесив обстоятельства, Сан Саныч подал прошение об отставке и тут же получил её. Бразды правления снова перешли к бывшему директору. Тот посоветовал Сан Санычу продолжить свою деятельность, хотя бы в качестве простого сотрудника. Разве дело в должности? Сан Саныч с облегчением на сердце и свойственной ему увлечённостью снова включился в работу.

Теперь чиновничество взялось за контроль и требовало обстоятельных докладов по поводу и без повода – сколько выявлено крупных осколков с указанием их размеров и количества, таблицы параметров траекторий и плотностей потоков мелких частиц, зоны метеорной опасности посуточно с разбиением вероятности поражения от 0,01 через каждую сотую и тому подобное.

Помимо основной работы, на сильно поредевший коллектив обсерватории навалилась гора отчётности, доклады каждые четыре часа, ежесуточные сводки и т. п. Но директор, опытный администратор, взял на себя работу с бумагой и езду по начальству.

В краткие часы отдыха Сан Саныч мчался домой и, как мог, с помощью Женьки и друзей пытался хоть немного отремонтировать дом – вычистили помещение, побелили кухню и одну комнату, вставили часть стёкол, притащили минимум мебели и белья, кое что из посуды. Главным украшением спальни стал чудо-мотоцикл.

И вот наступил день ехать за Асей. Сан Саныч поднялся рано, несмотря на усталость – почти не спал за последние дни. Навёл последний марафет в доме и на лужайке, надраил свой красавец-ЗИЛ, оделся как подобает, выпросил у соседней охапку цветов и поехал в больницу.

Тяжёлые события последних дней перемешали в нём все чувства и мысли. Он никак не мог стряхнуть с себя нервное напряжение, чтобы выкристаллизовать в душе своё всезахватывающее чувство к Асе, очистить его от скорлупы сует.

Чем ближе он подъезжал, тем сильнее ощущал непонятную дрожь в теле. Последний поворот. Невысокое здание больницы. Всё, кроме единственного окна словно исчезло в пустоте. Подпрыгивающая от радости и нетерпения фигурка. Искорки любимых глаз...

Сан Саныч выпорхнул из машины и, не доставая ногами земли, взлетел по лестнице на второй этаж. Несколько минут, а может, целую вечность для них двоих не существовало ничего вокруг.

Её руки обвивали его шею. Его руки ласкали её волосы, всё её трепетное тело...

– Мне было так одиноко здесь без тебя.

– Теперь мы всегда будем вместе, лапочка моя маленькая, цветочек мой аленький...

Прощание с единственным врачом больницы, медсёстрами, с Варенькой, было трогательным. Получив целую коробку медикаментов для домашнего лечения, он подхватил Асю на руки и бережно донёс до самой машины.

Заботливо усадил её на сиденье, долго держал её руки в своих ладонях. Их тела продолжали общаться сами через чуткие пальцы, подавая друг другу ласковые потайные сигналы.

Сначала он заехал в местный универмаг. Магазин был завален товарами и охранялся дружинниками. Тут шла интересная торговля. Нужно было только достаточно убедительно объяснить, что и зачем тебе нужно, и необходимая вещь отпускалась безо всяких денег.

Не успел Сан Саныч в двух словах пояснить ситуацию, как заведующая сама вызвалась подобрать всё, что необходимо. Неимоверную гору коробок и свёртков благодарный Сан Саныч еле дотащил до машины.

То же самое повторилось в гастрономе.

Ася радовалась всему с детской непосредственностью. Они то и дело, повинуясь волнам чувств, смыкались в объятьях. Уста искали уста.

Взяв его руку, она прижала её к себе:

– Чувствуешь, чувствуешь? Это наш ребёночек!

То, что испытывал в эти мгновения Сан Саныч, не поддаётся описанию.

Мощный ЗИЛ, тоже радуясь, окрылённый своими чувствами, человеку не понятными, словно скользил над асфальтом.

Внезапно дорогу им преградила необыкновенная процессия.

Нескончаемая вереница людей пересекала шоссе и по узкой, с редкими остатками покрытия старой дороге устремлялась вверх, к храму, возвышавшемуся над местностью на крутой скале.

Женщины всех возрастов, дети, старики... Звучал величественный церковный гимн. Выше виднелась плотная группа священнослужителей в расшитых золотом одеждах. Они благочинно несли хоругви, многочисленные зажжённые свечи и икону в цветах на белых рушниках. Это был крестный ход, торжественный и скорбный.

Сан Саныч и Ася вышли из машины и, держась за руки, наблюдали эту завораживающую картину. На них никто не обращал внимания.

Процессия продолжалась долго, а люди всё шли и шли, гипнотизируя своими одухотворёнными лицами и пением.

Мелодичный, волнующий сердце колокольный звон, многократно отражаясь от скал, разливался по всему побережью.

Пение тысяч людей сливалось с ним в едином хоре. Уже невозможно было разобрать ни слов, ни мелодии, но всё это производило неизгладимое потрясающее впечатление. Казалось, что пела вся земля, весь воздух, всё море. Величайший гимн, прокатываясь волнами, заполнил собой всё пространство.

Опускались сумерки, а люди всё шли и шли со свечами в руках. Площадка возле храма, и всё близлежащее пространство заполнялось массой поющих.

Неожиданно сгущающаяся темнота начала рассеиваться. На тёмно-малиновом небосводе с первыми редкими звёздами из-за горизонта, очерченного почти чёрными зубцами гор, начала появляться небесная Анастасия.

Уже через несколько минут её свет озарил предгорье и грандиозное шествие. Вдохновение людей нарастало, пение обрело новую силу. Теперь казалось, что звучит всё вокруг. Каждый камешек, каждая волна, каждый листочек исторгал свою ноту.

Млечный путь огоньками свечей процессии повторился на земле.

Сан Саныч нежно обнял Асю, спасая её от вечерней прохлады. Она прижалась к нему. Так стояли они, внемля, не смея стронуться с места или пошевелиться.

Таинственное величие происходящего глубоко западало в душу. Творилось что-то очень важное, соразмерное тем чувствам, которые испытывали влюблённые.

Последняя колонна людей пересекла дорогу, поднималась вверх, а они всё стояли и стояли, зачарованные действием.

Ася теснее прижалась к своему возлюбленному:

– Ты знаешь, никакого конца света не будет. Я это ясно чувствую, так же, как и то, что мы рядом...

Он крепче обнял её, как бы укрывая ото всех невзгод.

Людской хор, временами перекрывающий звон колокола, переместился вверх. Теперь звук лился оттуда, подобно водопаду нисходящей благодати, растекаясь вокруг, проникая в самые потайные уголки природы и мельчайшие поры души. Ему подпевали шум моря и баритоны горных вершин, аккомпанировали барабаны сердец и серебряный звон молодой Луны.

Сан Саныч смотрел на Луну, очарованный её светом. Но что это?! Глаза его изумлённо округлились. Рот хватал воздух. Наконец он смог прокричать:

– Луна!.. Луна повернулась!

Через несколько секунд Сан Саныч сгрёб ничего не понимающую Асю в машину, запрыгнул сам и рванул. ЗИЛ встал на дыбы и помчал. На немой Асин вопрос Сан Саныч понёс скороговоркой:

– Луна обращена к нам всегда одной и той же стороной, но сейчас она повернулась, показав небольшую часть поверхности, которая не может быть видна даже вследствие либраций – периодических покачиваний. Это означает, что она... что она сходит с орбиты?! Случилось что-то такое, перед чем пасует моё знание! Ущипни меня, я сплю!

Ася схватила его за плечо:

– Что с тобой, муж мой?

– Асенька, милая, произошло необъяснимое, величайшее событие, которое я когда-либо видел в жизни! Скорее в обсерваторию!

Могучий ЗИЛ вспарывал темноту мощным светом всех своих шести фар. Триста его лошадей гнали вперёд.

Вдруг Сан Саныч резко затормозил машину и выскочил на улицу, ловя взглядом загадочный спутник Земли:

– Точно! Повернулась! Сомнений быть не может. Это не сон и не гипноз!

Он снова бросился к машине и помчал её дальше.

Взволнованность Сан Саныча передалась и Асе. Выскочив из остановившегося с заносом ЗИЛа, они бегом бросились по лестнице и коридорам в ВЦ, к Евгению.

– Посмотрите на Луну! На Луну!.. – прокричал Сан Саныч с порога.

Сотрудники недоумённо переглянулись.

– Я – в здравом рассудке, Луна поворачивается! Быстро на малый телескоп!

Через несколько минут было совершенно точно установлено, что Луна сошла со своей орбиты, несколько удаляясь от Земли. Собственное её вращение не изменилось. Поэтому стала видна часть её поверхности, невидимая ранее с Земли.

Объяснений этому совершенно необычайному факту, не укладывающемуся ни в какие теории, не было!

Решили рассчитать новую орбиту. Математики взялись за дело.

Тут только Сан Саныч обратил внимание, что Ася стояла рядом и с неподдельным интересом следила за развитием событий, а несколько минут назад бегом мчалась вместе с ним, как будто никаких травм и не было. Он сказал ей об этом, и она удивилась сама, ощупывая места переломов и вывихов...

Не было даже и намёка на не зажившие ещё сегодня утром травмы! Мало того, исчезли даже метинки от многочисленных уколов!

Ася с широко раскрытыми от удивления глазами тронула его за волосы:

Саныч, да у тебя сединка пропала в волосах. Она мне так нравилась!

Он обнаружил, что следы кровоподтёка на его животе тоже исчезли.

– Это, наверное, результат того, что мы видели! – предположил он. – Психофизиологическое воздействие самовнушения, усиленного потрясающей эмоциональностью происходившего действия с массой народа – это я ещё могу как-то объяснить, но Луна...?!

– Давай, муж мой, теперь не удивляться ничему происходящему. За одним чудом следует другое! – глубокомысленно воскликнула Ася. – Я же чувствовала, что не будет никакого конца!

– Ты – моя богиня! – Сан Саныч обнял Асю и, целуя её, опустил на колени.

Подскочил Евгений:

– Прекратите близость! Тут... такое...! Луна начала сходить с орбиты за день до удара астероида!!! Помните, мы были на Азовском, дельфины волновались, собаки выли и прочее? Тогда вроде бы ничего не случилось.

– Я не удивлюсь, – предположил Сан Саныч, – если она подставит себя под удар!

– Нет! Она гораздо “умнее”! Она всего лишь тесно сблизится с кометой, отклоняя её немного в сторону.

– То, что Земля тоже немного развернётся и отклонится, усилит эффект!

– Точно! Получается, что никакого столкновения не будет! Анастасия просмолит мимо!

В другое время тут все бы закричали “Ура!”, но драматизм и необъяснимость происходящего...!

Нависшее молчание прервал Сан Саныч:

– Мужики! В космосе вокруг нас происходит какая-то титаническая борьба неизвестных сил, могущество которых в том, что они знают, какую песчинку надо стронуть, чтобы произошёл разрушительный обвал... Знание – сила! Поэтому – за работу! Давайте всё проверим и уточним. Свяжитесь с сейсмостанцией, пусть поднимут данные самописцев за тот день, хотя, конечно, такое низкочастотное колебание ускорения они вряд ли зафиксировали. Животные же почувствовали! Чёрт побери, астрономы всего мира тарасились на Анастасию, а главное пустили! Как и мы, впрочем... Проверьте, не откинула ли что-нибудь комета?

Работа закипела. Сан Саныч водил Асю за руку за собой. Ей, обновлённой, переживающей необыкновенный подъём, чрезвычайно интересно было следить за перипетиями судьбы своей небесной тётки.

Вскоре расчёты подтвердились и были уточнены. Сан Саныч отозвал Евгения в сторону:

– А ты знаешь, чем всё это пахнет?

– Конец света отменяется!

– Но не Армагеддон!

– Ты что хочешь сказать?

– То, что произойдёт вместо конца света, мало чем будет отличаться от глобальной ядерной войны и ещё покруче. Близкий пролёт огромного тела через полость Роша Земли! В бункера нам не попасть. В пещерах и катакомбах будет настоящий “Дум”, как в компьютерной игре на выживание. В машинах далеко не уедешь, да и много не взять с собой. Вообще, если в Чёрное море упадёт крупный осколок, произойдёт перемешивание слоёв и взрыв сероводорода!

– А что такое полость Роша? – спросила Ася.

– Грубо говоря, – пояснил Сан Саныч, – область, где пролетающая комета может быть разорвана гравитацией Земли.

Сан Саныч и Евгений помчались к директору. Он молча выслушал их скороговорку, и тотчас обратился к военным со спецсвязью, к счастью, они оказались на месте:

– Ну, солдаточки, браво, ребята, кончилась ваша спячка! Мгновенно соединяйте с Президентом! Дело чрезвычайной важности.

Соединили с приёмной. Дежурный секретарь ответил, что Президент выйти на связь не может. Тогда директор прокричал в трубку, чтобы секретарь оторвал зад и посмотрел на Луну. Луна сходит с орбиты и отклоняет комету! И со словами: “Не буду же я среди ночи звонить по пустякам!” – бросил трубку.

– Да, ребята, – в досаде обратился он к офицеру и солдатам, – проспим мы войну!

Тут встрепенулся и забеспокоился офицер. Директор вкратце объяснил ему, в чём дело, и прибавил ещё, наполовину в шутку, наполовину всерьёз, что лучшего момента для вероятного противника разделаться с нами “под шумок” нельзя и придумать. Тот мгновенно всё понял по своему и доложил по военным каналам. Через десять минут зазвонил телефон от Президента и директор, извинившись за доставленное беспокойство, доложил о последних наблюдениях и результатах расчётов.

Потом он вызвал начальника гражданской обороны и приказал ему “чесать репу” по своей части, хотя большинство сотрудников в ожидании конца света разъехалось по родственникам и гостям. Выяснилось, что обсерваторских запасов продовольствия, созданных для торжественной встречи конца света, теперь не хватит даже на пару человек, убежища в непригодном состоянии, нет запасов питьевой воды и многого прочего. Затем по телефону директор связался с местным начальством, но ничего, кроме невразумительных пререканий не было слышно.

Бросив в сердцах трубку, директор собрал всех сотрудников в кабинете: “Вот моё решение: попытаемся спрятать оборудование, возможно, им когда-нибудь воспользуются наши потомки. Здесь останется самый минимум людей. Всех, у кого есть какие-то возможности по спасению, прошу ими воспользоваться самостоятельно. Только хотя бы пару-тройку дней помогите с оборудованием. Обсерватория не должна превратиться в коллективную могилу, а надобность в ней появится очень скоро.”

Сан Саныч, Ася и Евгений сидели молча. До нынешнего момента было всё так ясно. Конец и всё тут. А теперь...

Оставалось десять дней до пролёта и на сутки-двое меньше до начала метеорной бомбардировки. А дальше... страшно было подумать.

– Постойте, ребята, кажется, есть один вариант! – встрепенулся Евгений.

– В космос на дельтапланах! – Сан Саныч сделал выразительное движение руками.

– Недалеко от вас у берега маячит большой катер. Владелец, какой-то загадочный мужик, мается в одиночестве. Надо с ним поговорить.

Друзья переглянулись, и все вместе помчались к катеру.

– Ребята, – сказал Сан Саныч, вписываясь в очередной поворот, – наши с вами жизни никогда ещё так не зависели от секунд, как теперь. Если мы немедленно не соберём всё необходимое и не подготовим отход, то объявят какое-нибудь там военное положение или что-то в этом роде – ни продуктов не достать будет, ни выйти в море. Мы будем обречены. Продуктов и прочего надо много – на два-три года, как минимум – килограммов этак по пятьсот на душу! Пока это можно сделать. Через день или даже через час – уже нет! Обсерваторские запасы трогать нельзя.

Подъехали к катеру. Он стоял на якорях недалеко от берега. Хозяин в плавках сидел в кресле на верхнем мостике и в сильную подзорную трубу разглядывал горы. Он сразу заметил интерес к себе. Конечно же он узнал ЗИЛ Сан Саныча.

Друзья быстро скинули одежду и бросились в воду, знаками привлекая его внимание. Подплыли. Попросили разрешения подняться на борт, быстро вскарабкались по спущенному трапику и очутились на палубе.

Хозяин вежливо приветствовал их:

– Это честь для меня, принимать на борту самого отца Анастасии и конца света со товарищи! Прошу располагаться...

Сан Саныч, поздоровавшись, вежливо прервал его и объяснил суть дела, особо указав, что дорога каждая минута.

Хозяин катера думал не больше десяти секунд:

– Я тоже обратил внимание на странный поворот Луны, но не было её карты, и я не мог проверить, заходит ли поворот за пределы либраций. Если б вы не пришли ко мне и не сообщили, я был бы обречён со своей посудиною. Я отлично могу себе представить, что тут будет твориться. Мой корабль – в вашем распоряжении. Готовиться начинаем немедленно. До Средиземки три-четыре дня хода.

Сан Саныч представил Асю и Евгения. Хозяин также назвал себя. Он тоже оказался учёным, только в технической области, кандидат наук, временно без работы.

Все четверо стали быстро прикидывать, что и где нужно достать, и через полчаса уже неслись по своим поручениям.

Капитан был один. Его команда, состоявшая из друзей и наёмного механика, как узнала о конце света, разъехалась по семьям. Он и сам, правда, отлично разбирался в системах корабля, имел диплом капитана-механика и прекрасно справлялся со всем хозяйством в одиночку. Его корабль стал ему домом до конца света.

Решено было собрать коллектив человек десять. Меньшим составом, по утверждению капитана, выжить трудно.

Через несколько часов ЗИЛ, “Москвич” и “Волга” Евгения, загруженные “выше крыши”, чиркая брюхом по неровностям, подкатили к катеру. Катер снялся с якорей и подошёл к пирсу. Началась спешная погрузка. Через полчаса машины помчались за новой порцией, а катер пошёл за соляжкой в ближайший порт. На его борту, кроме капитана, в помощь ему, находился Юрий, брат Евгения, инженер-строитель по образованию.

Подойдя к борту одного из разграбленных и частично сожжённых судов, и обнаружив в танках горючее, они перекачали всё, что осталось в свои баки, заполнив их наполовину. Со стоявшего по соседству военного корабля по радиации запросили, не нужно ли чего? Капитан ответил, что нужна соляжка и масло прокатиться с ветерком напоследок. За пол-ящика “Чёрного доктора” и кассету Утёсова корабль был запроважен “под завязку”. Две из трёх водяных цистерн тоже заполнили соляжкой, а оставшуюся – маслом для двигателей.

Потом капитан поднялся на военный корабль. Через пятнадцать минут он появился и, по-дружески прощаясь с единственным оставшимся вахтенным офицером, спустился на катер, таща тяжёлую сумку в руках.

Отчалили. На боевом корабле сыграли тревогу. Офицер с мостика прокричал в мегафон: “Спасибо! До встречи!”

Капитан помахал ему рукой.

В бухте стоянки три гружёные машины и два мотоциклиста уже ждали. Продукты и прочее удалось раздобыть в обмен на информацию о случившемся. Везде, откуда они уезжали, забитые грузом, поднималась суета.

За три ездки удалось привезти шесть тонн продовольствия и много других нужных вещей. Перегрузили всё это на корабль. Теперь Сан Саныч с Евгением возвращались в обсерваторию, а сбор необходимого и подготовка к выходу полным ходом продолжались под командованием капитана. Собирали всё, что могли.

Прошло около десяти часов. Весь Крым уже стоял на ушах, а никакого официального сообщения не было. К вечеру что-либо достать стало практически невозможным.

Сан Саныч и Женька занялись составлением прогноза, что будет твориться на Земле. Сан Саныч попросил также Евгения попытаться скопировать что-нибудь полезное для них из

подготовленной для марсианской экспедиции библиотеки знаний, на что Евгений с ехидной усмешкой ответил, что доступ к ней уже перекрыт. Наше только то, что осталось в голове.

Составив и обсудив прогноз, его тут же передали в центр. С этого момента об обсерватории как будто забыли. Никто не тормозил, никуда невозможно было ни дозвониться, ни достучаться. Военные свернули свои манатки и исчезли.

На дорогах и в посёлках царил невообразимая суматоха. Машины на предельных скоростях неслись не разбирая дороги, люди бегали с мешками и свёртками в руках, повсюду двигались колонны военных грузовиков в сопровождении танков и бронетранспортёров с расчехлёнными орудиями и пулемётами. Милиция исчезла. К вечеру начали погромыхивать отдельные выстрелы.

“Это похуже конца света,” – подумал Сан Саныч, доставая и заряжая свой верный автомат двенадцатого калибра. С ним он больше уж не расставался.

Обсерватория “зависла в вакууме”. Никаких распоряжений сверху. Никого из начальства. Компьютерная сеть заблокирована. Радиостанции либо молчали, либо несли какую-то чушь. Телевидение передавало “Лебединое озеро”. К вечеру по всем иностранным радиостанциям шёл только текст. Сан Саныч разобрал, что говорили о “конце конца света” и подготовке к пролёту кометы.

В девять вечера по радио передали заявление Президента, его указом вводилось военное положение. Всем военнослужащим предписывалось немедленно прибыть в распоряжение частей, а военнослужащим запаса – в военкоматы. Но было совершенно непонятно – с кем воевать? Мало того, Указ Президента возможно и соответствовал моменту, но не соответствовал Конституции. Но о какой оппозиции или обращении в Конституционный суд сейчас можно было говорить?

“Черт побери, – негодовал Сан Саныч, – как всегда, всё наперекосьяк. Неужели и на этот раз страну нельзя спасти в законном порядке?”

Указ, кроме всего прочего, рушил планы отплытия, поскольку все мужчины были офицерами запаса.

Сан Саныч и Женька с чувством решимости выполнить долг и дрожью в коленях позвонили в военкомат. Взмыленный военком скороговоркой сообщил, что мобилизуют строителей, связистов, медиков, водителей, танкистов, ПВО-шников, десантников, общевойсковиков, моряков и химзащиту, остальные, мол, пусть катятся пока к чертям и не мешают, а от себя посоветовал Сан Санычу зарыться поглубже и крест не забыть поставить.

Сан Саныч по военно-учётной специальности был баллистик, а Евгений – ракетчик баллистических ракет. Эти силы в последнее время были значительно сокращены, автоматизированы и находились в постоянной боеготовности. Так что приток людского пополнения был бессмысленным. Впрочем, известно также, что во всякой ситуации, приближенной к войне, лучше всего выживают именно военные, а не гражданское население. Так уж получается, цивилизацию в космосе должны были спасать женщины, а на Земле – мужчины!

Евгений со своими отправился домой, чтобы собрать всё, что может пригодиться, а Сан Саныч с Асей поехали на катер – помогать укладываться.

Сан Саныч быстро нашёл с капитаном общий язык. Тому тоже было за сорок. Вода – его хобби. В последнее время, имея специальность в военной области, он по болезни и благодаря обширным сокращениям остался не у дел. И не потому, что его сократили, а потому, что урезали ряд интересных и перспективных программ. Просто на подхвате за кусок хлеба он работать не мог. Почти за бесценок купил старый списанный военный катер и с большим трудом, преодолевая болезнь и безденежье, поставил его на ход.

Катер имел только бортовой номер. Капитан дал ему имя “Командор Визбор”. На вопрос, почему именно “Командор...”, он ответил, что Юрий Визбор сочинил наибольшее количество

песен про море, ветра, паруса и моряков и более всех других заслужил это звание. В каюте капитана в рамочке висела редкая фотография Визбора в военно-морской пилотке.

Физическая работа на свежем воздухе помогла существенно поправить здоровье и уйти с инвалидности. На остатки сбережений, продав машину и всё лишнее, он с друзьями снарядил экспедицию. Хотели пожариться на Средиземном море и, если получится, подзаработать за границей. Весть о конце света застала его у берегов Крыма.

Катер представлял собой небольшой морской сторожевик длиной тридцать метров и шесть шириной, острый как нож и красивый, какие строили после войны. Во флоте такие катера прозвали торпедоловами, поскольку одно из их предназначений – подбирать торпеды после стрельб. Катер имел в задней части широкую, слегка наклонную палубу и люк в корме для втаскивания торпед, а также трёхтонную кран-балку с электроприводом.

На нём стояли когда-то два двигателя общей мощностью более двух тысяч лошадиных сил. Он развивал скорость под сорок километров в час, но прокормить эти дизели и налоговую инспекцию было невозможно, и капитан поставил туда сначала один дешёвый бэушный дизель в шестьдесят с копейками сил на одну сторону, а потом и второй такой же, поновее, на другой борт. В результате катер с полным водоизмещением в девяносто тонн, имея прекрасные обводы и тщательно рассчитанные самим владельцем редукторы и винты, развивал максимальную скорость на тихой воде около десяти узлов – почти двадцать километров в час, что для воды совсем немало – бегом не угнаться. А запасов солянки на экономичном ходу – десяти тонн – хватило бы до Америки!

Корабль (а все военные суда имеют право называться кораблями) имел два вспомогача (дизель-генератора) – на двенадцать и сорок киловатт, а также запасную бензоэлектростанцию на два киловатта. Всего этого было достаточно, чтобы с высокой степенью надёжности “прокормить” кран-балку и якорные шпили (лебёдки), отопление и освещение, радиооборудование, плиту с духовкой, холодильник, водонагреватель с душем, пожарный и осушительные насосы и всякую корабельную мелочь – вентиляторы, электробритвы и прочее. Имелась также газовая плита с баллонами – капитан не любил шума на стоянках от тараторивших вспомогачей – и солнечная батарея для подзарядки аккумуляторов, дававших ток в ночное время. На катере было несколько радиостанций различного применения: речная, морская, портовая, аварийная, а также эхолот и действующий локатор, правда, давно устаревшей конструкции. Новые стоили слишком дорого. На верхнем мостике в специальных кильблоках покоилась небольшая шлюпка с парусом и подвесным мотором, а на задней палубе под брезентом стоял маленький плавающий вездеход Луцкого завода.

Помещений было не так уж много, судя по размерам корабля – три небольшие каюты, включая капитанскую побольше, два простенько отделанных приличных салона, камбуз, галюн, душ и две кладовые. Постов управления было два – наружный наверху и внутренний.

Нижний салон и одну кладовую забили продовольствием. Снаряжение и прочие вещи разложили по многочисленным рундукам и мелким отсекам по всему кораблю.

Сан Саныч сокрушался, что оружия было явно маловато – его два ружья, да Женькин пистолет. На это капитан саркастически ухмыльнулся:

– Таким оружием воевать на ядерной войне, да выживать в ядерной зиме!? Хм, впрочем, и оно, возможно, пригодится.

К двум часам ночи все так утомились, что Сан Саныч и Ася рухнули на койку в предоставленной им уютной каюте и заснули, обнявшись, мертвецким сном.

Наутро, освежившись купанием, ставшие уже друзьями, капитан, Сан Саныч и Ася уселись за стол в верхнем салоне завтракать.

Невдалеке послышался звук приближающегося катера. Капитан посмотрел в бинокль и насупил. Через пару минут катер подошёл достаточно близко, и можно было рассмотреть

сидевших в нём в нарочито вольных позах вооружённых людей в разнопёстрой одежде – камуфляжных штанах, тельниках и жилетах, ярких кроссовках и повязках на голове.

– Не нравится мне эта публика, – произнёс капитан, качая головой, – задраим двери и люки.

Через минуту катер ударился о борт и ошвартовался. На палубу вскарабкались человек восемь здоровенных качков, некоторые из них были небриты и пьяны. Страшно матерясь, они стали дёргать рукояти дверей, заглядывать в иллюминаторы, но стёкла были коричневато-дымчатые и на ярком свете разглядеть, что было внутри, не представлялось возможным. Один из них прикладом автомата выбил иллюминатор двери соседнего помещения и, просунув руку, пытался её открыть, но это ему не удавалось.

– Спустимся вниз, – скомандовал капитан.

В самом низу, в маленькой отгородке с приборным пультом капитан взял микрофон и по громкой связи через внешний колокольчик обратился к непрошеным гостям:

– Господа, прошу немедленно оставить корабль или предъявить санкции на арест или досмотр судна. В противном случае я буду действовать в соответствии с международным морским Правом.

– Поделись жратвой и девкой, сука! – услышали друзья в ответ через разбитый иллюминатор наверху, – вот мой мандат! – прогрохотала автоматная очередь, послышался звон разбитого стекла.

Топот, крики и дикий хохот наверху усилились.

– Ладно, – сказал капитан и, покрутив какую-то ручку на пульте, нажал оранжевую кнопку. Вспыхнула и погасла красная лампочка.

– Помогите мне очистить палубу, – скомандовал он и, прихватив маленькую чёрную сумку на ремешке, поднялся наверх по трапу.

Сан Саныч, не без удивления, взяв ружьё, последовал за ним. Тот спокойно распахнул дверь и вышел наружу. Сан Саныч выскочил вслед, готовый открыть бешеный огонь.

Но никакой стрельбы уже не требовалось. Вся палуба была усеяна телами нападавших. Даже рулевой катера у борта в неестественной позе обнял штурвал. Капитан снял эту картину маленькой телекамерой.

– На войне как на войне! – произнёс капитан. – Собрать трофейное оружие и снаряжение! Остальное – в катер.

Они собрали оружие, гранаты, сняли бронежилеты, португепи с подсумками и штык-ножами в ножнах. В катере нашли солидный запас спиртного и три гранатомёта “Муха”.

– Хорошо, что они сначала это не пустили в ход, – сказал капитан.

Бандитов сбросили в катер. Капитан что-то покрутил и выдернул в его моторном отсеке, запустил двигатель и, закрепив руль, включил ход, прыгнул на корабль и повис на леерах. Затем он ловко подтянулся и через секунду оказался на палубе.

Катер с рёвом удалялся в море, слегка уклоняясь в сторону. Через минуту на нём вспыхнуло пламя, а ещё через несколько секунд раздался сильный взрыв. Катер мгновенно пошёл на дно.

Сан Саныч и Ася были ошеломлены молниеносностью случившегося и сильно зауважали кэпа.

– Не слишком ли... жестоко? – осторожно начал Сан Саныч.

– Объявлено военное положение. Это – война. А на войне существует только один закон – оптимальная стратегия, отклонение от которой уменьшает ваш шанс на победу.

– Значит, победа любой ценой?

– Ничего подобного! Цена, в вашем понимании, на самом деле состоит из многих составляющих, они – тоже параметры оптимизации, а победить – это не только выжить. Давайте подсчитаем пополнение нашего арсенала.

Все трое стали разбирать и осматривать трофеи. Пополнение арсенала составило три новёхоньких армейских “Калаша”, один милицейский “коротыш”, одиннадцать рожков с патронами, шесть лимонок, четыре штык-ножа, семизарядное короткое ружьё “Ремингтон” двенадцатого калибра с подвижным цевьём, три пистолета Макарова, один ТТ, один пистолет Стечкина и три “Мухи”. Среди трофеев оказались три армейских бронежилета и один милицейский, с двумя пробоинами на спине.

– Если не возражаете, я возьму себе это, – сказал капитан, засовывая за пояс “тётю Стешу”.

Так у знатоков любовно прозывался пистолет Стечкина. Сан Саныч больше полагался на свой проверенный автомат, а Ася – на мотоцикл. В опытных руках он был и конь, и таран, и щит. Но “Макарова” всё же засунула за пояс.

Капитан разрешил Асе взять мотоцикл с собой, полагая, что несколько мотоциклов не отяготят корабля, зато повысят мобильность. У него самого на корме под пандусом стоял древний, но надёжный как наган, военный четырёхтактный немецкий БМВ Р-35.

Затем капитан связался по рации с пограничниками, наблюдательный пункт которых был в пределах прямой видимости на скалах (они господствовали над побережьем до самого Аюдага) и сообщил офицеру, что отбито нападение пиратов, противник, понеся потери, отступил.

Сан Саныч услышал, как из хрипящего динамика донеслось в ответ:

– Видели, видели! Что ты с ними сделал?

– Рассказал им слишком смешной анекдот. Они покатались со смеху, а рулевой – тот просто лопнул от хохота.

– Расскажи и нам!

– Я друзьям такие анекдоты не рассказываю!

Глава 12

Настоящий конец света

Сан Саныч на “Москвиче” поехал в обсерваторию, а Ася помчалась на ЗИЛе по аптекам в поисках нужных в дорогу лекарств и прочих мелочей. ЗИЛ как визитная карточка мог помочь.

Ещё капитан просил во что бы то ни стало раздобыть компьютер, а лучше два, и скопировать результаты прогнозов.

Весь день Сан Саныч занимался делами в обсерватории. Интенсивно работали над прогнозом, занимались демонтажом оборудования. Члены семей оставшихся сотрудников помогали оборудовать убежище, приспособляли подходящие подвалы и пещеры, разыскивали, таскали, возили и складывали продовольствие, медикаменты, тёплую одежду, горючее, инструменты. Прокладывали связь и электропитание, бились над созданием запасов питьевой воды.

Большие трудности ожидалось именно с пресной водой. В Крыму её вообще мало. А после метеоритной бомбёжки можно было ожидать обострения ситуации.

Весь взъерошенный, приехал директор. На его обсерваторской “Волге” не осталось ни одного целого стекла. Он пытался отыскать хоть какое-нибудь начальство и получить внятные указания по дальнейшим действиям. В Симферополе творилось невообразимое. Паника, беготня, грабежи, стрельба, пожары... Легковушки, нагруженные тюками и детьми вперемешку, напролом рвутся из города. Пробираясь через заторы, их давят тяжёло гружёные армейские грузовики, милиции не видно, военные несутся по своим делам, никакого внимания не обращающая на происходящее... На дорогах – колонны танков, патрули десантников никого никуда не пускают... Никого не нашёл, еле вернулся обратно!

– Давайте действовать самостоятельно, – предложил он. – Быстрее закончим прогноз и доложим, спрячем, что сможем, закончим убежища, разместим людей, хоть нас и осталось полтора человека... Чёрт побери! Должны же быть какие-то указания, распоряжения, инструкции, что делать, куда следовать. Я знаю, под Севастополем, Балаклавой, на Федюхиных Высотах, в Феодосии, Керчи и ещё в десятке мест есть многочисленные подземные бункера с продовольственными складами и озёрами воды, средствами защиты и прочим.

– Значит, мы не попали в надлежащий список! – саркастически усмехаясь, ответил Сан Саныч. – Мы сделали своё дело и больше не нужны. Многие годы на звёзды смотреть не придётся! Так, что ли?

– Похоже, вы правы, – с грустью согласился директор.

Прогноз в общих чертах вскоре был закончен. Картина вырисовывалась следующая. По необъяснимым причинам Луна сошла с орбиты, как будто всего на мизерную долю процента ослабла сила её взаимного притяжения с Землёй. Видимо, это изменение уловили забеспокоившиеся животные и птицы, но не приборы. Луна начала отходить именно в тот день, за сутки до столкновения астероида с кометой!

Сейчас она отклонилась от орбиты уже почти на одну двадцатую часть обычного расстояния. За счёт того, что период обращения вокруг Земли стал чуть-чуть больше, а собственное вращение Луны вокруг своей оси не изменилось, постепенно стала видна небольшая часть её поверхности, не видимая ранее с Земли, что и было замечено Сан Санычем. По прогнозам, в момент пролёта кометы Луна подойдёт к её траектории на такое близкое расстояние, что вследствие тесного сближения обоих небесных тел комета будет отклонена со своей орбиты и пройдёт в нескольких тысячах километров от поверхности Земли.

Помимо отклонения кометы притяжением Луны, сработали ещё два обстоятельства. Дело в том, что центр масс системы Земля – Луна находится неглубоко под поверхностью Земли со стороны Луны. Отход Луны замедлил вращение системы Земля – Луна и как бы “придержал” Землю в её движении навстречу комете. Плюс отлёт Луны вызвал соответствующую

щий, хотя и небольшой, отлёт Земли в противоположную сторону. Это тоже внесло свой вклад. Поражало, как точно и с минимальными затратами энергии был “произведён” манёвр.

Мало того! За счёт притяжения со стороны кометы Луна получала импульс, корректирующий её искажённую орбиту, приближая к круговой. В последствии, за счёт приливного торможения и постепенного снижения, Луна с течением времени снова вернётся на прежнее равновесное место!

“Поистине гениальна Природа, “приставившая” Луну к Земле, – восхищался Сан Саныч, – это идеальная система защиты! От небольшого “снаряда” можно закрыться Луной, а от большого – уклониться! Причём, уклониться и Земле, и Луне, совершенно независимо от того, с какой стороны “снаряд” подлетает!”

Хоть удар был отвращён, а земная цивилизация спасена, оставалось воздействие трёх факторов: облака осколков вокруг Анастасии, гигантской приливной волны, вследствие близкого пролёта этого огромного небесного тела, и скользящего гиперзвукового соприкосновения атмосфер.

Картина метеорного дождя, настоящего огненного ливня, практически не отличалась от старого прогноза в случае прямого попадания кометы, поскольку размеры облака осколков были огромны и Земля вместе с Луной проходили как раз через его центр. По уточнённым наблюдениям и расчётам, за двое суток на Землю упадёт около десяти тысяч осколков диаметром от нескольких метров до нескольких десятков метров, что равносильно такому же количеству атомных и водородных бомб. Никакие противоракетные обороны здесь не помогут. Это – не боеголовки, которые можно вывести из строя и они упадут как чугунные болванки, а огромные каменисто-ледяные глыбы, летящие, к тому же, со скоростями в семь раз большими. Сотни тысяч более мелких осколков диаметром больше метра, в большинстве случаев взорвутся в атмосфере, не достигнув поверхности планеты. К сожалению, данные наблюдений говорили – можно ожидать падения нескольких весьма крупных обломков диаметром от ста метров до полукилометра. Мощность их взрывов исчислялась уже не мегатоннами тротилового эквивалента, а десятками гигатонн. Диаметры кратеров от падения столь крупных тел могли составлять десятки километров! Будет проломлена земная кора, а излившаяся раскалённая лава затопит районы падений.

Можно было попытаться точно определить места падения всех крупных осколков, но они перемещались в облаке, а зоны поражения перекрывались, поэтому такие попытки имели мало смысла.

Приливные силы в момент пролёта Анастасии более чем в сто раз превышали приливные силы Луны из-за меньшего расстояния. Однако приливная волна в океане и в земной коре не будет в сто раз больше лунной – тесное сближение продлится всего несколько минут. Всё равно, чудовищные волны на воде и в земной коре многократно обогнут планету, а области Австралии, а также частично Южной Африки и Южной Америки будут буквально перепажены титаническим гравитационным плугом. Океанская приливная волна уничтожит островную Океанию, накроет низменные области материков.

На Земле произойдёт резкое усиление тектонической и вулканической деятельности. Районы пролёта покроются густой сетью трещин, разломов и новоиспечённых вулканов. Повсюду проснутся старые вулканы.

Сан Саныча и Евгения особенно заинтересовало моделирование соприкосновения атмосфер. Две мощные газовые оболочки с огромной скоростью чиркнут друг о друга. В месте их контакта возникнет яркая и горячая плазменная зона площадью в сотни тысяч квадратных километров. Контакт будет сопровождаться чудовищным по силе грохотом и рёвом, убивающим наповал. Зародятся гигантские атмосферные вихри, невиданные по силе ураганы и смерчи. Около половины атмосферы Анастасии и часть поверхностного слоя льда будут “слизаны” Землёй.

Таким образом, в результате космического “свидания” с Анастасией на Земле будут уничтожены все наземные сооружения, вывалены и выжжены почти все леса и посадки. В атмосферу выбросится огромное количество сажи, пыли, водяного пара и углекислого газа, выгорит существенная часть кислорода, полностью разрушится озоновый слой. Солнечный свет практически не будет достигать поверхности. Уже через несколько дней столбик термометра повсеместно опустится ниже нулевой отметки.

В итоге получалась картина, во многом тождественная результату глобальной ядерной войны.

Подошёл директор:

– По-моему, вы не делом занимаетесь. Давно пора подумать о спасении. Посмотрите на небо. Метеорный дождь уже начинается!

– Это не осколки удара, а сопутствующие почти каждой комете метеорные частицы, растянутые вдоль орбиты, ответил увлечённый работой Сан Саныч.

– Хм, – ухмыльнулся бывший директор. – Это значит, мы уже на мушке! Я знаю о вашем предприятии с кораблём. Это – неплохая затея. А если серьёзно, запасов продовольствия и особенно воды у нас в убежище явно недостаточно. Нам бы очень хотелось видеть вас с Евгением Борисовичем среди нас, но, учитывая обстоятельства, вам лучше...

– Не продолжайте, мы всё понимаем. Нас удерживает только долг...

– Сан Саныч, Евгений Борисович, дорогие, вы исполнили свой долг на триста процентов.

– Но мы...

– Вы обязаны подчиниться директору и начальнику гражданской обороны. На вашем корабле решено спасти часть оборудования и создать мобильный филиал обсерватории. Заберите малый и солнечный телескопы, большую часть оборудования всё равно не законсервировать и не спрятать, возьмите несколько настольных компьютеров, спектрограф, фотокамеры... да вы и сами прекрасно знаете, что нужно. И немедленно в путь! После пролёта хорошие специалисты будут подороже каких-то там телескопов. У вас есть шанс. Действуйте, действуйте, я пока подготовлю необходимые бумаги.

Сан Саныч и Женька переглянулись. Пожалуй, директор прав. Он – старый, опытный, хитрый и добрый мужик! Как всё здорово понял и устроил!

С огромным трудом через военных удалось-таки загнать прогноз в центр.

Сан Саныч пожалел, что не поехал на ЗИЛе. Малый телескоп в ящике не проходил в дверные проёмы “Москвича” и был слишком уж тяжёл для багажника на крыше: четыре центнера – не шутка. “Волга” Евгения была набита так, что волос просунуть нельзя. Других машин не было.

Время шло, надо было трогаться, темнело. Ходил Сан Саныч, ходил вокруг своего бедного “Москвичонка”, покачал головой, крикнул, схватил топор, да и вырубил ему крышу. Телескоп погрузили сверху.

Компьютеры, мониторы, дискеты и всё прочее необходимое пришлось распахивать по всей машине.

Грузить “Москвича” “в последний путь” помогала вся обсерватория. Прослезилась.

Попрощавшись со всеми, Сан Саныч напоследок подошел к директору:

– А оружие у вас есть?

– Пистолет!

– Сан Саныч вытащил свой верный автомат и протянул директору:

– Примите в подарок. Он спас мне жизнь – вот две зарубки, – и, нацарапав ножом на прикладе дарственную надпись, отдал ружьё.

Обнялись. На том и расстались.

Ехали уже в ночь. Оказалось, что введён комендантский час. Посты не пропускали. Помогли волшебный листок, хорошо подвешенный язык Женьки и имя троекратного откры-

вателя всех последних бед: Анастасии, конца света и “света в конце туннеля”, как уже окрестили новый поворот событий.

Корабль с зажжёнными огнями курсировал в полумиле от берега и после сигналов фарами подошёл к пирсу.

На погрузку оставшегося ушло несколько часов. Приняв груз, сразу же отошли от беспокойного берега, где вспыхивали далёкие перестрелки.

Весь остаток ночи мужчины корпели над картами. По многим соображениям решено было идти к островам Северные Спорады в Грецию, в северную часть Эгейского моря. Этот район отличался слабым вулканизмом. Кроме того, как район внутренний, он вряд ли стал бы ареной междоусобиц Греции и Турции.

При благоприятных условиях надеялись достичь места назначения за восемьдесят часов хода. Запаса времени почти не оставалось. Решено было сниматься, как только все будут в сборе.

Ждали Юру с женой. Они вот-вот должны были подъехать.

Наконец, бело-голубой фургончик подкатил к пирсу. Быстро подошли и начали перегрузку всяческого спортивно-туристского инвентаря: лыжного снаряжения, палаток, тёплых вещей, резиновой лодки, нескольких подвесных моторов и прочего. Юра взахлёб рассказывал о последних событиях на берегу: смута, волнения, перестрелки.

Когда работы были почти закончены, какая-то подсознательная волна подтолкнула Сан Саныча к ЗИЛу. Около водительской дверцы лицом к лицу он столкнулся с Асей. Несколько мгновений они смотрели друг другу в глаза и всё поняли без слов.

Тараня воздух и визжа покрышками, ЗИЛ помчался по пустынной дороге. Пришлось сходу разметать в стороны несколько наспех сложенных баррикад из всякого хлама и полубогоревших автомобилей. Людей почти не было видно.

Подлетели к больнице, непривычно смотрящей пустыми глазницами окон. Больница была разграблена. Обшарили помещения. Никого.

– Тут наверняка имеются подвалы, – предположил Сан Саныч.

Стали искать вход и скоро нашли грубо взломанную тяжёлую дверь. Спустились вниз в темноту, держась за руки и находя дорогу на ощупь. Миновали несколько помещений. Вдруг спереди и сбоку забрезжил неясный свет. Ринулись туда.

В углу тускло освещённого помещения с зажжённой спиртовкой у ног, притаилась неясная фигурка.

– Я знала, я знала, вы придёте за мной, я звала вас... – услышали они знакомый слабый голосок.

Это была Варенька. Её тонкие ручки прижимали к груди большой пакет с сухарями.

* * *

На корабле все уже были в сборе. Экипаж состоял из одиннадцати человек: капитан, Сан Саныч с Асей, Анна Николаевна – Асина мама, Евгений с супругой Мариной, дочерью Еленой и её приятелем Андреем, Юра с супругой Зоей, а теперь и Варенька.

Капитан вёл по радио последние переговоры с пограничниками. Сан Саныч поинтересовался у Юры, удалось ли связаться с военкоматом. И вот что рассказал Юра. Вчера утром он отправился в военкомат, потому что имеет строительную военную специальность. Издали увидел чёрные клубы дыма и услышал звуки перестрелки. У военкомата шёл настоящий бой, однако, быстро стихший. Навстречу ему попались несколько мотоциклистов с автоматами за плечами. Один знакомый рокер и рассказал ему, что возмущённый народ разгромил военкомат. По его словам, большинство людей из прибывших к военкоматам погрузили в машины и увезли к потайным бункерам, там они занимались их обустройством, возили и складывали

продовольствие и прочее, а потом, когда какие-то люди на машинах заехали внутрь, их поставили охранять наглухо запертые входы. Это не понравилось их семьям. Разъярённые жёны потребовали у властей объяснений, но никого не смогли найти, кроме военкома, сославшегося на приказ. Такая, с их точки зрения, вопиющая несправедливость толкнула женщин на бурное проявление недовольства. По чьему-то необдуманному приказу спецвойска перегнули палку в попытке усмирить и рассеять женщин. Завязалась ожесточённая схватка. Вооружённые рокеры-дружинники и часть солдат вступились за народ. Спецподразделения были разогнаны, а военкоматы разгромлены. Посланные на подкрепление бронетранспортёры с десанниками были частично блокированы мотоциклистами на перевалах, частично остановлены баррикадами и засыпаны листовками. Инцидент не получил дальнейшего развития, поскольку все понимали, что пора прятаться по щелям, а не воевать сами с собой.

– Короче, – закончил Юра свой рассказ, – вернулся я ни с чем. Пока складывались, на улицах почти никого не осталось, да и власть не пойми какая – на госучреждениях вывесили красные флаги... Ночью из-за стрельбы побоялись ехать.

– Власть у того, у кого бункера и продовольствие. И потом, никогда не надо спешить выполнять незаконные указы, – подключился к разговору капитан. – Последний указ о введении военного положения не имеет силы – не утверждён парламентом. Другое дело, совершенно правильно, что войска повсеместно приведены в состояние полной боевой готовности. Судя по радиосообщениям, кое-где уже началось!

– Что началось? – недоумённо воскликнул Сан Саныч.

– Боевые действия! – ответил капитан. – По обрывкам радиопередач, японцы, например, понимающие всю опасность своего островного положения на разломе, ринулись на материк. Израильтяне, в страхе быть смытыми волнами от падений крупных тел, устремились на арабские территории. Совершенно естественно, правительства стран ждут вспышки ядерного терроризма. Америка все последние годы кричала об утечках расщепляющихся материалов из России, а сама представляла из себя дырявый сарай с подкупленными сторожами, допустив “утечки” на сотни ядерных зарядов. Вот теперь они вернутся ей на голову вперемешку с небесными гостинцами! Конечно, с народами, попавшими в критические условия, надо поделиться территорией, но разбираться, от чего какая воронка и откуда прилетел “камень”, придётся. По моему разумению, под чьи-то удары могут попасть крымские нефтяные поля, Донузлав, Севастополь, Балаклава и ещё несколько объектов. И не нужно напрягать ПВО, эти заряды наверняка уже привезены к местам назначения среди незамысловатых пожитков в ржавых малолитражках беженцев. Прощай, бедный и милый Крым!

Тут только все заметили, что корабль уже набрал ход и начал удаляться от берега. Он управлялся автопилотом по заданному капитаном курсу.

Люди высыпали на палубу. И пока дорогой сердцу каждого из них их родной берег не превратился в цепочку гор на горизонте, никто не проронил ни слова.

Доведётся ль свидеться вновь? Каким ты будешь тогда? Какими станем мы? Не сон ли всё, что происходит?

Глава 13

Небеса разверзлись

Корабль бодро продвигался вперёд. На море стоял почти штиль. Поднимавшееся солнце щедро изливало свои лучи. Босыми ногами стоять на раскалённой палубе было невозможно. Если б не встречный поток воздуха от хода корабля, всем бы пришлось укрыться на правом борту в тени ходовой рубки или попрятаться в нижние помещения.

Моноotonно и уверенно жужжали моторы, тянувшие свою нескончаемую песню на одной долгой ноте, песню, которая так радует слух настоящего моряка. Море ослепительно искрилось и пенилось за кормой. Ориентиры постепенно исчезли – и начало казаться, что корабль застыл в неподвижности.

Ароматный морской воздух наполнял лёгкие. Тревожные мысли о предстоящем постепенно отдалялись, хотелось только наслаждаться окружающей красотой, слушать и слушать шипение разрезаемой носом зеленоватой воды, щуриться на солнечные блики, впитывать жар, распластавшись на палубе...

Все понимали, что эта благодать – последний, прощальный подарок щедрой и ласковой южной природы.

Незаметно пролетело время до самого вечера. Каждый думал о своём, наслаждаясь сиюминутностью бытия под гипнотическим воздействием новизны и необычности происходящего. Жизнь за последнее время круто менялась, неотвратимый конец сменился предстоящей долгой и изнурительной борьбой за жизнь, как будто кто-то, взвешивая извне на этот копошащийся в предсмертных конвульсиях мир, решил дать ему ещё один шанс, подвергнув тяжким испытаниям.

Капитан подозвал Сан Саныча и Евгения на пост управления и указал на странное поведение эхолота. Не доставая до дна – Чёрное море, как известно, глубокое море – он показывал несколько засвеченных эшелонов на глубинах до ста пятидесяти метров.

– По-моему, рыба косяками уходит из моря! – высказал он своё предположение.

Это скоро подтвердилось. Справа и слева от катера были замечены стаи дельфинов. Они не следовали как обычно рядом с судном, а на приличной скорости обгоняли его. Дельфинов было несметное количество. К удивлению всех, заметили двух небольших китов необычной окраски.

– По поведению в природе, – заметил Евгений, – дельфины стоят выше нас. Они наверняка почувствовали, что надо покинуть родные места.

– И заметьте, – добавил Сан Саныч, – как точно выбран момент, когда они направились сами и погнались стада рыб в соседнее море. Раньше – стада не догуляли б на своих подводных нивах и понесли б потери от скученности в Средиземноморье. Позже – затор в проливе и не успеть распределиться по всему новому пространству!

– Да, – вздохнул капитан, – мы искали другие цивилизации в космосе, а вот, совсем рядом, здесь на Земле, есть гораздо более древняя цивилизация, чем человеческая, более мудрая, а мы её высокомерно не замечаем!

– Мало того, мы только вредим ей. Хорошо, хоть додумались прекратить массовый вылов дельфинов и китов, – добавил Сан Саныч.

– Мы для них – пришельцы из другого мира, – ухмыльнулся Евгений. Хорошо, что дельфины не принялись в скафандрах и прочих штуках разведывать и покорять сушу, как мы космос!

– Им это не нужно. Кто мы и что у нас творится, они наверняка знают, проникнув в наше сознание, быть может... – задумчиво произнёс капитан.

Беседу прервали взволнованные женщины:

– У нас воды, оказывается, даже при экономном расходовании всего на несколько дней. Все баки, включая водяные, забиты соляжкой!

– Правильно! – ответил капитан. – Через неделю у нас будет куча льда и снега! Но даже из морской воды методом перегонки один литр соляжки даст не менее десяти литров пресной воды. Поэтому и надо было всё заполнить соляжкой, а не водой!

Если рыбы плыли к проливу, то птицы летели на юг. К вечеру многочисленные стаи пернатых покрыли небо. Клинами, стаями, парами и по одиночке, обгоняя друг друга, но, не пересекаясь и не мешая друг другу, в каком-то всеохватывающем самоустанавливаемом порядке, издавая прощальные крики, расчётливо экономя силы, птицы пересекали море. Эта воздушная армада наполнила всё вокруг совершенно необычным, волнующим и тревожным шумом.

К ночи нагнали растянувшуюся на десятки миль флотилию из сотен яхт и мелких катеров из Одессы, Николаева и Севастополя. Многие из них были нагружены по самый борт и даже навьючены сверху! Ветра не было. Шли под моторами, а некоторые помогали вёслами!

Эта картина грандиозного вселенского целеустремлённого движения волновала чувства.

Что побудило все эти существа: птиц, рыб и людей, – устремиться от мест постоянного обитания? Почему там, куда они стремятся, им будет лучше? Избегнут гибели от перемешивания глубинного сероводорода в Чёрном море? Достигнут мест, где холода наступят позднее и менее жестокие? А люди, от чего бегут люди? Не от себе ль подобных, более зубастых и локтястых?

Спать никто не хотел. Освещаемая небесной Анастасией картина вселенского бегства навевала скорбные чувства. Звёзды постоянно и неестественно мигали от тысяч пролетавших в тёмном небе птиц. Залитое мощным голубоватым светом море с мириадами яхтенных огней казалось картиной не из наших миров.

К полудню следующего дня как по цепочке по яхтенным слабеньким рациям распространилась весть, что пролив блокирован турецким военным флотом. Капитан нахмурился. Все заволновались.

Скоро появился турецкий берег. На подходах к проливу в боевом порядке стояли военные корабли. Между ними курсировали боевые катера и вспомогательные суда. На английском, турецком и русском языках постоянно передавали приказ либо стать на якорь, либо поворачивать обратно. Капитан попробовал связаться с властями, как это обычно делается, но кроме военных никто не отвечал, а те только повторяли приказ. Связавшись с ближайшим из больших кораблей, капитан попытался объяснить, куда и зачем направляется судно и что на его борту сам астроном Щербаков, открывший Анастасию. Не помогло.

Непредвиденная обстановка обрекала экспедицию на бессмысленную и верную гибель. Многочисленные яхты, собравшиеся со всего Чёрного моря, тоже были обречены. До начала метеорной бомбардировки оставались сутки. Ночное небо прошлой ночью уже заметно отличалось от обычных ночей количеством падающих звёзд.

Несколько яхт побыстрее предприняли попытку прорыва. Им наперерез двинулись два сторожевика, демонстративно крутившие орудийными башнями. Яхты были задержаны и возвращены.

Тем временем, собралось уже не менее четырёхсот яхт и мелких катеров. Их капитаны по рациям пытались договориться между собой пойти на прорыв всем сразу. Но с военных кораблей стали передавать, что получен приказ применить оружие. В знак решимости, военные корабли направили на флотилию мелкую автоматическую ствольную артиллерию.

Вдалеке показалась эскадра военных кораблей. Капитан в подзорную трубу пытался рассмотреть, чьи корабли. Он включил все имеющиеся радиостанции на прослушивание. Не готовится ли какое сражение?

Через час стало ясно, что приближающаяся эскадра состоит из натовских и украинских кораблей.

Корабли, не снижая хода, тесным строем влетели в пролив. Капитан насчитал около сотни крейсеров, эсминцев, подводных лодок, а также более трёхсот судов помельче. Замыкали шествие танкеры в сопровождении эсминцев. Над всей этой армадой беспрестанно летали вертолёты и истребители.

Эскадра скрылась в проливе. Все надеялись, что хоть теперь пропустят. Но турки были непреклонны.

– Опасаются террористических актов. Возможно, сами нечто подобное где-то готовят. А на судьбу нескольких сотен иностранцев-голодранцев им, естественно, наплевать, – заключил капитан. – Посмотрим, как они себя поведут, когда начнётся?!

– Проверили бы, да пропустили! – досадовал Юра.

– Таковую прорву лодок и за неделю не проверишь, – возразил капитан. – Да будь все эти яхты хоть чем-нибудь серьёзным вооружены, всему турецкому флоту давно пришёл бы конец. Битва муравьёв и гусениц! Если уж НАТО драпануло из Чёрного моря, я б пригнал сюда пару крейсеров с сопровождением, чтобы блокировать пролив с другой стороны, а также предотвратить возможные удары с этой.

И точно, через пару часов появились российские корабли и на почтенном расстоянии заняли позиции.

Уловив ситуацию, все мелкие яхты и катерочки ринулись в пролив. Воздух наполнился оглушительным надрывным зудением моторов и моторчиков. По началу на турецких военных кораблях явно растерялись. Капитан дал полный вперёд. Но наперерез катеру бросился большой сторожевик, не обращая внимания на попадавшиеся на курсе мелкие яхты. Две из них рассыпались в щепки под его форштевнем. Сторожевик дал залп из автоматической пушки по ходу катера, что означало последнее предупреждение. Капитан застопорил машины.

– Ну что ж, подождём, – входя в азарт, воскликнул капитан.

– Боятся они нашего “Командора”!

В другое время сторожевик высадил бы досмотровую группу или отэскортировал судно в какой-либо порт. Сейчас ничего подобного не произошло. Пронесясь на полной скорости мимо и разворачиваясь обратно, сторожевик не подал никаких дополнительных сигналов и команд. Пришлось стоять на месте.

Капитан приказал спустить шлюпку и на всех парах отправиться к обломкам яхт. Сан Саныч, Андрей и Юра налегли на вёсла и вскоре были на месте. Среди плавающих обломков удалось обнаружить только два разорванных в клочья спасжилета. Бешено вращающиеся винты сторожевика не пощадили никого.

Обратно возвращались ни с чем.

Неожиданно воздух над головой распорол надрывный свист как от пролетающего снаряда, раздался треск и шипение. Высоко в небе над самой головой повис чёрный след метеора и распутившийся цветок разлетающихся осколков от его взрыва. Все трое налегли на вёсла.

Капитан объявил боевую тревогу. Запустил вспомогачи, проверил работу оборудования. Все помогли ему снимать и прятать прожектора, ходовые огни, антенну локатора и ещё несколько каких-то устройств, закрепили всё, что на палубе. По его приказу мужчины приготовили автоматы и гранатомёты и заняли наблюдательные позиции внутри наглухо задранных помещений. Женщины спустились в самый низ. Капитан велел приготовить противогазы, аптечки скорой помощи, надеть штормовую одежду и спасжилеты. Началось.

Следующий метеорит со зловещим рёвом плюхнулся в воду и взорвался уже через сорок минут. Постепенно небо наполнилось яркими метеорами, заметными даже днём, они оставляли дымные следы, медленно размывавшиеся в атмосфере. Казалось, они вылетали из одной точки неба, почти совпадавшей с головой кометы.

Скоро небо сделалось серо-розовым. Метеорный дождь всё усиливался. Беззвучная картина только изредка нарушалась свистом и треском более крупных осколков. По радиостанциям пошли помехи.

Корабль весь гудел в напряжённом ожидании. Люди застыли на своих местах. Капитан перешёл на внутренний пост управления. Он ощущал прилив энергии как перед боем, его приподнятое настроение передалось всем, кроме Вареньки. Она вся тряслась, забившись в уголок каюты.

Вечерело. Нервозность обстановки увеличивалась. Метеорный дождь превратился в ливень, небо зажглось огромной люстрой. Постепенно в воздухе нарастал неясный шум, идущий откуда-то сверху. Птицы попрятались. Дельфинов не видно. Яхты ушли. Только громады боевых кораблей чернели в красноватом отблеске небесного фейерверка.

Капитан включил насосы на орошение. Корабль исчез под струями воды, бьющими со всех сторон. В иллюминаторы сквозь стекающие потоки почти невозможно было разглядеть, что творится вокруг.

Неожиданно на юго-востоке где-то за горизонтом со стороны Турции вспыхнуло ослепительное зарево. Капитан схватил шлем и тёмные очки и криком скомандовал:

– Всем вниз, задраить входы!

Взревели моторы. Налегая на штурвал, капитан разворачивал корабль носом на вспышку. Через несколько мгновений из-за горизонта появился молочный вздувающийся пузырь ударной волны, затем её фронт с огромной скоростью вырвался из-за гор, пробежал по морю и поглотил суда.

Оглушительный удар и рёв обрушились на корабль. Корпус его застонал и затрещал. Всех бросило на пол. Капитан что есть силы вцепился в штурвал, пытаясь удерживать корабль на курсе. Незакреплённые предметы летали по каютам как в невесомости. Люди, оглушённые, пытались подняться, но не могли понять, где верх, где низ.

Море ревели. Ничего вокруг не было видно. Брызги и водяная пыль наполнили рулевую рубку. Ещё через мгновение корабль чуть вильнул в сторону и страшно накренился. Упавшие на боковые стенки кают увидели в иллюминаторы чёрную бездну воды. Ветер хлестал корабль с ужасающим напором. Но вот корпус корабля медленно, словно преодолевая сопротивление неведомой силы, начал выпрямляться. Корабль вразвалочку закачался на волнах. Ветер мгновенно стих.

Звенело в ушах. Все звуки исказились и дребезжали. Даже собственный голос звучал глухо и неестественно. Капитан сильно постучал вниз. В помещение рулевой рубки выбрались Сан Саныч, Евгений и Юра. Капитан, натужась, неузнаваемым голосом попросил включить дозиметры. Уровень радиации в тысячи раз превысил фон, но быстро спадал.

– Это, пожалуй, посланец небесный. Всё равно вовремя включили орошение! – сказал он. – Надо заделать фанерой два разбитых иллюминатора в рубке. Остальные, броневые, к счастью, уцелели.

Выглянув через разбитый иллюминатор наружу, Сан Саныч заметил, что мелких боевых кораблей поубавилось, а большие корабли – словно облысели – ударной волной с них сдуло все антенны и прочие детали. Огромный крейсер, оказавшийся лагом к волне, быстро погружался в пучину, валясь на прорванный бок и корму.

Не успели друзья опомниться, как воздух прорезал страшный вой и по береговой части пролива ударил крупный метеорит. Яркая вспышка, разлетающиеся осколки зданий, грохот, сразу возник большой пожар...

– Это маленький, а тот был не меньше сотни килотонн! – наклонившись к друзьям, промычал капитан. – Пора идти на прорыв. Теперь этим воякам явно не до нас, но быть настороже!

Встали на курс в пролив. Шли, естественно, без огней. Никто больше не преследовал. Да и разобраться в этой каше, кто свой, кто чужой, было невозможно.

Вошли в пролив. По его берегам, особенно на левом – большие разрушения, пожары. Кое-где у причалов – полузатопленные суда. От одного из них расплывалось нефтяное пятно. На воде – пусто. Только многочисленные обломки покачивались на чёрных волнах в красных отблесках нарастающего метеорного дождя и пожаров на берегу.

Где-то сзади, со стороны моря, далеко-далеко за горизонтом вспыхнуло зарево.
– Одесса? Николаев? Или дальше? – в раздумьях вопрошал капитан.

Скоро, пожалуй, не было места на горизонте, которое в той или иной степени не было бы засвечено.

Корабль шёл полным ходом. Иллюминаторы закрыли фанерными кругами. Андрей заступил на роль “по сторонам смотрящего”. Через два часа хода засекали мощную вспышку слева, почти по курсу. Развернулись на вспышку. Новая ударная волна накрыла корабль.

Она была послабее, но продолжительнее первой. Зато уровень радиации вспышки был заметно выше.

– Неужели, это люди? – капитан покачал головой и попросил принести что-нибудь от радиации, анальгин, например.

В направлении вспышки показался гигантский светящийся огненный гриб, поднимающийся среди разгоняемых жаром облаков. До него было не менее двухсот – трёхсот километров.

Тем временем, постоянный неясный шум в воздухе перешёл в шипение, а затем в гул и погромыхивание, подобное отголоскам тысяч далёких гроз. Крупные метеоры прорезали небо, с яркими вспышками и глухими ударами обрушиваясь на землю.

Прошли пролив и вышли в Мраморное море. Берега раздвинулись. Наступало утро, но рассвет затягивался. Магнитные компаса не работали, вертелись, как им вздумается. По радио одни помехи. Приходилось ориентироваться по карте и береговой линии, которая тоже вскоре должна была исчезнуть.

От переизбытка впечатлений есть не хотелось, но всё равно позавтракали сухарями и горячим чаем. Бомбардировка только начиналась, а до относительно безопасных мест ещё идти и идти.

От ударных волн нарушилось орошение. Часть трубок хлестала за борт. Капитан оставил Андрея у штурвала, сам вышел наружу поправить отогнувшиеся трубки.

Пепельно-красное рассветное небо рычало, переливаясь пламенем постоянных всполохов.

Работа почти была закончена, как сзади корабля и немного слева далеко в небе вспыхнул и понёсся к земле разгорающийся огненный шар. Капитан бросился в рубку. Чудовищная вспышка взорвала небо. От корабля легла длинная тень. Капитан влетел в рубку, мгновенно вырубил левый движок и изо всех сил крутанул штурвал. Корабль дёрнулся влево, кренясь в противоположную сторону.

– Андрей! Задрай дверь и – вниз! Вот оно! Только бы успеть! – прокричал капитан. Штаны его дымились.

Корабль быстро, но как казалось, очень и очень медленно разворачивался на вспышку. Вот уже отработано девяносто градусов... сердце бешено колотится... жар вспышки немного слабее... ещё градусов тридцать... звон в голове, светящиеся червячки перед глазами... только бы не потерять сознание! Руль обратно... доворот по инерции... Вот он пузырь! Какой плотный...

Через мгновение корабль как щепка был вырван из воды и брошен назад. Его нос задрался почти вертикально. Оглушающего удара никто не слышал. Просто сразу исчезли все звуки...

Капитан пришёл в сознание через несколько секунд. Его отбросило в дальний угол рубки. Моторы работали, он чувствовал это по дрожанию корпуса, но освещение в помещениях

погасло. Бросился к штурвалу. Сквозь выбитые броневые стёкла переднего обзора и щели в обшивке виднелась чудовищная волна, захлестнувшая пролив, и теперь разливающаяся по Мраморному морю. Превозмогая боль во всём теле, капитан выровнял судно носом к волне и дал полный назад. Корабль затормозился. Но не успел он набрать задний ход, как огромная стена из белой пены высотой до неба накрыла его. Опять стоны и скрежет металла. Мгновенно наступила полная темнота. В отверстия хлынула вода.

По ушам ударило повышенное давление, слух отказал. Чудовищная дрожь властвовала кораблём. Это продолжалось бесконечность...

Но вот через пустые проёмы окон брызнул неясный свет. В рубке – по пояс воды. Корабль заваливается на бок... Капитан бросился к левой двери. Её заклинило. Тогда он нащупал люк в нижние помещения и рванул его что есть силы. Люк поддался. Вода хлынула внутрь. Мощным потоком его чуть не увлекло в образовавшуюся воронку. Но вода быстро ушла в нижние помещения. Корабль немного выровнялся. Снизу слышались крики и показались ошалевшие лица людей.

Капитан последним усилием остановил их, показав поднятый кверху большой палец, и рухнул без сознания.

Немалых усилий стоило привести его в чувство. Наверное, это был результат полученного импульса радиации, а затем чрезвычайного усилия воли. Он вообще должен был потерять сознание сразу после вспышки, как Андрей, скатившийся вниз уже без чувств.

Судно тем временем заполнялось водой. Включили систему осушения. Почти никакого эффекта. Хлестало из длинной трещины в машинном отделении и в нижних каютах из-под стланей. Руками нащупали места разрывов корпуса. Приходилось набирать воздух и опускать голову под воду. Иначе не достать. Большую трещину в машинном отделении законопатили промасленным ватником и прижали доской, оперев в неё багор, поставленный враспор между потолком и днищем. С трещинами в каютах пришлось повозиться. Плавали стлани и разные вещи. В темноте ничего не разобрать... Но часть трещин удалось-таки заткнуть.

Капитан переключил водяные контура двигателей на забор воды изнутри. С большим трудом завели пластырь под трещины на днище.

Всё это помогло, и скоро вода стала заметно убывать, а через час только сочилась сквозь брезент и ватник.

Общими силами восстановили освещение – сорвавшиеся со своих мест тяжёлые аккумуляторы замкнули сеть, кое-где произошли обрывы и замыкания.

Капитан и Андрей чувствовали себя неважно. Головная боль, тошнота. Налицо признаки лучевой болезни. Дали им вина “Каберне” по бутылке каждому и мочегонного. Уложили на койки. Евгений встал к штурвалу. Остальные занялись ликвидацией последствий удара стихии, возможно, не последнего. Капитан наказал следить за направлением на Чёрное море. Сероводород, мол...

За ночь со всеми происшествиями от входа в пролив Босфор удалились всего лишь на сто километров.

Часть фальшборта на носу была смята, выбиты лобовые и боковые стёкла в надстройке. Некоторые листы палубы деформировались. Передняя стенка рулевой рубки во многих местах была помята и прорвана. Но, в общем, корабль держался на плаву и упорно шёл по курсу, на пару узлов сбавив ход из-за заведённого на тросах пластыря.

От шлюпки на палубе остался только кусок цепочки. Мотоциклы под пандусом на корме были смяты в кучу, но более-менее сохранились. Плавающий вездеход был слегка покорёжен, все стекляшки выбиты, брезент сорван.

Около полудня Сан Саныч заметил на северо-востоке зарницы всполохов, как от грозы, но гораздо длительнее. Он обратил внимание Евгения, и оба стали обсуждать, как может развиваться перемешивание сероводорода и его взрыв, чем это может грозить. Ведь последний круп-

ный осколок угодил куда-то недалеко в самое море. Его взрыв был не менее десятка мегатонн по мощности в тротиловом эквиваленте. Засекли ещё несколько вспышек в том же направлении. Минут через пятнадцать почувствовали отголоски далёких взрывов броском воздушного давления и резким сильным порывом ветра.

Стоял день, а пространство вокруг было залито красноватосерой полутьмой. Небо затянулось полыхающей пеленой. Полил дождь. Кометы не видно. Бомбардировка продолжалась, огненные стрелы с огромной скоростью вылетали из-под облаков. Свист и грохот не прекращались. Море вокруг кипело от падающих камней. Успокаивало, что в такую сравнительно малую цель, как “Командор”, попасть трудно. Несколько мелких осколков от взорвавшегося в воздухе метеорита, упали на палубу. Сан Саныч и Евгений как истые астрономы бросились их подбирать, пока не смыло водой. Это оказались почти чёрные маленькие камушки, не более ореха размером.

– Углистые хондриты, – заключил Сан Саныч, внимательно рассмотрев находку. – Знает, с большей вероятностью, это осколок кометы, а не астероида! Один из кусочков тут же был подарен Асе, как осколок её небесной тёзки. Она долго рассматривала его:

– Повешу на верёвочке, как зуб свежепойманной акулы! – шутливо заявила она.

– Сначала проверь на радиацию. Снаружи уже круто, – предупредил Сан Саныч.

Впервые за последние часы обстановка немного разрядилась. На лицах появились улыбки. На полсутки, пока Земля повернулась «спиной» к метеорному потоку, наступило временное затишье. Но чёрные грозовые тучи, пересекаясь и сталкиваясь, стремглав заполнили небо. Грязный дождь усиливался.

Пока капитан спал, прошли ещё миль тридцать.

Евгений заметил на северо-востоке ярко-багровое зарево. Оно всполохами разгоралось и продвигалось к югу. Внезапно пёстрое пламя залило горизонт и стало подниматься кверху, перемешиваясь с чёрно-багровыми тучами. Через несколько минут задрожала земля, точнее море. Корабль на всякий случай развернули носом на зарево, но ударный фронт пришёл ломаный и слабый, не сильнее обычного урагана. Только грохот стоял такой, что ломило в ушах и болели внутренности. Однако такое нашим морякам уже было нипочём!

Через некоторое время давление стало резко падать, что ощущалось даже без приборов, задул всё усиливающийся ветер в сторону Чёрного моря, откуда и доносился этот грохот, перешедший в какой-то момент в нестерпимый титанический рёв, а затем постепенно ослабевший. Корабль, упираясь в воздушную массу, заметно сбавил ход.

Наши учёные решили, что это подсос воздуха, вызванный взрывом и поднятием нагретых продуктов сгорания над Чёрным морем. Какие последствия вызвал этот чудовищный катаклизм на побережье, можно было только гадать.

Видимость резко снижалась. Ночь опускалась гораздо раньше положенного. Капитан, несмотря на недомогание, встал к штурвалу. Нужно было найти вход в пролив Дарданеллы, а не запутаться в островах Мраморного моря. Разбитые маяки, а также все радиоприборы не работали, компаса тоже. На Земле разыгралась магнитная буря как следствие нарушений в магнитосфере и ионосфере.

Вместо ночи спустились густые сумерки, всё же сохранившие кое-какую видимость. Анастасия подсвечивала сквозь пелену серого неба, и огненные стрелы метеоров ещё проблёскивали сквозь сильно запылённую атмосферу и временами набрасывавшийся дождь. Анастасия была уже совсем где-то рядом. Если не произойдёт ещё каких чудес с гравитацией, она не врежется в Землю.

Капитан ориентировался по показаниям эхолота, придерживаясь глубин порядка двухсот метров, и скоро корабль подошёл к проливу.

Ещё одна яркая двойная вспышка справа заставила развернуться и принять неистовый удар. Пластырь сорвало с места, вода снова стала прибывать, опять пришлось повозиться с его

заводкой. Теперь решили, однако, поставить цементную наделку – зацементировать шпацию быстрохватывающим раствором. Через час наделка была готова и все смогли немного перевести дух. Пластырь убрали. Корабль прибавил ход.

Капитан приказал выпить по стопке водки, чтобы снять напряжение и вывести радиоактивность из организма. Тут Сан Саныч и Евгений вспомнили, что давали обет трезвости, и наотрез отказались. Пришлось им довольствоваться таблетками и водой.

“Так то ж вы договаривались не пить до конца света, – ухмыльнулся капитан, – а если пронесёт... за это просто нельзя будет не выпить! Считайте, что у вас начнётся новая жизнь. Нет, я не уговариваю, но просто...”

Упорство непьющих было поколеблено.

Капитана уговорили лечь. В проливе за штурвалом стоял Юра и с честью увернулся от очередного взрыва. Падение было совсем рядом, в пределах прямой видимости слева и сзади. Юра мгновенно сообразил подставить корму. Развернуться носом было не успеть. Обломок оказался не слишком крупным, а взрыв килотонн на десять, но близко. Удалось потом даже рассмотреть и заснять образовавшийся в результате падения кратер.

Лопнула и потекла одна из задних цистерн с топливом. За кормой потянулся переливчатый след. Большую часть солярки удалось перекачать в другие цистерны, заполнив их под пробку.

Сан Саныч придумал провести в пробитую цистерну трубку от впускного коллектора одного из вспомогачей и создать разрежение. Пусть немного подсасывается и забортная вода. Несколько тонн кораблю не повредят. Зато потери драгоценного горючего свелись к минимуму. След за кормой исчез. Пришлось, правда, устроить забор солярки из повреждённого бака сверху, а не снизу, как было, чтобы в расходные баки двигателей не хватануть воды.

Пройдя Дарданеллы, взяли севернее острова Лемнос, чтобы уйти на большие глубины. Здесь волны от близких падений были бы менее опасны. Эта предосторожность оказалась очень кстати, поскольку вскоре крупное тело упало где-то юго-западнее острова. Огромная волна, выйдя на глубину, не причинила вреда, плавно приподняв корабль на стометровую высоту и также плавно опустив.

Чудом сохранившийся авиационный барометр, подаренный капитану одним знаменитым лётчиком-испытателем, дёргался как сумасшедший, регистрируя отголоски тысяч далёких и близких взрывов. То, что творилось на суше, трудно было себе представить. Ближайший из пройденных островов был похож на тлеющую кучу угольев.

Место назначения уже было недалеко. Близился час полёта Анастасии. Все притихли в тревожном ожидании.

– Не пора ли искать убежище от ураганов? – прервал тишину Евгений.

– Каких ураганов? – удивлённо спросил капитан.

– Ну, как же, – скользящее соприкосновение атмосфер вызовет массу неприятностей! Бури и ураганы невиданной силы нам обеспечены!

– Насколько я понимаю, – осторожно возразил капитан, – особенности циркуляции земной атмосферы таковы, что катаклизмы локализуются в том полушарии, в котором возникли. Моделирование в своё время показывало, что случись, скажем, ядерная война в северном полушарии, страны южного полушария нескоро почувствуют её влияние, поскольку регулярные ветры, дующие в нижних слоях по вращению планеты и к её экватору, экватор не пересекают. Массы воздуха поднимаются вверх и затем в верхних эшелонах движутся обратно к полюсам.

– Следовательно, кроме небесных камней, нас ждут только землетрясения и цунами? – вставил Сан Саныч.

– Будем надеяться, что так. Во всяком случае, мне кажется, в эти дни лучше остаться на глубине, – заключил капитан.

Разыгрывался шторм. Постоянный ветер, дующий в сторону Чёрного моря, постепенно разгонял волны.

Ободряя приунывший экипаж, начинающий ощущать признаки морской болезни, капитан затеял своеобразную лекцию, о достоинствах корабля:

“Двадцать-тридцать метров – это наилучшая по безопасности длина для морских судов, – начал он. – Не зря же во всём мире морские сейнера, плавучие маяки и сторожевики, многие месяцы штормующие в море, делают именно таких размеров.

Дело в том, что морские волны, как и всякие другие, помимо высоты или амплитуды, имеют ещё и длину. Длина морских волн в среднем в двадцать раз превышает их высоту. Чем дольше дует ветер, тем это соотношение больше. Судно раскачивается сильнее всего, когда длина волны примерно соответствует размерам судна. Для тридцатиметрового “Командора” – это волны соответственно высотой полтора метра. Но что нашему кораблю полутораметровая волна?! У него минимальная высота борта и то больше! Такие волны даже палубу не заливают.

Волны более высокие ему не страшны, поскольку они длиннее. На них судно, подобное “Командору”, плавно взбирается и так же плавно спускается!”

Теория – теорией, а морская качка – дело не из самых приятных. С настоящим морским штормом наши путешественники встретились впервые. Ветер разогнал до сорока метров в секунду. Скоро волны стали достигать огромной высоты. Ветер срывал их макушки и уносил мириадами брызг.

Наиболее глубоководный район был достигнут. Бросили плавучий якорь – специальный маленький брезентовый парашютик с распорками. Он раскрылся в воде, натянул канат и стал удерживать катер носом к волне. На всякий случай поставили небольшой, но прочный штормовой парус на кормовой мачте – дополнительная стабилизация носом по ветру. Сан Саныч, Евгений и Юра под командой капитана выполняли все палубные работы. Закончив, обследовались дозиметром, который весело застрекотал и защёлкал, указывая на радиацию. Это веселье в больших количествах предвещало смертельный исход. Поэтому соблюдали все правила действий в зоне радиоактивного заражения: встали под водяной душ, а зайдя внутрь, сняли штормовую одежду и заперли в железную отгородку. Для каждого рассчитывали полученную дозу и фиксировали в журнале.

Судно легло в дрейф. Метеорный дождь на некоторое время утих. Всё вокруг погрузилось в густую тьму, изредка прорезаемую яркими болидами. Природа притихла, затаилась.

Комета влетела в тень Земли и не подсвечивала небо. Несколько томительных минут прошли в напряжённом ожиданье. Все прильнули к иллюминаторам. Сан Саныч и Женька, истые астрономы, не удержавшись, высунули головы наружу и напряжённо вглядывались во тьму. Несмотря на уговоры, к ним присоединилась Ася. Капитан дежурил у штурвала, опасаясь пропустить близкий взрыв.

На юго-востоке разгоралась кроваво-багровая заря. Вскоре небо в той стороне было залито немигающим красным светом, а ещё через минуту стало казаться, что всё вокруг, вся планета превратилась в раскалённый пылающий шар. Только вместо пекла на землю опускался холод.

Сан Саныч мельком бросил взгляд на стрелку пружинного термометра – двенадцать градусов! И это летом, в Средиземном море!

Кровавая заря быстро гасла, сумерки сгущались, однако, тьма властвовала недолго. Небо снова запылало огненным дождём.

Сан Саныч и Евгений объясняли это явление тем, что осколки и мелкие частицы вблизи кометы сравнительно быстро упали на неё, затормозившись в её атмосфере. Поэтому и наблюдалось непродолжительное ослабление метеорного потока.

С весёлыми улыбками друзья спустились внутрь.

– Это великое событие надо отпраздновать! – радостно провозгласил Женька. – Анастасия наконец-то промахнулась! Теперь ясно, конец света миновал. И вообще, что-то я проголодался!

– Вот бы сейчас посмотреть, что творится с Анастасией, – мечтательно воскликнул Сан Саныч. – Она пролетела через область Роша! Её же должно сильно покорёжить. Жень, ты не подключал компьютер?

– Ребята! Промахнулась – так промахнулась, а праздновать – так праздновать! Потом вы с компьютерами наиграетесь! – воскликнула Ася.

Сан Саныч подхватил её на руки и закружил по каюте:

– Да здравствует Ася земная! И никаких соперниц! Комета улетела, а ты попала мне прямо в сердце! И от этого такой взрыв любви!

Хотя снова разразилась космическая гроза, небо грохотало, море кипело от падений небесных камней, а шторм не ослабевал, настроение у всех было приподнятое. Пусть впереди огненный гад, годы кромешной ледящей тьмы и суровых испытаний!

Один важный этап закончился. Планета уцелела! Цивилизация спасена!

Кем? Этот вопрос остался пока без ответа.

Глава 14

К следующей комете обязательно раздобуду подводную лодку...

Праздновали шумно. Как-никак, не каждый день случается спасение цивилизации! Все устали от напряжения последних дней. Оно выходило наружу.

Через полчаса капитан сыграл тревогу. Над морем опустился плотный туман. Не видно даже кормы. В этой ситуации не определить направление на вспышку. Капитан решил притопить корабль, чтобы понизить надводный борт до минимума, спрятаться за волнами. В противном случае, если близкий взрыв будет со стороны борта, гибели не миновать.

Часть отсеков симметрично заполнили водой, приняв примерно сорок тонн. Корабль на полметра погрузился и стал напоминать подводную лодку. Больше воды брать было нельзя. Могла нарушиться устойчивость корабля к опрокидыванию.

Корабль превратился в бассейн с тёплой морской водой. Она была заметно теплее окружающего воздуха. Комфорт в каютах был нарушен, но качка стала заметно меньше. Смороенные вином и усталостью, женщины забрались на верхние койки и крепко заснули под грохот метеорной канонады и рёв шторма. Мужчины закемарили в капитанской каюте. Сан Саныч поднялся в рубку на вахту.

Долго ничего особенного не происходило, клонило в сон, как вдруг в одно мгновение всё вокруг залило ослепительным светом. Хлынул нестерпимый жар. Напротив щелей и окон в рубке задымила и обуглилась краска. Сан Саныч машинально нырнул в проём люка, ведущего вниз, и плюхнулся в воду. Через двадцать долгих секунд корабль сотрясся от ударной волны, застонал, закрипел, сильно накренился, начал разворачиваться.

Вынырнув и протерев глаза, в крошечной темноте Сан Саныч бросился опять наверх, задраил люк за собой. Надо успеть распахнуть боковые двери. Скоро навалится стена воды, через отверстия зальёт рубку. Вниз её спускать уже нельзя! Потонем! Пусть сойдёт через боковые двери.

Грохот приближающейся базисной волны быстро нарастал. Сан Саныч распахнул и закрепил двери, забился в угол рубки и крепко ухватился за выступ набора.

Грохот заглушил всё. Удар. Перехватило дыхание. Хлынули потоки воды. Его сбilo с ног, но он удержался руками. Вся рубка заполнилась водой. В мозгу промелькнула мысль: “А что если залившаяся вода не даст отяжелевшему кораблю всплыть? Конец?”

Не успел набрать достаточно воздуха. Сердце стучало, перекрывая грохот стихии. Когда он был уже на грани потери сознания, почувствовал, что его понесло потоком. Растопырив руки и ноги ежом, чтобы не быть выброшенным наружу, он застрял в дверном проёме и величайшим напряжением сил удержался против потока. Голова оказалась выше воды. Он жадно схватил воздух пополам с водяной пылью. Корабль качался. Значит, не утонул!

Остатки воды стекали за борт. Тьма крошечная! Сан Саныч нащупал люк вниз и, откашливая воду, спустился по трапу.

– Ну как там наверху? – услышал он Женькин голос. – У нас тут открылась душевая!

– Порядок, только опять электричество погасло, – выколавывая из бронхов остатки воды, сдавленным голосом ответил Сан Саныч.

– Электричество? – странным голосом переспросил Евгений.

Тут Сан Саныч понял, что ничего не видит.

Выскочила Ася, схватила его за руки:

– Саныч, что с тобой, милый?

– Так, что-то в глаза попало. С тобой, Асенька, мне ничего не страшно!

Капитан с помощью фонарика и лупы заглянул ему внутрь зрачков:

– Явного поражения не видно. Будем надеяться, постепенно восстановится.

Сан Саныча по пояс в воде провели в каюту посуше, уложили на койку. Ася намочила платок холодным чаем и приложила к его глазам.

С потолка в каютах заструилась вода. Палуба дала трещину. Выйти наружу и осмотреть повреждения долго не решались. Приборы показывали высокий уровень радиации.

Взрывом сорвало ограждение верхнего мостика, его настил лопнул по сварному шву. Палуба в районе кают тоже дала трещину. Штормовой парус превратился в клочья, всё же он и плавучий якорь развернули судно острее к базисной волне и снизили нанесённый ущерб. Да и сам корабль теперь лучше держал удары, почти весь спрятавшийся в волнах.

На несколько минут выключили орошение. Трещины в настиле и палубе залепили пластилином до лучшего момента. Вместо штормового паруса укрепили пожарную брезентовую кошму. Она продержалась недолго, пока не излохматилась по ниточкам.

Сан Саныч лежал на койке, прижимая к груди Асину руку. Под ними по каюте плескалась вода и капало с потолка, а под тонким днищем простиралась километровая пучина. За стеной ревел шторм, грохотали взрывы, неслышно свирепствовала радиация, сгушалась холодная тьма. Но они не были несчастливы. Они были вместе. Им было хорошо и уютно. Их пальцы сплелись, а губы не раз соединялись в поцелуе.

Ася забралась на койку к Сан Санычу:

– Подвинься, толстяк! Что-то ты мало сегодня говорил мне ласковых слов и погладил меня всего два раза...

Он обнял её. Руки его заскользили в нежных ласках.

– Ах, всего два раза! За это преступление я приговариваюсь к исправительно-трудовым работам на тридцать минут.

Ещё два относительно близких падения “Командор Визбор” выдержал просто молодцом. Решили даже не выходить наружу, чтобы лишний раз не облучаться. Елена сильно рассекла бровь от удара о косяк двери. Это была первая кровавая травма. Синяки, шишки и ссадины никто уже не считал. Всё обошлось более-менее благополучно. Залили йодом и перекисью водорода, помазали новокаином, и Андрей собственноручно стянул края ранки проспиртованными нитками.

Капитан обратил внимание на показания эхолота. Он словно взбесился.

– Уж не признаки ли подземных толчков? На фоне этой кошмарной бомбёжки немудрено и землетрясение пропустить! – воскликнул Евгений.

Капитан с ним согласился.

Тем временем канонада стихала. Небо гасло. Земля, повернувшись, опять загородила беглецов своим телом. Шторм не прекращался, но к нему привыкли. На фоне других грозных катаклизмов он казался не более чем просто ненастьем. Двенадцать часов передышки. Неплохо!

Небесный грохот утих. Теперь совершенно отчётливо слышался подземный, точнее, подводный гул. Низкий, таинственный.

Начал стихать и ветер. Туман сгустился до невероятной плотности. Солнце больше не грело. Чёрная всеохватывающая ночь распустила свои зловещие крылья. Стынувший воздух соприкасался с тёплым морем. В воздухе повисла сырость. Она пахла гарью. Дышать снаружи стало просто невозможно. Даже противогаз не помогал. Через минуту в нём начинала хрипеть и булькать грязная вода.

Тем временем навалилась новая страшная опасность. Мощный гул постепенно захватил всё вокруг. Корабль зарезонировал. Внутренности людей завибрировали. Никто не успел ничего сообразить. Безотчётный страх тихой змейей стал подбираться даже к наиболее стойким. Сковывал душу, разрывал сердце. Он легко проникал сквозь стальные перегородки и задрен-

ные люки. Ужас заливал корабль как тёмная вода решето. Сопротивляться ему не было сил. Вот он затапливает последние дюймы воли...

– Наверх вы, товарищи! Все по местам!.. – затянул тоненький голосок. – Последний парад наступает...

– Врагу не сдаётся наш гордый “Варяг”, пощады никто не желает, – подхватили мужские голоса.

Следующий куплет грянули так, что перекрыли потоги стихии.

– Отставить “Варяга”, давай “Яблочко”! – появился капитан с маленьким аккордеоном в руках, растянул меха, аж треск пошёл...

Ну а уж “Яблочко” вжарили столь лихо, с присвистом, да с коленцами, что корабль задрожал не хуже, чем от взрыва! Коварная вибрация отступила.

В следующие двенадцать часов бомбардировки было отмечено снижение её интенсивности. Всего два близких падения крупных тел. Сан Саныч и Евгений ломали голову, почему произошло заметное отклонение от результатов прогноза? В конце концов, пришли к заключению, что асимметрия поля осколков – результат действия Луны. Она сработала как гравитационная линза, расфокусировав или, другими словами, разметав в пространство часть облака позади кометы.

Небо не светило. Воздух был насыщен туманом пополам с сажей. Через эту густую преграду даже солнечный свет не проникал.

Нет худа без добра! Сажеводная завеса снизила воздействие радиации во время взрывов. Вода и углерод – отличные её поглотители! Атомные реакторы в качестве защиты от радиации обкладывают графитом или погружают в воду.

Раскатистый гул стоял постоянно. На него наложились несколько сильных подводных толчков и с десятков очень странных и мощных ударов, настороживших капитана.

Ещё одно событие заставило людей поволноваться.

Абсолютно отчётливо послышался звук работающих винтов. Где-то совершенно рядом на огромной скорости промчалось судно. Корабль даже слегка мотануло из стороны в сторону. Столкнуться в такой непроглядной тьме – много шансов и мало радости! Через несколько минут это повторилось.

– Скорее всего, это – подводные лодки! – предположил капитан. – Как я раньше не сообразил? Ведь они как раз и отсиживаются здесь на глубине! Их в нашем тихом омуте должно быть больше, чем акул! А эти резкие удары... не иначе, как глубинные бомбы или торпеды!

– То есть, им там тесно и они сражаются?! – развил мысль Сан Саныч. Зрение его постепенно восстанавливалось, но видимость была как на фотографии, залитой чернилами, а в глаза словно насыпали песку.

– Не уверен. Но всё может быть. Именно на подводных лодках сейчас безопасней всего. Наши страдания им неведомы. Там внизу – тишина и покой. Чтобы уничтожить современную субмарину, идущую на большой глубине, необходимо почти прямое попадание ядерного заряда! К следующей комете обязательно раздобуду подводную лодку метров на тридцать длиной! Только, господа астрономы, вы уж меня предупредите, пожалуйста, заранее.

Тонкий Варенькин слух уловил частые удары колокола. Никто другой не слышал, но она утверждала, что явственно слышит звук. Здесь в море это могло означать лишь одно. Где-то гибло судно и просило о помощи. Но где?

Радиосредства и локатор не работали. Сама Варенька не могла определённо указать направление на источник звука. Как быть? Мужчины призадумались.

– “Эврика!” – воскликнул Сан Саныч. – Есть же телекамера, а на ней – направленный микрофон!

Капитан сразу заглушил движки, схватил телекамеру, укутав её в одеяло от ветра, поднялся на мостик, включил и плавно повёл по горизонту, отсчитывая вслух направление от носа

корабля. Сделав несколько оборотов, спустился вниз. Прокрутили запись через видеомэгнитофон на максимальной громкости. Сквозь шум и треск радиации временами отчётливо был слышен колокол. Максимальное звучание улавливалось всё время в определённом направлении. Колокол запеленгован!

Скорректировав курс с поправкой на ветер, на малом ходу на одном движке двинулись вперёд. Установили и зажгли прожектор. Но от него было мало толку. Луч упирался в непроглядный серый туман.

Звук приближался. Через час уже слышался где-то рядом. Сбавили ход до минимального. И вовремя. Буквально через мгновение стукнулись носом в высокий чёрный борт какого-то судна. Обшивка была изрядно измята, но имела, видимо, солидную толщину. Судно было не менее семидесяти метров в длину и плавало на боку. Противоположный его борт был затоплен. Надстройки вырваны с корнями. Как оно вообще ещё не затонуло?

Сверху слышались голоса. Капитан в рупор попытался заговорить по-английски. Судно оказалось греческим. Было арестовано турецким флотом за несколько дней до начала метеорной бомбёжки в юго-восточной части Эгейского моря. Оно везло, в основном, албанцев, пытавшихся возвратиться домой. С первыми взрывами пошли на прорыв. Капитан надеялся добраться до порта Салоники, но первым же сильным взрывом судно было серьёзно повреждено и полузатоплено, оно дрейфует в таком состоянии, с большими или меньшими потерями перенеся все последующие взрывы. Из более чем тысячи человек в живых осталось около четырёхсот, почти все больны или ранены. Где находятся, не представляют себе.

Капитан спросил, быстро ли погружается судно.

– Давно думали, что уже идём ко дну. Одному богу известно, сколько продержимся ещё, – было ответом. – Наш капитан и несколько старших офицеров погибли. Команду принял врач, серб по национальности. Сейчас он оперирует раненных.

Капитан дал команду готовиться к приёму людей. Начали откачку воды.

– Мужчинам с оружием занять места на палубе. Принимать будем с этого борта. С того опасно. Если судно перевернётся, нас обязательно накроет, – скомандовал он. Затем через рупор обратился к людям на судне. – Мы доставим вас до ближайшего берега. Спускаться без оружия, сначала женщины и дети, затем раненые.

Перечалились кормой, чтобы в случае чего сразу отойти, начали приём людей. Они скачивались по крутому наклонному борту. Некоторые промахивались мимо, их подбирали через люк в корме. Суета, крики, гвалд!

Человек сто женщин и детей вошло во внутренние помещения, остальных размещали на палубе. Многие из мужчин имели оружие и никак не хотели с ним расстаться. Капитан понимал, что оно потребуется людям на суше, и громким голосом скомандовал:

– Оружие можно взять с собой. Всем отстыковать магазины и лечь на палубу. Кто поднимет голову, будет немедленно расстрелян!

Он поднял свой пистолет и угрожающе размахивал им. Юра, Евгений и Андрей тоже взяли автоматы наизготовку. Сан Саныч ещё еле-еле видел, поэтому он помогал раненым забираться на борт, принимал на руки тех, кто не мог двигаться сам.

Вскоре вся палуба была заполнена лежащими. Приняли уже около четырёхсот человек. Оставалось около пятидесяти самых здоровых мужчин. “Командор” начал неприятно раскачиваться. Шутка ли, в штормовую погоду иметь на палубе тридцать лишних тонн! Да и космическая бомбёжка не закончилась.

Оставшимся капитан приказал поодиночке зайти во внутренние помещения и лечь на пол. Последним оказался крепкий, плотный мужчина с автоматом, весь перепачканный кровью, с прилипшими нитками бинтов и красными от бессонницы глазами. Это и был тот самый врач. Его капитан попросил присматривать за ранеными.

Быстро отчалили. Моторы натужно ревели. На ходу судно таких обводов устойчивее. Решили идти против ветра. Должны были пристать к греческому берегу где-то в западной части залива Термаикос. Эти места капитан не знал. Зато эхолот, хоть и с перебоями, но работал. Теперь капитан понял, что нарушения в работе эхолота вызваны не землетрясениями, а излучением сонаров подводных лодок – гидроакустических локаторов.

Перегруженный корабль на волнах постоянно пытался валиться то на один бок, то на другой. Капитану в крайнем напряжении всё время приходилось парировать опасный крен поворотами руля. Плавание напоминало хождение по канату, который к тому же кто-то злонамеренно раскачивал. Люди понимали всю опасность ситуации, лежали не шелохнувшись.

Орошение не выключали. Без этого тёплого душа люди заоченели бы. Температура воздуха упала ниже десяти градусов.

Через шесть часов эхолот схватил дно. Глубина начала уменьшаться. Капитан понимал, что как только нос корабля коснётся берега и начнёт сходу выходить из воды, корабль сразу потеряет устойчивость и опрокинется. Поэтому он приказал мужчинам на палубе по его приказу немедленно прыгать за борт, как только судно подойдёт к берегу. Прожектор светил не далее пятнадцати метров. На нос поставили самых глазастых.

Волнение стихало. Это было признаком близости берега. Все насторожились. Глубина быстро уменьшалась. Капитан приказал отпустить кормовой якорь на длину цепи в десять метров, держать цепь на слегка подторможенной якорной лебедке, чтобы стравить её, подтормаживая, как только якорь зацепится.

Скоро в воздухе почувствовался едкий запах гари. Затем в кромешной темноте забрезжил неясный багровый свет. Капитан замедлил ход, скомандовал всем приготовиться. Через минуту прямо перед носом вынырнул берег, подсвеченный огнём пожаров. На берегу полыхали развалины небольшого посёлка. На узкой полосе между посёлком и морем лежал грязный снег.

Якорь зацепился. Загремела цепь. Капитан что есть мочи крикнул: “Прыгай!” Корабль носом мягко врезался в береговое дно и начал валиться на левый борт. Люди горохом посыпались в воду. Корабль нехотя выровнялся и закачался на волнах.

Эвакуация людей на берег заняла не менее двух часов. Наши мужчины были начеку, готовые в любой момент пресечь возможную попытку захвата судна. К ним с гранатомётами присоединились Ася, Марина и Елена. Шутка ли, сотни всё потерявших, обезумевших от ран и лишения вооружённых людей! Если б эти албанцы на трое суток раньше попали на свою родину, то наверняка остались бы целы и невредимы, ведь их страна – сплошной бункер для ядерной войны. Маленькая Албания, по странной прихоти бывших правителей, пожалуй, лучше всех других стран имеет шансы сохранить своё население.

Последним из спасённых борт “Командора” покидал врач. Он крепко пожал капитану руку и на ломаном русском языке горячо поблагодарил:

– Спасибо, спасибо! Русские, братья, сами больше рисковали, всех спасали!

Капитан только сейчас обратил внимание, что брюки врача порваны, а на его ногах сквозь ключья ткани зияют кровавые рваные раны. Он крепко сжал его руку и заглянул прямо в глаза:

– Оставайся с нами, брат. Куда ты с такими ногами пойдёшь? До твоего дома не меньше трёхсот километров через горы. Кругом разрушения, радиация и смерть, ни куска хлеба!

Врач пошатывался. Сан Саныч и Евгений подхватили его под руки и наперебой предлагали остаться:

– Ещё десять часов на улице и вы – труп! Оставайтесь, переждём радиацию, а там видно будет... Нас как раз будет двенадцать – счастливое число!

Врач колебался. Подскочила Ася и в одно мгновение, указав на его ноги, потащила его в рубку. Он повиновался:

– Спасибо, братья!

Тут же подняли якорь и отошли. Через минуту корабль снова погрузился в непроглядный туман. Женщины занялись ранами врача. Дали ему горячей еды и бутылку “Каберне”. Он поблагодарил, рухнул на койку и сразу уснул на целые сутки.

Капитан приказал вычистить и вымыть весь корабль, выстирать одежду, принять горячий душ. Все помещения обшарили дозиметрами. В машинном отделении они подняли настоящий вой. Заменяли фильтры у всех двигателей. Они нахватались радиоактивной пыли и светились в темноте.

– Всю грязь и радиацию – за борт! – командовал капитан, переодеваясь в сухое. Пот с него лил ручьём. Ни одного сухого клочка одежды:

– Шесть часов этой адской эквилибристики... полгода жизни... оверкиль в любой момент! Не иначе, как дух Визбора уберёт.

Затем он безотрывно выпил не менее полутора литров воды.

Пока делали генеральную уборку, отошли от берега километров на двадцать и легли в дрейф. Шторм стихал. Откуда-то слышались далёкие громовые раскаты. Не то гроза, не то вулкан.

Следующие сутки прошли относительно спокойно. Все, кроме сменявшейся вахты, отсыпались.

На обед собрались в капитанской каюте. Анна Николаевна приготовила изумительный борщ с майонезом и горячими пирожками. Впервые за долгие дни наши путешественники наслаждались едой и приятной беседой. Качка была уже нипочём. А аппетит открылся отменный.

Новичок на борту “Командора Визбора” оказался бывшим сербским военврачом. Офицер, долгие годы воевал, потом врачевал, а недавно устроился на грузо-пассажирское судно, чтобы на тёплом море подлечить старые раны. В поднявшейся суматохе никак не мог вернуться домой. Впрочем, дома у него как такового не было. Семья погибла. Звали его Славко Младич. После первого тоста за чудесное спасение от небесной бомбёжки и за знакомство, перешли на “ты”.

Он всем сразу понравился открытым и ясным взором, добрым лицом. По его поведению было видно, что он человек большого опыта и чрезвычайной силы воли.

Сан Саныч украдкой шепнул Евгению на ухо:

– Они с нашим капитаном стоят целой армии и госпиталя в придачу!

– Если б мы с тобой ещё б на Академию наук потянули... сам чёрт бы не страшен!

Славко был немало удивлён и радостно оживился, когда узнал, что на борту корабля сам открыватель Анастасии, а также её земная симпатичная тёзка, и что корабль носит имя Визбора. Славко даже знал несколько его песен. Их часто пели русские добровольцы, воевавшие с ним бок о бок. Тут же спели две из них – “Домбайский вальс” и “Зато мы делаем ракеты...”. Потом он спел под гитару несколько сербских военных песен, потрясших своей силой и выразительностью, хотя не все слова были понятны. В заключение хором грянули бессмертную “Катюшу”.

Два дня просидели, не выходя наружу – радиация. Капитан и Славко сразу нашли общий язык, подолгу беседовали одни. Капитан стал налаживать какие-то приборы. Сан Саныч и Евгений взялись за компьютер, но он плохо работал – сырость, а может, повлияли мощные электромагнитные импульсы, излучаемые во время взрывов – испортили тонкую электронику.

Туман начал нехотя отступать под действием холодного ветра со стороны берега, а море стынуть. В поверхностном слое воды температура упала до одиннадцати градусов. Повалил грязный радиоактивный снег. Работающее орошение помогало быстро от него избавляться. Только пришлось снизить напор воды для экономии горючего.

Где-то поблизости проснулся вулкан. Громовые раскаты и содрогание моря ощущались постоянно. Одно время казалось, что рядом начали падать вулканические бомбы, но скорее,

это был результат разыгравшегося воображения. С помощью телекамеры определить направление на вулкан не удавалось. Похоже, вулканов было много. Сильнее всего грохот был с двух направлений, между ними было градусов девяносто углового расстояния. Капитан сделал предположение, что левая сторона – это вулканы активной области архипелага Кикланды, до которой было менее двухсот километров. Следовательно, Юг был в той стороне. Правая сторона могла грохотать за счёт активизации вулканической деятельности на разломе литосферы, проходившем вдоль западной части Греции. Стало быть, в той стороне был Запад. Больше ориентироваться было не по чему. Радиосистемы и компаса не работали, ни Солнца, ни звёзд не видеть. Главное, что на глубине!

Запасы пресной воды подходили к концу, а никакого льда ещё не было. К снегу по понятной причине даже прикасаться было невозможно. Капитан запустил самодельную опреснительную установку. Воду забирали с глубины метров двадцать – насколько позволила длина шланга с привязанным на конце грузом. За каждый день набиралось около ста литров пресной воды. Этого было достаточно. Даже создавался небольшой запас.

Здесь, на больших глубинах огромные массы воды медленно отдавали своё тепло в атмосферу. Поэтому лёд должен был встать позднее, чем у берега, да и волнение препятствовало льдообразованию.

Собрались на совет обсудить дальнейшие действия. Главный вопрос – где встать. Поближе к людям или наоборот? Капитан и Славко высказывали мнение, что, скорее всего, опасаться придётся людей. Экипажу “Командора” пока от людей ничего не надо, а вот запасы корабля кому-то могут приглянуться. Решили встать в самом глубоком месте, равноудалённом от ближайших берегов примерно на пятьдесят километров. Пешком по льду и торосам это не так уж мало. В ледяной пустыне легко затеряться.

Долго изучали карты, чтобы не оказаться на предполагаемых ледовых трассах. С высоты глаз пешехода надстройки “Командора” видны километры с двенадцати при ясной погоде.

Чтобы надёжно затеряться, места было маловато. В этом районе проходила морская трасса из порта Салоники в Дарданеллы и в южную часть Эгейского моря. Станут ли поддерживать трассу ледоколами? Впрочем, где они тут, ледоколы-то? Этого, пожалуй, не стоило опасаться.

Через два дня ветер стих, а затем задул с северной стороны. Резко похолодало. Грянул настоящий мороз. Началось обледенение. Водяные брызги от набегавших волн мгновенно замерзали на металле корабля. Он превратился в ледяную сосульку.

– Аврал! – капитан поднял мужчин. – Хватай ломы, лопаты, бей, круши...

Начались тяжёлые работы по скалыванию льда.

– Помнится, вот так же маялись первопроходцы Северного Ледовитого океана, – начал Сан Саныч, махая кувалдой.

– А не переименовать ли наше море в Средиземное Ледовитое? – подхватил Женька.

Дело осложнялось высоким уровнем радиации. Работали попеременно, в противогазах и защитной одежде. Кувалдами и ломом били по корпусу, надстройкам и мачтам. Отколотый лёд лопатами счищали за борт. Начали выбиваться из сил. Капитан принял решение двинуться на север против ветра, дойти до кромки льдов или до берега, чтобы прекратить обледенение, грозившее массой нарастающего льда перевернуть судно.

Через два часа хода волнение стало стихать, а ещё через несколько минут под форштевнем захрустел лёд. Корабль носом врезался в ледяное поле и вскоре остановился. Обледенение прекратилось.

Капитан медленно обрабатывал задним ходом, следуя за ледяной кромкой, продвигавшейся к югу, чтобы невзначай не остаться вмороженным в лёд в незапланированном месте. Через сутки решили, что заданный район стоянки достигнут, капитан застопорил машины. Корабль очень быстро оказался сначала в ледяной ванне, а затем вмёрз.

Уже через четверо суток ледяной панцирь, сковавший море, был не менее двадцати сантиметров толщиной и быстро креп. Несколько раз лёд ломался и растрескивался от волн цунами, приходивших от далёких землетрясений, но на обжигающе холодном ветру мгновенно схватывался вновь.

Столбик термометра опустился ниже тридцати градусов мороза и медленно полз вниз!

Юра высказал вслух свои опасения, не будет ли корабль раздавлен льдами как “Челюскин”. На это капитан с довольной улыбкой разъяснил, что форма подводной части корабля и развал бортов таковы, что судно не может быть раздавлено льдами. Оно будет всё время выдавливаться вверх, пока не окажется как в люльке, когда толщина льда превысит метр-полтора. Катер рассчитан на российские условия и зимовку во льдах.

– Надо снять шапку перед теми, кто проектировал этот славный корабль! Даже в такой мороз! – воскликнул Юра. – Я вообще удивляюсь, как он выдержал всё, что было.

– Он же создавался для войны, причём, в пятидесятые годы – спроектирован на совесть и построен на славу, – добавил капитан. – А на войне, наверное, и похуже.

Главные двигатели не работали. Постоянно молотил малый вспомогач. Система водяного охлаждения всех двигателей была закольцована, и он не только снабжал теплом и электричеством помещения корабля, но и постоянно прогревал остальные неработающие двигатели, чтобы те не разморозились.

Надо было готовить корабль к длительной зимовке. Сделали полную профилактику механической и электрической части, слили воду из тех насосов и трубопроводов, где она могла замёрзнуть, продули воздухом и залили соляркой кингстоны, освежили набивку дейдвудных труб, через которые проходят гребные валы, чтобы замерзающая вода не наделала неприятностей. Ещё раз вычистили все воздушные фильтры от радиоактивной пыли.

Мужчины под руководством Славко обкладывали корабль глыбами льда, чтобы сократить потери тепла. В результате получилась первоклассная крепость, построенная со знанием дела. Со стороны корабль был похож теперь не то на заснеженный островок, не то на верхушку замороженного в лёд айсберга. Внутри были устроены многочисленные проходы, оборудованы удобные огневые и наблюдательные позиции, несколько сравнительно больших помещений для отдыха и прогулок внутри крепости, шлюзы для очистки, хранилище замороженных продуктов и многое другое. Были сооружены даже незамерзающий колодец, а также хитроумная система канализации и эвакуации отходов.

Эта работа, несмотря на свою тяжесть, увлекла мужчин, и они, как заправские мальчишки, сооружают крепость для игры в снежки, горячо обсуждая детали устройства, без усталости таскали глыбы льда, нехотя отрывались для еды и сна.

Через несколько дней крепость и корабль, готовые к “труду и обороне”, были сданы на “отлично”.

Сан Саныч никогда раньше не подумал, что гладкими льдышками можно натереть кровавые мозоли.

По указанию капитана построили несколько длинных туннелей со всех четырёх сторон, с большим количеством перегородок как в лабиринте, для забора и очистки воздуха.

Теперь можно было сказать, что на зимовку устроились не хуже, чем в альпийской гостинице, с парилкой и горячим душем, с первоклассной кухней, танцзалом и даже ледяным бильярдом. По круговому проходу в двойных стенах, подсвеченному электричеством, Славко, а затем и все остальные совершали пробежки на лыжах и коньках, прогуливались после ужина.

Сан Саныч и Ася облюбовали один укромный уголок, украсили его ледяными статуями, барельефами из греческого эпоса и подолгу пропадали там.

Заработало радио, но далеко не во всех диапазонах и со страшным треском. Слушать его было почти невозможно, но капитан и Славко часами наминали себе уши, пытаясь точно

понять обстановку, боясь пропустить важные события, определяющие безопасность экспедиции.

День стал отличаться от ночи. Днем, всё таким же непроглядным, радиостанции исчезали в помехах. Ночью оживали вновь.

По радиосообщениям, за несколько дней метеорного воздействия страны потеряли более половины своего населения. Только мизерная часть его имела шанс в дальнейшем справиться с лучевым поражением, ранениями, голодом и холодом.

Основная масса гражданского населения была обречена на гибель. Невозможно было представить, какие ужасающие физические муки и душевные страдания стояли за сухими сводками этих чудовищных потерь.

Страны, расположенные на прибрежных низменностях и в жарких пустынях, а также Япония и Австралия перестали существовать. Другие, хоть и сохранились территориально, лежали в руинах и параличе.

Но в мире, поверженном адской космической бомбардировкой, шла война. Война без конкретных противников, слепая, ползучая. Некоторые ключевые стратегические объекты многих стран подверглись ядерному воздействию явно не космического происхождения. Правительства обвиняли заинтересованных соседей, но не имели достаточно веских доказательств. Все были де факто в состоянии войны со всеми. Будто уцелевшие собаки ревностно продолжали охранять опустевшие дома зачумлённых вымерших деревень.

Как только были получены первые сообщения, проясняющие общую картину, жизнь на “Командоре” на некоторое время приостановилась. Планета была покрыта миллиардами трупов, сотрясалась от мучительных стонов миллионов и миллионов умирающих. В сознании членов маленькой колонии не укладывалось, каким же чудовищно жестоким рассудком, рассудком поистине хуже дьявольского, обладают те, кто в этих катастрофических условиях, ощущая свою неуязвимость и безнаказанность, руководствуясь долгосрочными корыстными интересами, пустил в ход отравленные ядерные кинжалы в спину соседям!?

* * *

Радиация спадала медленно. Большое неудобство доставлял серый заражённый снег, который приходилось счищать и закапывать подальше от крепости.

Возвращаясь с опорожнёнными санями, Сан Саныч с чувством ностальгической грусти посмотрел на своё ледяное творение, подсвеченное фиолетовыми фонарями – вернуть бы сейчас годы беззаботного детства – вот бы наигрались с друзьями в этой крепости на ярком морозном солнце до алеющих щёк, извалявшись в снегу по самые уши, набрав его полные валенки!

Сгребая очередную порцию снега, Сан Саныч нашёл необычные чёрные стеклянные шарики.

– Ого! Не иначе, как тектиты с Луны, свидетельства страшных космических ран на её теле, – решил он.

– Не исключено, не исключено... – многозначительно заключил Евгений, повертев находку в руках и разломив один из шариков пассатижами.

Первое время “чёрной зимы”, как окрестили наступившее грозное явление, прошло в относительном затишьи. Постоянный гул далёких вулканов – не в счёт. Человек постепенно ко всему привыкает. Совершение обременительных процедур радиационной защиты вошло в привычку. Жизнь принимала размеренный характер. В один из моментов капитану показалось, что его экипаж начинает скучать и грустить.

– А не провести ли нам Малые зимние Олимпийские игры!? – воскликнул он как-то за завтраком, когда все собрались вместе. – Ведь мы находимся всего в каких-нибудь двухстах километрах от знаменитых Афин и столько же до самой настоящей горы Олимп!

Евгений и Ася дружно закричали: “Ура! Даёшь Олимпийские игры!” Остальные тоже поддержали эту идею.

Сам капитан строгим доктором Славко не был допущен к атлетическим видам спорта, поскольку нахватался радиации и не совсем ещё избавился от симптомов лучевой болезни.

В беге и прыжках не было равных Евгению и Асе. Зато подтянуться Сан Саныч ухитрился шестнадцать раз, выйдя на почётное третье место, на одно подтягивание опередив Асю. Плотный Славко подтянулся тридцать раз, а каратист Женька мог подтягиваться с утра до вечера. Но упорный Сан Саныч под общий свист и овации первенствовал в забеге на коньках и взял второе место в лыжных гонках. Зато в стрельбе из пневматического пистолета не было равных капитану и Славко. Только Славко стрелял не целясь, как-то без заметных усилий, словно цель сама притягивала его пули. Сан Саныч с большим отрывом довольствовался почётным третьим местом.

В классической греко-римской борьбе победитель выявился не сразу. Мощному, как домкрат, Славко противостоял быстрый и ловкий Женька. Упорнейшая схватка затянулась настолько, что капитан, будучи главным арбитром, присудил две золотые медали.

Но в шахматном блице Юра и Андрей сразу дали понять, кто здесь король и ферзь.

За праздничным обедом, когда олимпийцы утолили разыгравшийся в борьбе аппетит, слово взял капитан:

– Лавровый венец абсолютного победителя и Почётное звание лучшего олимпийского повара-кока присваивается доблестной Анне Николаевне!

Смущённая Анна Николаевна под возгласы всеобщего одобрения, улыбаясь, вытерла о передник влажные руки и торжественно принесла с камбуза праздничный торт.

Затем по инициативе Вареньки на после ужина был назначен концерт олимпийской самодеятельности.

Остаток времени прошёл в подготовке и репетициях по отдельным каютам.

Концерт вела Ася. Только сейчас Сан Саныч обратил внимание, как прекрасна её хорошо поставленная речь, с распевной, чрезвычайно выразительной интонацией, как завораживает её богатый обертонами грудной голос, как тело своей пластикой аккомпанирует ему.

Сан Саныч замер от восхищения.

– А ты не знал, что одно время она была актрисой местного театра, – прошептал ему в ухо Женька, – пока не отвергла притязания главрежа?

Первым номером было выступление Вареньки. Кто бы мог подумать, что в этом щедро-душном трепетном создании к всеобщему восторгу обнаружится абсолютный слух и обворожительный голосок, похожий на чистый и звонкий горный ручеёк, серебряный колокольчик или тонкое пересвистывание весенней пташки. Две её песни, украинская и русская, сорвали бурю аплодисментов.

Затем Сан Саныч, Женька и Юра разыграли несколько юмористических миниатюр из студенческой жизни. Все весело смеялись, больше всех, до слёз – Славко. После этого в таинственной полутьме, подсвеченная мигающими красными фонарями аварийной сигнализации, под неистовство магнитофона, в обтягивающем трико, свой умопомрачительный танец с вариациями на тему космической драмы исполнила Ася. Сан Саныч не мог оторвать взгляда от любимой. Затаил дыхание, с заботливой опаской лаская взглядом её подтянутый живот.

Корабль взорвался от оваций.

Славко взял гитару. Его лицо посуровело и одухотворилось, своим пением он всколыхнул души, комок подступал к горлу, покалывали мурашки, он захватил всех.

Не успел он закончить, как вдруг Варенька испуганно насторожилась. Песня оборвалась, ещё через мгновение все совершенно явственно услышали звук работающих винтов. Звук медленно и неотвратно приближался и вскоре завис прямо под кораблём.

Капитан объявил боевую тревогу, мужчины расхватили оружие и заняли оборону. Ещё через минуту раздался сильный шум и треск. Метрах в пятидесяти от крепости всплыла чёрная подводная лодка. Её огромная рубка, выхваченная лучом прожектора, нависала выше клотика “Командора”. Из вершины рубки по крепости ударил ослепительно мощный прожектор. Все замерли. Через мгновение по громкой связи донеслось: “Свои, братва! Спустить трап! Хай живе вильна Украина!”

– Добро пожаловать! Ласкаво просимо! – ответил через рупор капитан.

С лодки спустились на лёд четверо моряков в защитных комбинезонах, трое из них с автоматами, и направились к крепости. Капитан высунулся и указал на вход в шлюз.

Старший из четверых скинул капюшон комбинезона:

– Эх, яблочко, куда ты котишься!.. Мы тут уже давно по акустике слушаем ваши голоса. Раз звучит “Катюша”, значит, порядок!

Они с капитаном тепло обменялись рукопожатиями. Старший из моряков оказался помощником командира украинской лодки.

– Рыскаем тут, решили заглянуть на концерт. Если можно, просим продолжить. Больно душевно дивчинонька спивала. Пусть хоть покажется, красавица.

Услышав просьбу моряков, Варенька очень смутилась, забилась в уголок каюты, не решаясь выйти. Вдруг она запела. Её песня, протяжная, грустная, о тоске по дому и несбывшемуся счастью, о далёком-далёком любимом и тяжкой разлуке, лилась и лилась из-за двери каюты. Одна песня сменяла другую. Никто не смел пошелухнуться.

Сан Саныч стоял рядом со Славко. У обоих мужчин по щекам текли слёзы. Они смотрели друг на друга и не стеснялись их.

Так продолжалось долго. Когда пение стихло, воцарилась полная тишина. Она взорвалась лавиной оваций, транслируемых с лодки по громкой связи. Аплодисменты не смолкали...

Динамик внезапно отключился, и в повисшей звенящей тишине за дверцей каюты все услышали сдавленные глухие рыдания.

– Я клянусь... она будет счастлива, – услышал Сан Саныч тихий, но твёрже стали шёпот Славко.

Он задумал сложнейшую операцию.

На прощание моряки передали в подарок Вареньке от командира и экипажа лодки толстенную плитку шоколада и фотографию лодки на параде, доставленные шустрым улыбчивым матросом.

Командир лодки пригласил капитана к себе. Капитан и Славко были приняты в отлично обустроенной небольшой каюте.

– О вашем катере уже ходят легенды на трёх морях, – с этими словами навстречу им поднялся моложавый контрадмирал.

Он был приветлив, но немногословен:

– Наши и российские черноморские базы и почти весь флот на Чёрном море уничтожены. И не только метеоритами. Несколько оставшихся русских лодок блокировали Босфор. Существенную часть нашего флота удалось спасти, но обстановка сложная. Война. Вяло текущие боевые действия с чётко не определённым противником по принципу “не тронь меня”. Считаю вас в своём резерве.

– Мы – сугубо гражданский экипаж. Нейтральное частное спортивно-туристское судно. Но если потребуется по совести, можете на нас рассчитывать, – ответил капитан.

Чокнулись за удачу и за то, чтобы встретиться на Чёрном море на параде в возрождённом Севастополе.

Помощник передал капитану устройство распознавания “свой-чужой”, станцию скрытой связи и несколько небольших буёв, которые командир лодки просил загрузить в лёд вблизи крепости. На этом тепло распрощались.

Капитан и Славко вернулись на борт “Командора”, лодка погрузилась в пучину.

* * *

Занемог капитан. Открылось внутреннее кровотечение – симптом лучевой болезни. Доктор дал лекарства и прописал полный покой. Варенька не отходила от постели больного, ухаживая с необыкновенной заботой, ласковая как котёнок. Всем стало ясно, капитан и Варенька нашли друг друга.

Сан Саныч и Евгений взялись за наладку компьютеров. Им удалось скомпоновать один прилично работающий. Вместе с капитаном они решили заняться прогнозом развития “чёрной зимы”. Для начала пришлось по записям в корабельном журнале и по памяти детально восстановить картину бомбардировки и других грозных явлений, отразить показания приборов, скрупулёзно зафиксировать изменения окружающей обстановки.

Капитан и Славко смоделировали крепость и систему её обороны. Разыграли несколько операций по взятию крепости, “сражаясь” друг против друга и против компьютера. Нашли несколько слабых мест в обороне и общими усилиями их устранили. С помощью Анны Николаевны заложили в память все продукты и рассчитали их наиболее рациональное использование.

– Если ничего не случится, у нас запасов почти на три года, – радостно заявил за ужином Евгений.

– Интересно, что “чёрная зима”, глобальное похолодание, развивается медленнее, чем можно было предположить, – Сан Саныч продолжал делиться первыми результатами, – но ледяной панцирь будет стоять не менее пяти-восьми лет. Поэтому надо бы заняться ловом рыбы впрок, пока не начались заморы или её миграции в другие районы.

Запасливый Юра захватил две сети по тридцать метров длиной, с ячейками покрупнее и помельче. Вдоль корабля подо льдом протянули канат и к нему крепили сеть. Приманкой для рыбы стали опущенные в воду фонари, мелкие отходы и пузырьки воздуха, подаваемого компрессором. Звук работающего дизеля рыба уже не боялась. Первую же сеть еле подняли. Улов был завидным. Под дружное “Эй, ухнем!” вытащили около тридцати килограммов. Долго пришлось повозиться с небольшим дельфином, запутавшимся в сетях. Его аккуратно высвободили и выпустили.

– Совершенно непонятно, чем он дышал подо льдом! – удивилась Ася.

– Холодная вода отлично растворяет кислород. Можно уплыть далеко от полыньи. И вообще, самые богатые рыбой районы – северные. В насыщенных кислородом и прочими газами слоях бурно развивается планктон – первооснова питания для рыбы, – пояснил Сан Саныч, – но какие процессы пойдут сейчас, трудно сказать: радиация, много сажи... Из погибших организмов выделяется масса сероводорода...

Двадцать килограммов тщательно проверенной рыбы заморозили.

В этот день был великолепный рыбный стол. Уплетая за обе щеки дары моря, весь экипаж нахваливал рыбаков и искусство кока. Уху, между прочим, варили Сан Саныч и Женька.

Главный любитель вкусно поесть, хотя и сдерживал себя, был Славко. Как он говорил, это появилось в нём после полуголодных лет военной походной жизни. Все заметили, что Анна Николаевна подливает и подкладывает ему с особым старанием.

– Знаете, ребята, чего не хватает? – мечтательно потягиваясь, сказала Ася, отваливаясь из-за стола. – Сейчас бы на солнышке поваляться и позагорать.

– Можно устроить, – подхватил капитан. – На борту есть электросварка. Теперь будем регулярно принимать дуговые “солнечные ванны”!

– Мы с Сан Санычем записываемся на первый сеанс!

Остальные тоже высказали желание позагорать, а аккуратный Юра стал даже составлять список.

– Порядковые номера пишем чернилами на языке! – под общий смех предложила Ася.

На лицах и теле обитателей крепости появились признаки лёгкого южного загара, а парочки стали чаще уединяться в укромных уголках. Последнее отметил Славко и как врач тонко намекнул, что неумеренность может в перспективе обернуться резким сокращением продовольственных запасов.

Рыбалка шла успешно. Однако обе сети в нескольких местах были порваны. Сетей надолго не хватит. Поэтому Юра соорудил проволочные удочки с крючками и ловил на подсвеченную наживку. Всеми способами за неделю натащали и заготовили целую тонну: пёстрая мелочь, несколько небольших акул.

Изредка попадались экземпляры, которые выбраковывались дозиметром. Эту рыбу сначала выпускали, но она попадалась снова и снова. Её пришлось складывать в специально построенном недалеко от крепости ледяном погребе.

Предпринятые усилия по заготовке оказались весьма своевременными, поскольку уловы начали уменьшаться, больше стало попадаться рыб с раздувшимся брюхом. Рыбалка сошла на нет.

Устоявшийся режим дня продолжали соблюдать. “Днём” бодрствовали, “ночью” все, кроме вахтенных, спали. Вахтенным, помимо прочего, вменялось в обязанность периодически слушать радио. За завтраками обитатели узнавали свежие новости.

Больше всех кричали американцы. Они теперь почему-то считали себя хозяевами положения и всего земного шара. По мнению капитана, это объяснялось тем, что США в наибольшей степени сохранили свой военный потенциал, поскольку их военная доктрина в последние десятилетия предусматривала подготовку к глобальной борьбе за выживание не только в ядерных войнах, но и во всеобщем экологическом и демографическом кризисе. Вооружённые силы Штатов отлично оснащены и организованы, а в стране созданы гигантские стратегические запасы продовольствия, сырья и топлива. Америка имела мощную и разветвлённую систему гражданской обороны, точнее, гражданского спасения, включая комитет по чрезвычайным ситуациям, Национальную гвардию, пожарную службу, систему медицинской помощи, целую армию штатных и добровольных спасателей. На территории США в своё время было создано большое количество бомбоубежищ. Многие из них, в том числе и частные, поддерживались в надлежащем состоянии, несмотря на разрядку напряжённости в мире. Америка насыщена средствами транспорта и связи. Наконец, американцы во многом доверяют своему руководству и государственным институтам, а те, в свою очередь, в значительной степени действуют в интересах своей страны.

По поводу дальнейших стратегических действий Соединённых Штатов мнения обитателей крепости разделились. Одни считали, что Америка превратит остальной мир в свою колонию. Другие видели тенденцию к созданию Соединённых Штатов Мира.

Тем не менее, было очевидно, что Штаты раздували или провоцировали по всему миру мелкие конфликты и с громкими воплями о правах человека на выживание постепенно выдавливали из ключевых точек своих противников и конкурентов. Как говаривал капитан, один из оптимальных способов ведения борьбы – присоединение к сильнейшему. Наверное, руководствуясь именно этим, страны помельче наперегонки спешили подыграть Штатам в их экспансии.

– Ну и хорошо, – невесело шутил Славко. – По крайней мере, теперь людоедство приобретёт строго правовой характер.

– Это – проявление тенденции к объединению в тяжёлые времена, – в ответ рассуждал капитан. – вспомните хотя бы, в какие исторические моменты объединялась Русь или те же Соединённые Штаты. По-моему, глобальный мировой порядок, пусть даже под диктатом силь-

нейшего общества – и, заметьте, далеко не самого худшего – это всё-таки лучше, чем грызть каждого с каждым за кусок хлеба и глоток воды, хотя, наверное, с этим мнением можно спорить.

Глава 15

Дни рабства

Сан Саныч старался гнать от себя мысли о глобальном. Его комета пролетела, принеся неисчислимы бедствия. Когда ещё придётся вернуться к астрономии. Сейчас другая задача – выжить. И не только выжить, но и остаться людьми. Может быть, он это понимал несколько по-своему, но для себя не видел цели более значимой, чем благоденствие Аси. Он укутал её любовью и вниманием. Даже занятый работой, не упускал случая, чтобы лукаво не перемигнуться с нею или не послать воздушный поцелуй. Смешил её весёлыми анекдотами и разными небылицами. Вспомнил одну замечательную игру для взрослых, придуманную молодой парой его однокурсников в студенческие годы. Называлась она “Дни рабства”. По очереди один из влюблённых объявлял себя на целый день рабом, а другого – полным своим властелином и исполнял любые, даже самые сумасбродные его желания, имея, впрочем, возможность “отыграться”, став властелином на следующий день.

В развитии воображения и изобретательности ни Асе, ни Сан Санычу отказать было нельзя, поэтому первый же “день рабства” занял у них всё свободное время. Рабом провозгласил себя он. Ася тут же объявила себя “дочерью убитого индейского вождя”, а Сан Санычу приказала стать её алчным, беспощадным и похотливым “завоевателем”. Он мгновенно вошёл в роль: расправил плечи, набычился, сделал страшное злорадное лицо, схватил свою жертву, повалил наземь, наступив ногой на грудь:

– Ааа! Ты дочь проклятого вождя! Я видел, как ты подавала ему отравленные стрелы, чтобы сразить моих воинов! Ты умрёшь! – он занёс над её головой воображаемый меч. – Нет!

Пожалуй, я оставлю тебе жизнь ещё на несколько мучительных часов, ты страданиями своими заплатишь мне за гибель моих солдат! Вот тебе! – и он с размаху “ударил” её по голове рукоятью воображаемого меча.

Она “потеряла сознание”. Злорадно рыча, он сорвал с неё одежду и привязал за растянутые руки и ноги к крючьям в стене, “плеснул” в лицо водой:

– Приходи, приходи в сознание, чтобы видеть свои муки, – он “со всей силы” стал хлестать её верёвкой по груди и животу. – Этот бич – ещё только лёгкое прикосновение мотылька по сравнению с тем, что тебя ожидает...

Она извивалась и мучительно стонала, подыгрывая ему. Потом он “жестоко” насиловал её. Она, закрыв глаза, “кусала губы” и рвалась как раненая птица.

– Дело продолжит этот раскалённый железный прут, – он взял черенок лопаты, долго “калил” его, затем стал прикладывать его к нежным частям тела “жертвы”. – Аромат палёной плоти ласкает мне ноздри, а крики и стоны волнуют мне кровь. Ещё не все мои рыцари отмщены!

– О боги! Спасите меня! Пошлите мне смерть! – рыдая, молила девушка.

– Нескоро ты умрёшь – не раньше, чем насытишь мою похоть, – злорадно смеялся над её мученьями “наильник”, раз за разом овладевая её прекрасным трепещущим телом.

– Как жаль, что я сама не пронзила тебя своей отравленной стрелой, презренный бледнолицый! – её рыдания сменились гневом.

– Такая ты лишь больше возбуждаешь мои страсти! Как высоко вздымается твоя пленительная грудь! Мои собаки голодны. Я отсеку твои соски на корм моим собакам. Смотри ж, как славно режет меч... гляди, гляди, дерутся псы, кровавой рады пище, зубами рвут на части твои груди!.. Теперь мой меч, проливший реки вашей крови, познает и тебя!

Жестокий завоеватель медленно, толчками “вонзает меч” во чрево истязаемой жертвы.

– Я погибаю в страшных муках, но и ты подохнешь, злой поработитель! Я отравила своё тело медленным ядом! Смерть твоя неминуема, а муки неутолимы! Я отмщена!

– Ой, ой, огонь терзает моё жало, пылают руки! За что, за что все эти муки ада? – насильник корчится в “адских муках” и хватается за свой “меч”. – О, похотливый член, исчадь ада, основа всех людских страданий! Я отсеку тебя... и руки...

Драматическая развязка прерывается. По закоулкам крепости раздаётся призывный голос Зои, дежурящей на камбузе:

– У-жи-нать!

“Конкистадор” осторожно отвязывает свою “жертву”, а та чмокает его в плечо:

– Сначала – в душ, мой верный раб. Ты мне понравился сегодня!

За ужином Сан Саныч и Ася всё время молчали, не поднимая друг на друга глаз, то ли воскрешая в памяти сладостные минуты, то ли стесняясь и стыдясь своих переживаний. Это не осталось незамеченным окружающими, но подать виду никто не решился.

Потом, после вечерних работ, уже в постели, обнимая тихо посапывающую Асю, Сан Саныч долго раздумывал, почему же так нравится людям наслаждаться мученьями других людей, почему истязаниям чаще подвергаются самые красивые и здоровые, почему так болезненно изощряются над детородными органами, почему животные и прочие твари, не наделённые разумом, не мучат и не убивают друг друга понапрасну. Нет, в это чудовищное свойство человека разумного природа наверняка вложила какой-то смысл.

Ася приоткрыла глаза и произнесла сквозь сон:

– А у нас гости.

Сан Саныч встрепенулся, вскакивая с койки.

– Да это собаки, собаки прибежали, – ласково удержала его она.

– Откуда ты знаешь?

– Я просто вижу. Они у погреба с рыбой.

Сан Саныч встал, накинул одежду и поднялся на мостик, включил прожектор. У погреба, куда складывали заражённую рыбу, он увидел трёх собак. Две из них помельче, неопределённой породы, лапами пытались разрыть плотный снег. Третья, большая, чёрная и мохнатая, ждала в сторонке. От луча прожектора две первые с лаем бросились врассыпную, а большая собака молча сделала несколько шагов навстречу и села.

Сан Саныч выключил луч и спустился к Асе.

– Ася, а как ты узнала про собак? – с удивлением спросил он.

– Не знаю, я вроде вижу их. Две отбежали от луча, а чёрная лохматая не испугалась. Ты знаешь, я, кажется, в этой темноте ощущаю всё, что творится внутри нашей крепости и снаружи... как в полутьме, но совершенно отчётливо. Мне и раньше иногда это казалось, но сейчас это совершенно очевидно, – немного испуганным голосом проговорила Ася. – Все спят, и Юра на вахте... и эти собаки... и как скользит луч прожектора.

– Открылось ясновидение? Ты видишь всё насквозь?

– Не знаю... но вижу, что у тебя в карманах лежит, и в автомате на стене не хватает одного патрона в магазине. А собака эта очень умная и добрая, она, кстати, из России. Её зовут... Арна.

Точно Арна! Она спаслась с погибшей яхты.

– Я всегда считал, что ты – чудо! Ты – богиня, сошедшая на землю.

– Все мы боги, только этого не понимаем...

* * *

Сан Саныч проснулся поздно. Ася уже встала, оделась и вертелась перед зеркальцем, с особым старанием прихорашиваясь. Только она заметила, что он открыл глаза, бросилась к нему, опустила на колени, простёрла свои нежные руки:

– О, повелитель! Приказывай своей рабе. Я истомилась от любви к тебе. Я исполню все твои самые сокровенные желания.

– Асенька, я не могу тобою повелевать, ты же...

– Давай, давай, Саныч, не отлынивай, для кого же я старалась, всю рожуцу намалевала, сам же придумал. О, властелин мой, не гони рабу в порыве нежной страсти! Лучше убей!

Сан Саныч взглянул на Асю. Сон мгновенно слетел. На него своим испепеляюще-знойным взглядом смотрела незнакомая женщина ослепительной красоты. Необычно уложенные волосы с вплетёнными ниточками бус, короткая чёрная обтягивающая кофточка, не закрывающая живот, браслеты, серьги, перстни... тонкое чёрное трико.

“Вот женщина, которой должны поклоняться короли! – подумал Сан Саныч. – Надо стать королём, хотя бы на время.”

Он скинул с себя одеяло, оставаясь в одних плавках, развалился, подбоченясь, лёгким важным жестом разрешил к себе приблизиться, снисходительно взирая на свою “рабу”, поигрывая мышцами:

– Прильни ко мне, моя рабыня! В походах долгих и битвах кровавых мечтал я о тебе. Не забывал я твои ласки. И ты, я вижу, ждала меня, мне верность сохраняя. За это будешь ты моею первою женою, царицей всех моих владений.

– Мне только сердцем твоим владеть бы безраздельно – и счастлива была б твоя рабыня!

– За время странствий и в сраженьях я много понял. Что стоят все богатства мира в сравнении с твоей любовью! Один твой поцелуй... да за него и жизнь свою отдали б тысячи из тысяч воинов. Один твой взгляд повергнет страны к твоим стопам. Один твой нежный вздох усладой напоит получше влаги из хрустального кувшина. С тобою близость вожденней рая. И суждено родить тебе героя!

– Ах, вместо б слов немного дела...

– Иди ж ко мне, моя царица!

Тела влюблённых сплелись в объятиях и страстных ласках, горячее желание постепенно достигло своего предела, захлестнуло жаркими волнами, прошло токами высокого накала и разрешилось буйством плоти.

Принимая душ, он мимолётно взглянул на себя. В отполированном листе дюрала, довольно сносно заменявшем разбившееся зеркало, он увидел спортивного вида мужчину, так не похожего на суховатого и сутуловатого кандидатишку, каким он был до встречи с Асей. Влияние любящей и прекрасной женщины преобразило его. Он делал многое, чтоб дотянуться до своей королевы, какой он видел Асю. Он должен был стать крепким, чтобы защитить её, любимую, несущую дитя.

Вечером, в завершение своего дня “властвования”, Сан Саныч устроил Асе и всем обитателям крепости культурную программу. Вспомнил, что на корабле имеется видеомагнитофон, и, порывшись в видеотеке, организовал просмотр короткометражек Чарли Чаплина, а затем под бутылочку “Каберне” показал очаровательный фильм “Шербурские зонтики”.

Испытывая чудесное настроение, полное утончённых нежных чувств, навеянное мелодраматическим сюжетом и очаровательной французской музыкой, Сан Саныч и Ася долго бродили обнявшись по ледяным тоннелям. Затем лежали в постели... Ася прижала к себе его руку, тихонько тёрлась носиком о его плечо. Они были счастливы и в этот вечер.

Глава 16

Гости с материка

Собаки неожиданно обнаружили себя – забрались в малый туннель, из которого шёл тёплый воздух, и перекрыли его, нарушив вентиляцию крепости. Выманить их оттуда удалось солидной порцией пищевых отходов и несколькими рыбинами. Когда собаки наелись и разлеглись, к ним вышел Юра. Раньше у него была собака, и он немного разбирался в их поведении. Он вытащил им солидную добавку, на неё они сразу же и набросились. Произнося ласковые слова, одной рукой Юра орудовал дозиметром, в другой на всякий случай сжимал пистолет.

Большая чёрная собака действительно отозвалась на кличку Арна и, радостно поскуливая, всё пыталась лизнуть Юрину руку с пистолетом, весело помахивая коротким хвостиком. Она оказалась довольно чистой от радиации. Это была крупная, но порядком исхудавшая самка чёрного терьера.

Две другие собаки, по всей видимости, страдали лучевой болезнью. Шерсть клоками выпала, из ноздрей тянулись тонкие струйки крови. Счётчик радиации около них резво пощёлкивал. Но они тоже вслед за Арной, которую почитали за вожака, завилияли хвостами, проявляя дружелюбие.

Чтобы разделить собак, пришлось им соорудить две конуры по разные стороны крепости, в которые подвели часть тёплого воздуха. Юра указал Арне её место, и смышлёная собака быстро научила двух других не посягать на её жилище. Кормить их стали тоже раздельно. Арну – “с барского стола”, а двух других, обречённых на скорую смерть – досыта отбракованной рыбой.

Арна быстро подружилась со всеми обитателями крепости, часто играла и просила ласки, впрочем, всё-таки выделяя Юру как хозяина. Конечно, собаки были прекрасными сторожами, однако капитан и Славко высказывали опасение, что их лай, слышный издали, может оказаться демаскирующим фактором. Но Арна совсем не лаяла, издавая в нужных случаях только короткий низкий “гав”, выдававший скрытую мощь. Две другие быстро сдавали, всё больше лежали, грустными глазами провожали обитателей крепости, занятых своими делами.

Радиация спадала быстрее прогнозов. Объяснений этому найти никак не удавалось. Похолодание тоже далеко не достигло предполагаемой силы. Начало ощущаться суточное колебание температуры воздуха. Хоть это были факторы благоприятные, Сан Саныч и особенно Евгений чувствовали себя немного уязвлёнными. А капитан и Славко, два признанных стратега, сделали вывод, что скоро надо ждать гостей, и начали к этому готовиться.

Разыгрывание оборонительных операций с участием всех, кроме повара и Вареньки, стало ежедневным, через день проводились учебные тревоги и бои. Капитан конструировал и мастерил какие-то приборы. Сан Саныч и Юра помогали ему в сборке, не совсем понимая предназначение создаваемых устройств. Евгений обучал “бойцов” приёмам каратэ, а Славко – владению оружием, солдатскому мастерству ведения боя, всяким хитрым уловкам, способам оказания первой помощи.

По вечерам капитан читал пространные лекции по теории ведения боевых действий. Он был изощрён в знании своей науки, образно описывал боевые ситуации и особенности вооружения. Он ловко манипулировал теорией игр и вероятностей, мгновенно указывал наилучшие решения, поражавшие своей неординарностью. Всем казалось, будто они только что просмотрели захватывающий боевик о похождениях гениев войны, побывали в штабах стратегов и лабораториях разработки оружия.

И вот однажды вечером залаляли собаки. Сыграли боевую тревогу. Мгновенно все заняли свои места. Издалека послышалось надрывное жужжание моторов. Звук нарастал, немного смещаясь по горизонту. Замаячил свет фар. Двигались две машины и, наверное, проехали бы

мимо, да две глупые шавки, которых не удалось унять, бросились с лаем на свет. Машины, естественно, свернули в сторону крепости и, сопровождаемые захлёбывающимися от лая собаками, упёрлись в неё фарами.

Это были снегоход и потрёпанный джип со снятыми глушителями – нелишняя предосторожность, чтобы не накапливать радиоактивную пыль.

Увидав на снегу множество человеческих следов – это наши стратеги тоже отметили как явный прокол в обороне – разномастно одетые люди вскинули автоматы и осторожно объехали вокруг крепости на расстоянии прицельного выстрела.

– Есть, кто живой? Выходи! Чья берлога? Излишки продовольствия есть? – послышался возглас на ломаном английском, подкреплённый парой выстрелов в воздух.

Шавки, испугавшись пальбы, пустились наутёк и забились в свою конуру, продолжая оттуда злобно рычать.

Крепость молчала. Дизель-генератор заблаговременно остановили.

Снегоход обнаружил погреб заражённой рыбы. Люди начали, было, забивать ею джип. Увидев, что грабители посягнули на их пищу, собаки остервенело бросились на обидчиков, но были остановлены неприцельной автоматной очередью и страшной бранью, в которой защитникам крепости послышалось что-то знакомое.

Покончив с рыбой – а её было не менее полутонны – люди долго о чём-то совещались, мелькая в свете фар, обращая взоры в сторону крепости. Затем, видимо, решив, что затерявшаяся во льдах безмолвная гора льда представляет чей-то потайной продовольственный склад, с опущенным оружием спокойно двинулись к ней на машинах.

Как только машины подъехали совсем близко, капитан гуднул сиреной. Снегоход тут же бросился в сторону, а джип попятился назад и, не выключая фар, остановился на приличном удалении. Через несколько минут машины уехали куда-то в сторону и постепенно исчезли в темноте.

О затерянности “Командора” в ледяной пустыне говорить больше не приходилось. Шавок посадили на привязь так, что можно было из крепости затянуть их внутрь или отвязать на волю. Следы вокруг крепости тщательно замели.

Следующих гостей обнаружила Арна. Она исторгла два коротких “гав” и сделала стойку в направлении, откуда минут через двадцать появились два лыжника на самодельных лыжах. Из темноты вышли старик и мальчик, в масках, закутанные в разнопёстрое тряпье. За стариком на верёвке волочился большой пластиковый мешок с пожитками.

Капитан распорядился впустить путников в предбанник, не выдавая присутствие корабля. Одел всё военное с кобурой и бронежилетом, стараясь сойти за офицера на дозорном пункте.

Старик-грек прекрасно говорил и на английском, и на немецком, и, наверное, ещё на многих языках. Он оказался учёным-селекционером, бегущим, как он выразился, от “троглодитского кошмара” на материке. Славко, увешанный оружием, принёс горячий кофе и по миске наваристой ухи с сухарями. Путники поели, обогрелись. Старик страдал простудой, обострённой лучевой болезнью, говорил с трудом. Было вообще не понятно, как он проделал столь значительное расстояние, в такой мороз.

– Я скоро умру, – сказал он. – Я хочу только спасти внука. Бандиты забрали его мать – мою дочь – и все средства к существованию. На одном из островов, в сотне километров отсюда, живёт наш состоятельный родственник.

– А если с ним что-либо случилось? – спросил капитан. – Кругом творилось такое...

– У нас нет другого выхода. Там оставаться невозможно. Города и посёлки превратились сначала в руины, а затем в морги с горами замороженных трупов. Мы отсиживались в подземной оранжерее для выращивания грибов. У нас было почти всё необходимое, а грибы могли

кормить нас ещё много лет. Дьявол попутал нас, когда мы решили выйти наружу, чтобы обменять излишки грибов на другую пищу.

Старик глухо и сдавленно закашлялся. Славко принёс ему амнофиллин и горячего чая.

– Нас схватил какой-то отряд, как они заявили, обеспечивающий население продовольствием. Угрозами заставили указать, где взяли грибы. Потом на моих глазах... изнасиловали дочь и внука... её забрали с собой, нас выгнали наружу. Какое-то время мы прятались в холодном подвале, где были лишь умирающие от облучения и голода. Больше никуда не сунешься. Ото всюду стреляют без предупреждения и разбора. Чем питаться? Даже трупы поцелее собирают в переработку. А живых, не могущих себя защитить, хватают прямо на улице и тут же разделяют – легче тащить. Я видел, как за волосы волокли женщину с отсечёнными руками и ногами, а она ещё взывала о помощи. Тащивший ударил её же рукой. Когда же она не умолкла, он отрезал ей грудь и запихнул в рот. На углу его самого убили и отняли добычу.

– А что же власти?

– Власти и кто побогаче да поумнее не высовывают носа из своих комфортабельных нор, набитых припасами. Подступы заминированы, мотки колючей проволоки под током, пулемёты... На то, что творится снаружи, им наплевать. Они спасают себя, цвет нации. Хоть кто-то имеет шанс уцелеть. Естественный отбор. А наверху – холод, тьма, радиация, смерть. Повсюду банды отчаявшихся, обезумевших и обречённых людей с оружием – стаи бешеных волков. Все палят во всех. Впрочем, кто в бункерах, тоже не в безопасности, пускают друг в друга ракеты. Ракеты оказались у всех. Куплено за деньги. Американский плутоний, русская красная ртуть. Атомный фейерверк... Мы – зубы дракона! Да, мы – проросшие зубы дракона. А всё, что происходит вокруг – карнавал самоубийц.

Старик опустил голову, закрыл лицо руками.

– Отдохните, отогрейтесь, мы вам дадим немного еды на дорогу и пистолет, прервал длительное молчание капитан.

От оружия старик категорически отказался, но попросил ещё несколько таблеток лекарства.

– А как вы ориентируетесь? – спросил Славко. – Как вышли на нас?

– Шли по компасу, направление стрелки определяя на ощупь. Но она иногда крутилась как бешеная. Потом вышли на следы машин, примерно нужного направления. К вам бессознательно завернули на запах. От вас слишком вкусно пахнет.

Путники выспались, поели и ушли, поблагодарив обитателей крепости. Последними словами старика были: “Берегитесь детей! Не пускайте к себе. Это – мины”.

Посещение оставило у обитателей крепости тягостное, гнетущее впечатление. Радио не отражало всего ужаса, происходящего вокруг. “Командор” представлял собой островок благополучия посреди окружавшего его бушующего океана зла. В любую минуту чудовищные чёрные волны могли накрыть его. В любой момент он мог исчезнуть в пучине.

Но унывать было некогда.

В благодарность старик оставил три крошечных пакетика с семенами. Разобрав микроскопические надписи по латыни, определили, что это семена лука, капусты и споры грибов.

Сейчас это был бесценный подарок. Решено было немедленно начать выращивание. Недосток витаминов мог сказаться. Но как выращивать? Где? В чём? В спешке бегства из Крыма как-то упустили, что надо было захватить с собой хоть несколько мешков земли.

Собрали “военный совет”, теперь уже по самому мирному вопросу. Поскребли в своих закоулках знаний по огородничеству, гидропонике, почвоведению. В результате смоделировали на компьютере рост растений, оборот основных веществ, получили примерную картину того, что нужно.

Сначала решено было изготовить почву. Из всех мельчайших закоулков корабля собрали всю нерадиоактивную пыль, выскребли ржавчину, вырезали все подгнившие места у деревян-

ных элементов внутренней отделки, пропылесосили одеяла и бельё, добавили пепел от сожжённого мусора, удобрили фекальными отходами. Как наполнитель использовали пробковую и пенопластовую крошку из спасательных кругов. В дело пошёл даже тот самый промасленный ватник, которым затыкали трещины в обшивке. Его пришлось подпалить. Над изготовлением микроудобрений поколдовал Славко.

Самым тёплым, светлым и просторным помещением, подходящим под “плантации”, было машинное отделение. Теперь женщины надолго стали его обитателями. Зато скоро зелёный лучок стал постоянной приправой к пище. С капустой и, особенно, с грибами пришлось повозиться. Достали и пустили в дело и семена, привезённые из Крыма. Добавка к питанию была незначительная, но приятное разнообразие было принесено.

Несколько недель ничего особенного не происходило. Сан Саныч заметил, что живот у Аси стал заметно округляться. Он пытался теперь укрыть свою любимую особой заботой. Перевёл буйство дней рабства в спокойное русло нежной любви, ласки, прогулок, интересного чтения, приятных бесед с друзьями. Пары стали ходить друг к другу в гости. Ася пополнила и, как все отметили, похорошела, засветилась особой женской красотой.

Однако она никак не хотела прерывать дни своего владычества и, оберегая ребёнка, проделывала с Сан Санычем такое, о чём он сам никогда бы не отважился попросить. Она хотела, чтобы он не испытывал никаких неудобств, связанных с её беременностью.

Строгий доктор Славко, следивший за состоянием здоровья всех членов экипажа, особое внимание стал уделять Асе, с удовлетворением отмечая отсутствие каких-либо нарушений. Но больше всего времени он тратил на подготовку операции Вареньке. Предстояло исправить её врождённое уродство – вывернутые назад стопы ног.

В тайне от неё и капитана, с помощью Евгения проработал операцию на компьютере, её последствия и возможные осложнения, чтобы выбрать оптимальный план хирургического вмешательства и дальнейшего лечения. Разработал необходимый инструментарий. Мастерские Сан Саныч и Юра по чертежам изготовили всевозможные скальпели, зажимы, штыри, скобы и много всего прочего.

После того, как по этой части всё было готово, решили подготовить Вареньку. Поговорить с ней доверили Сан Санычу.

Улучив удобный момент, он подошёл к ней, осторожно взял за руки, заглянул в глаза и просто сказал:

– Милая Варенька, ты хочешь сделать капитана самым счастливым человеком на всю жизнь, даже если тебе будет очень больно.

– Да! – без тени колебаний с затаённой надеждой ответила она.

– Тогда пусть так и будет. И ты тоже будешь самой счастливой.

Друзья показали ей всё, что подготовили, включая компьютерный фильм, демонстрирующий ход операции, заживление, последующую работу суставов.

Варенька выказала твёрдую решимость хоть сразу лечь под скальпель.

Славко не терпел ненужной поспешности, к делу подошёл обстоятельно. Тщательно обследовал пациентку, подготовил ассистентов – Евгения, Марину, Елену, Зою и Андрея, терпеливо отрепетировал все моменты.

Доложил капитану. Тот, оценив обстановку, дал “добро”, отмечая, что лечение Вареньки совпадёт с родами Аси и это сократит период повышенной уязвимости “Командора”. Надо было учитывать даже такие стратегические тонкости, чтобы свести общий риск до минимума. Он больше ничего не сказал Славко, но тот прочёл в его глазах бездну чувств.

Поднялась снежная буря. Ветер завывал со страшной силой. Дико свистел в бойницах и антеннах. Как из пескоструйки сёк жёсткий снег. Иногда даже казалось, что сквозь чёрную мглу проблёскивали молнии. Наружу просто невозможно было показать и носа. Капитан и Славко

решили, лучшего момента для операции не придумать. В такую погоду никто не сунется, не потревожит.

В операционную была превращена капитанская каюта, самая большая, светлая и чистая. Операция длилась восемь часов. Все поняли, Славко – бог.

Семьдесят часов бушевала буря. Никогда ещё капитан не прислушивался к рёву стихии с таким наслаждением.

Глава 17

Бибабо

По заключению Славко, операция удалась. Варенька перенесла её молодцом. Появился совершенно новый человек. Обитатели крепости испытывали приподнятое настроение. Казалось, даже больные собаки улыбались, а Арна просто не находила себе место от восторга.

На третью ночь Ася разбудила Сан Саныча:

– Нам грозит опасность. К нам идут. Я вижу вереницу машин и танк.

Сан Саныч оповестил капитана, дежурившего у Вареньки, и рассказал ему, как Ася видела появление собак. Капитан объявил полную боевую готовность.

Через пять часов гостей почувствовали и собаки, а ещё через час к крепости подползла вереница из джипа и двух грузовичков. Замыкал колонну небольшой колёсный танк, тянувший за собой здоровенные сани-волокуши. Остановились метрах в двухстах. Фары и ствол пушки уставились на крепость.

Джип по большому кругу стал медленно объезжать вокруг крепости.

– Смахивают на фуражиров крупной группировки какого-нибудь местного полевого командира. Это – шакалы, – заключил Славко. – Последите за джипом. Они просто так горючку тратить не будут.

Капитан в прибор ночного видения заметил, что джип оставил на снегу позади крепости четверых залёгших боевиков:

– Грубо сработано. Могли бы и пораньше их скинуть, да, видать, не охотники они до марш-бросков.

Боевики спереди крепости со вскинутым оружием припали к машинам. Человек десять вскочили на броню танка, и он стал выдвигаться вперёд. Капитан насчитал в общей сложности до тридцати человек.

Медленно приближаясь, танк надрывно рычал, нагло нарушая привычную тишину. С танка раздался противный голос, усиливаемый рупором. На самом настоящем русском языке с лёгким южным акцентом кто-то невидимый прокричал:

– Приказываю сдать излишки продовольствия! За сопротивление будете уничтожены. Оружие выбросить наружу. Найдём внутри – из всех сделаем шашлык. Отдадите по-хорошему – никого не тронем!

Послышался злорадный смех.

– Ничего себе, землячки! Вот уж не ожидал! Вычислили всё-таки, – в полголоса воскликнул капитан и приказал всем, кроме Славко, спуститься вниз, передал ему инфракрасный бинокль:

– Слав, возьми на себя тех четверых, если что...

– Есть, кэп, – шепнул тот и ласково погладил свой автомат.

С танка продолжали выкрикивать команды и угрозы, перемежаемые грубым смехом боевиков. Капитан и Славко отползли от того места, куда смотрело орудие, в разные стороны корабля. Тем временем четвёрка с тыла в полроста быстро подходила к крепости. Славко разглядел одного с гранатомётом, подполз под внешний бруствер и затаился.

Бабахнула танковая пушка. Снаряд разорвался со страшным грохотом, вырвав приличный кусок ледяной стены.

Четвёрка тут же полезла на стену и, как только боевики показались над верхней кромкой в лучах фар, раздалась короткая очередь. Все четверо с разорванными головами повалились внутрь.

Боевики горохом рассыпались с танка и залегли. Через несколько секунд танк бабахнул в то же место ещё раз. Его поддержали выстрел из гранатомёта и пара остервенелых очередей. Ещё немного и они достанут до корабля!

Капитан знаками приказал Славко быстрее спуститься вниз, схватил микрофон и по громкой связи, которая, к счастью, не пострадала, прокричал:

– Стойте, стойте! Не стреляйте!

Он выставил вверх длинный мерный шест и стал размахивать привязанной к нему белой наволочкой в крупный горошек.

Стрельба прекратилась, послышались разноязычные злорадные возгласы.

Держа необычный флаг, капитан медленно поднялся над крепостью. Он был в бронежилете и шлеме с глухим забралом. Воткнул шест в снег и поднял вверх правую руку. На руке его была надета кукла бибабо в красном кафтанчике. Вместо головы – тёмный стеклянный шар с напыленным шутовским колпачком.

– Смотрите, смотрите, все смотрите! – раздалось через микрофон. Кукла завертелась, задёрнула головой и руками. – Представление начинается!

Из рядов нападавших послышались возгласы удивления. На какое-то мгновение взоры всех привлекла смешная кукла:

– Все смотрите! Такого вы больше не увидите!

Чудовищной силы вспышка с тончайшим визгом взорвала темноту. Передние ряды нападавших снопами повалились на снег. Находившиеся у дальних машин с дикими воплями схватились за глаза. Наугад грохнула танковая пушка, но уже никак не смогла достать капитана, нырнувшего в люк.

Внизу он сорвал забрало и поцеловал куклу в головку.

– Ну, мужики, теперь за дело!

Все похватали оружие и выскочили наружу. Местность вокруг залилась мощным светом прожекторов. У дальних машин с криками и стонами металась боевики, пытаясь найти свои машины и залезть в них. Многих из них настигли пули. Нескольким удалось забраться в грузовик и тронуться. Грузовик, повилявая в стороны, описал небольшой круг и подставился под гранатомёт Славко, мгновенно превратившись в яркий факел.

Танк пятился назад, раздавив свои сани. Ещё раз выстрелил, но снаряд улетел в никуда.

– Его нельзя отпускать! – прокричал капитан.

Славко схватил гранатомёт одного из нападавших и попал точно в середину. Но танк не остановился.

– Сам приедет, – процедил Славко, отбрасывая гранатомёт.

– Без глаз ходят только кругами.

И действительно, светлячок танковой фары описал в тёмной дали большой круг и приполз к крепости. Оставалась ещё одна кумулятивная граната, но капитан приказал её побережь.

– Быстро давайте трос! – скомандовал он.

Бравые моряки мгновенно размотали стальной трос с “Командора”, и Сан Саныч с Женькой ловко накинули петлю танку на крюк. Трос натянулся струной, но выдержал. Танк стал зарываться колёсами в плотный снег, докопался до твёрдого гладкого льда и забуксовал, как букашка на стекле.

– Попался, жук навозный! – весело воскликнул Сан Саныч, пиная его ногой.

Забраться внутрь танка или как-то его остановить на морозе не удалось, и он копошился на привязи, пока не заглох.

– Жалко солярки, – сетовал капитан, – литров триста зазря спалил.

Вокруг стало тихо. Только ровно молотил вспомогач, еле слышный сквозь толщу ледяной брони, да безмолвно скользил луч прожектора, обшаривая поле необычной битвы. Никто не шевелился.

Капитан подождал ещё – опасался подхода подкрепления или затаившихся боевиков – и послал Славко и Евгения на разведку. С автоматами наизготовку, перебегая от тела к телу, под прикрытием остальных, они медленно обшарили окрестности крепости. Никого в живых не осталось. Никто не ушёл. Если кто и не был сражён насмерть в короткой схватке, того добил мороз.

Мотор уцелевшего грузовика, выдавшего виды “Форда”, ещё оказался тёплым, видать, заглох совсем недавно. Долили бензина, завёлся. В его кузове оказались два заледеневших трупа: раздетые и связанные мужчина и женщина со следами зверских истязаний.

– Такая же участь ожидала и нас, – сказал Славко. – Этот почерк мне знаком.

К себе привлекла внимание Арна. Она встала на задние лапы и передними скребла по броне танка.

– Там может быть кто-то живой! В укрытие! – скомандовал капитан. Все попрятались кто куда.

Капитан подполз к танку в слепую зону сзади и с силой постучал по броне прикладом. Послышались слабые стоны.

– Чёрт! – выругался капитан. – Работа с недоделками. Теперь масса проблем. Приказываю открыть люки! В противном случае на дно вместе с танком!

В ответ только стоны. Капитан повторил по-английски и по-немецки. Никакого результата.

Подполз Славко, повторил по-сербски. В ответ слышалась лихорадочная скороговорка:

– Пощадите! Я никого не убивал! Я никого не убивал! Я – мирное население. Мне нечего было есть. Меня заставляли... Я тяжело ранен.

– Все они так поют, когда их прижмёшь к стенке, – сквозь зубы процедил Славко, – а отвернёшься, пустят пулю в спину.

– Пощадите, меня можно обменять на двоих ваших, – не унимался в танке. – Мы их захватили перед выездом. Они сопротивлялись...

– На двоих наших? Это уже интересно! – зло прорычал Славко.

– Да, да! Поменяйте меня на двоих ваших. Они там, в грузовике.

– В грузовике? Если ты так просишь, я обещаю тебе это, я, Славко Младич!

– Да, да, там двое ваших...

– Вылезай, руки вперёд! – скомандовал Славко.

Прогремели запоры, люк медленно откинулся.

Славко вырвал боевика из танка как кильку из банки. Словно клещами, одной рукой обхватил ему мизинцы рук, обыскал и вытащил из-за его спины заряженный пистолет.

– Обмен состоится немедленно! Помогите мне связать его.

Боевика, который был, возможно, только слегка контужен, подвели к грузовику. Когда его зрение чуть прояснилось, он увидел два изуродованных трупа, заверещал во весь голос и стал молить о пощаде:

– Нет! Я всё расскажу, у вас будет много продовольствия, девочек и золота...

– Ты сам этого хотел, а я не изменяю своему слову, – коротко отрезал Славко. – В кузов!

Бандита оставили в кузове. Трупы мужчины и женщины отнесли в танк, который стал им временным склепом. Потом их похоронили в ледяной могиле, привязав к ногам тяжести. Лёд растает, их поглотит море.

Капитан отдал команду, чтобы не осталось никаких следов сражения. Собрали оружие и боеприпасы, танк обложили глыбами льда. Получилась ещё одна крепостная башня. Орудийная. В танке оставалось с десятков снарядов и ящик патронов к заклинившему крупнокалиберному пулемёту, который потом починили. Для грузовика соорудили ледяной гараж. Долго, в

три смены, выдалбливали двухметровый лёд, чтобы всё остальное пустить на дно, на километровую глубину. Вокруг крепости стало чисто.

Женщины обвинили Славко в излишней жестокости. “Это же был пленный”, – говорили они. Тогда Славко стал рассказывать, какие неслыханные преступления были совершены такими, как этот, во время войны против его народа, и сколько его народ вынес потом несправедливости. Мужчины и Ася встали на его сторону. Спор прервал капитан:

– Всю ответственность я беру на себя. Это был не пленный, а коварный и опаснейший бандит, захваченный с оружием на месте преступления. Никто из напавших на нас, не должен уйти живым, он должен исчезнуть. Иначе нам не продержаться. Война. Точнее, то, что сейчас творится, даже не подходит под понятие войны. Это хуже войны. А этот бандит сам выбрал свою участь. Гуманность к непримиримому врагу – предательство по отношению к его жертвам. Бывшим и будущим.

Подобные споры больше не возникали.

Скоро родила Ася. Роды были нетяжёлыми. Принимали Славко и Зоя. Сан Саныч присутствовал. Ася и стонала от боли, и смеялась от радости. Громче всех закричал пацан, крепкий, розовый, голосистый.

Женщины суетились. Забот им прибавилось. Пелёнки, распашонки, кашка...

В “клинике” доктора Славко насчитывалось теперь три пациента, а Зоя и Елена – в медсёстрах. Анна Николаевна, бабушка, тоже не выпускала малыша из своих рук.

Никак не могли придумать имя мальчику. Что только не предлагали... В итоге, решили не торопиться, называя его просто маленький юнга.

Юнга быстро рос, схватывал всё на лету, а в глаза заглядывал так, будто он всё уже знает и лишь играет в детство. Мама Ася была сама забота. Малыш часто веселился, смешал сам себя какими-то непонятными словами. Без улыбки смотреть на него было невозможно. Папа Сан Саныч не знал, куда себя деть.

Доктор Славко рекомендовал с первых дней закаливать малыша, но тот и сам обожал холодную воду, рвался поваляться голышом в снегу, радостно при этом визжал. Словно капелька ртути, был постоянно в движении.

Наблюдательному Сан Санычу как-то показалось, что малыш тянется к игрушке, скрытой от него непроницаемой стенкой. Неужели и он видит всё насквозь? Он попытался поставить эксперимент, передвигая игрушку в другое место, но малыш, глядя умными глазами, как будто сразу догадывался, что от него хотят, переставал указывать ручонками, заводя экспериментатора в тупик, весело при этом смеясь. Кто над кем экспериментировал?

Послеоперационный период у Вареньки проходил нормально. Ася своим необъяснимым влиянием помогала снимать боль и заживлять шрамы. Славко дивился этому, хотя и встречал подобное в своей практике.

Сан Саныч соорудил великолепные костыли, используя откидные приклады автоматов. Варенька, поддерживаемая сияющим капитаном, заново училась ходить. Только теперь все разглядели, что она, помимо прочих ярких достоинств, в полной мере обладает данными фото-модели.

Варенька радовалась всему, как ребёнок.

Приближалось Восьмое марта. По инициативе Юры и в тайне от женщин, были выращены из семян настоящие живые цветы – малюсенькие фиалки. На праздник готовили только мужчины, исключая Андрея, несшего вахту наблюдателя. Капитан вообще умел всё. Испёк такой торт, что женщины просто ахнули.

Варенька смогла уже несколько шагов сделать сама, и получилось у неё это очень грациозно – не хуже, чем у манекенщиц на подиуме. Сорвала аплодисменты.

Славко обратил внимание на одно странное обстоятельство. Периодически, в определённое время, с усилением примерно раз в месяц, обитатели крепости, да и сам он, чувствовали

себя как-то неважно, а Ася просто валилась с ног, не могла поднять и руки, голова у ней раскалывалась от непонятной боли. Но потом это довольно быстро проходило. Славко ломал голову, но не мог найти ответа.

Сан Саныч и Женька, тоже регулярно испытывавшие дискомфорт, попытались с помощью компьютера выявить общую тенденцию.

– Луна! – стукнул себя по лбу Сан Саныч, разглядывая построенные кривые. – Самочувствие отслеживает появление Луны на небе, с максимумом в полнолуние! Точно, как дважды два.

Внимательно сопоставив факты, Евгений и Славко с ним согласились. Изменения в самочувствии как-то были связаны с Луной.

Сан Саныч осторожно спросил Асю, что она думает по этому поводу.

– Да, это Луна забирает нашу энергию. Она работает. Она нам помогает... – было её ответом.

– Но как? Что конкретно она делает? Чем нам можно помочь? – допытывался Сан Саныч.

– Происходит что-то очень большое, во всём нашем мире. Я точно не могу сказать, объяснить словами, – ответила Ася. – Вы – учёные. Ищите.

Сан Саныч и Евгений подолгу в свободное время стали пропадать у компьютера, да и в остальные часы их часто можно было встретить в состоянии задумчивости. Но какими-либо результатами они похвастать не могли.

Ася первая вспомнила про “дни рабства” и частенько Сан Саныча отвлекала. Иногда даже, в дни своего владычества, чтобы спокойно поработать, он объявлял себя неприкасаемым.

И вот однажды, именно в такой день, когда никто не мешал сосредоточиться, Сан Саныч и Евгений пришли к заключению, что, во-первых, процесс расчистки атмосферы и выхода Земли из состояния “чёрной зимы” идёт гораздо быстрее, чем это должно быть по физическим законам, и, во-вторых, что этот процесс жёстко связан с движением Луны и её фазами. Физическая сущность этой связи была непонятна, необъяснима. Было также непонятно, что именно является причиной плохого самочувствия людей. Изменения условий на Земле, наведённые Луной, или непосредственно влияние Луны?

Простое объяснение Аси не укладывалось в рамки существующих теорий, но начинало казаться правдоподобным.

Вскоре произошла первая серьёзная и неприятная поломка. Застучал, задымил и остановился малый вспомогач. Пришлось запустить большой, сорокакиловаттный. Расход солярки увеличился не менее чем вдвое, а в корабле стало просто жарко. Пришлось не только усилить вентиляцию и повозиться с расширением сети фильтрационных каналов, но и соорудить дополнительный теплообменник подо льдом. Самое неприятное, что корабль наполнился грохотом от мощного дизеля, установленного на жёстком фундаменте, передававшем все вибрации на корпус.

Капитану совершенно не нравилось, что мощный выхлоп дизеля и увеличившийся поток тёплого воздуха из вентиляции демаскируют крепость. Он говорил, что теперь по крепости вполне успешно можно стрелять ракетами с тепловым наведением. Поэтому он приказал соорудить длинный туннель с лабиринтом для охлаждения и отвода газов в сторону, а сам с помощью Юры приступил к разборке и ремонту вспомогача.

Глава 18

Славко спасается бегством

В сооружении нового лабиринта принимали участие все мужчины. На всякий случай он мог служить и как потайной выход, и как вынесенная огневая позиция. Играть в снежные крепости – так играть! Пилили и складывали ледяные глыбы, выглаживали скребками, поливали их водой.

Вдруг совсем близко послышался рокот мотора, лязганье стальных дверей. Посветили прожектором. Машина быстро удалялась, а к крепости, медленно пошатываясь, шли два увешанных оружием солдата. Они открыли огонь. Яркие трассы пуль рассыпались словно метеорный дождь. Застигнутые врасплох, наши попрыгали кто куда и залегли за ледяными глыбами, осыпаемые фонтанами осколков.

Вахтенный Евгений открыл ответный огонь. Славко и Сан Саныч выхватили пистолеты. Было видно, как пули взрывали одежду нападавших, но те всё шли вперёд.

Подпустив одного из них поближе, Славко в диком кошачьем прыжке выстрелил ему прямо в лицо, еле увернувшись кубарем от ответной очереди. В ярком луче прожектора было видно, что у нападавшего вместо носа образовалась страшная чёрная дыра, но он шёл, шёл!.. полосая из автомата глыбу льда, за которой прятался Славко.

Второй нападавший плотным огнём прижал Евгения ко льду, уже взбирался на крепость. В рядах оборонявшихся возникли замешательство и растерянность.

Выскочил капитан и с криком: “Это зомби... Зомби!” – бросился к танку, мгновенно развернул башню и бабахнул в нападавшего внизу. Мимо. Плотной струёй пороховых газов того всё же сбило с ног. Воспользовавшись этим, Славко выскочил из-за рассечённой глыбы и зигзагами что есть мочи бросился к крепости, нырнул в недоделанный проход лабиринта. Зомби поднялся и последовал за ним, швырнув в танк пару гранат.

В крепости поднялась паника. Славко схватил гранатомёт и выскочил наверх. На бруствере он неожиданно для себя лицом к лицу столкнулся с нападавшим и встретился с ним взглядом. Его словно поразила молния. Славко дрогнул, лихорадочно выстрелил, промахнулся, бросился бежать, получив в спину, в бронежилет, несколько пуль.

Зомби были в крепости.

Сан Саныч и капитан, прикрывая друг друга, вскарабкались на ледяную стену, но зомби были уже где-то внутри. Капитан открыл люк вниз, и оба прыгнули внутрь корабля, наглухо задрав люк. По кораблю раздавались мощные удары. В боковую дверь рубки ломился один из нападавших, прошил её несколькими очередями, но дверь держала.

Схватив автоматы, капитан и Сан Саныч полосанули по нападавшему через дверь, но это его не остановило, он просунул сквозь дыры руку и попытался открыть изнутри.

– Удержи его, я секунду! – капитан стремглав бросился в свою каюту.

Еле подавляя в себе ледяной ужас, стараясь не поднимать глаз, Сан Саныч стал бить по руке прикладом, не давая зацепить рукоять. Нападавший издавал ужасные захлёбывающиеся звуки, второй рукой отгибал рваный металл. Прodelав достаточное отверстие, потянулся к гранате. Сан Саныч очередь вышиб её из его рук. Тут подскочил капитан с каким-то предметом в руке, напоминавшем зажигалку, и обдал нападавшего через дверь огненной струёй, ещё и ещё... На том вспыхнула одежда и кожа на лице. Но это лишь придало зомби проворности. Он пустился искать укатившуюся гранату.

– Током! Его надо током! – заорал Сан Саныч.

Друзья бросились в машинное отделение разматывать и подключать провода. Руки не слушались от нервной дрожи. Наконец подключили, рванули в рубку. Зомби всё ещё пытался

дотянуться до гранаты, застрявшей между корпусом и льдом. Дверь заклинило. В обход – не хватит проводов.

– Мы здесь! – что есть мочи закричал Сан Саныч.

Зомби вскочил, бросился к двери, его одежда тлела, глаза вышли из орбит, с лица свисали лоскуты дымящейся кожи. Капитан и Сан Саныч в ужасе отшатнулись. Сквозь дыру просунулась страшная рука и со свистом рассекла воздух огромным кинжалом. Пересилив страх, друзья набросили провода на руку. Посыпался сноп искр. Зомби дёрнулся, выронил кинжал. Капитан дико закричал, рванулся и ткнул ему провода в глаз и шею. Раздался сильный хлопок... сноп искр... зомби скрючился, повис на двери, голова его задымилась, обуглилась и вспыхнула. В корабле погас свет. Капитан ещё раз обдал нападавшего пламенем из своей зажигалки, превратив в горящий факел. Ноги и руки нападавшего задёргались. Сан Саныч выстрелил ему в голову, она рассыпалась на куски, тело рухнуло, продолжая шевелиться.

Дизель-генератор медленно останавливался. Где-то внутри крепости ещё раздавались крики, гремели выстрелы, но и они вскоре стихли.

Тускло зажглось аварийное освещение от аккумуляторов. В рубку ввалились Славко, Евгений и Андрей. Их била дрожь, лица и руки в крови.

– Где второй? – еле выговорил капитан.

– Провалился в колодец, иначе вряд ли бы мы унесли ноги, – пролепетал Евгений.

– Позор мне! Я впервые удирал от врага. Как заяц, – с неподдельной горечью и стыдом произнёс Славко. Губы его дрожали.

– Да, к такому кошмару мы не были готовы! – сокрушался капитан. – Хорошо нас угостили.

Сильно пахло гарью. Из машинного отделения выскочил Юра:

– Вспыхнул щит генератора. Еле погасил. Агрегат вышел из строя.

– Зомби надо вытащить, он нам всё отравит... или пустить на дно, – сказал Славко. – Все раны немедленно дезинфицировать!

Капитан, Сан Саныч и Юра, как наименее пострадавшие, направились к колодцу.

Разбрасывая вокруг грязную жидкость из многочисленных ран, зомби пытался выбраться, всё время срываясь с гладких ледяных стенок. Почувствовав подошедших, выхватил пистолет и сделал несколько выстрелов, попав капитану в бронежилет.

– Чёрт! Мы совсем уже очумели, потеряли всякую осторожность, – выдавил капитан. От удара у него перехватило дыхание. – Дайте гранату!

Взрывом разнесло колодец, прошибло дыру в потолке галереи, разорвало на куски всю верхнюю половину зомби. Ноги продолжали барахтаться в воде.

Выставив наблюдателем Юру, капитан объявил отбой, все спустились вниз, к до полу-смерти перепуганным женщинам.

– Этот чёртов генератор нас подвёл. Никто не услышал грузовика, даже собаки, – сказал капитан и в изнеможении рухнул на койку.

Несколько часов никто из мужчин не мог подняться. Всех, кроме Юры, била нервная дрожь. Капитан, Славко, Евгений и Андрей через бронежилеты получили огромные кровавые синяки от пуль. У троих последних осколками льда были до крови иссечены лица и руки.

– Просто чудом никто из нас серьёзно не пострадал! – удивлялся капитан.

Женщины обмыли и обработали раны. Сан Саныч запустил третий, автономный бензогенератор и восстановил освещение. Однако теперь корабль не отапливался, заметно начал выхолаживаться. С трудом поднявшись – ломило грудь – капитан запустил один главный двигатель, чтобы не разморозить остальные движки и поддержать тепло хотя бы в машинном отделении. С помощью душевого бака и шлангов устроили обогрев капитанской каюты, соседствующей с машинным отсеком. В ней, достаточно просторной, временно разместили женщин и карапуза. Мужчины спали между “грядок” рядом с тёплыми дизелями. Малый вспомогач уда-

лось починить, хотя и пришлось разобрать дизель большого генератора и взять необходимые детали. Обычное функционирование крепости было восстановлено.

* * *

Славко был врачом-универсалом. Богатая практика военной и мирной жизни. Он знал о зомби, знал об относительно успешных опытах, проводившихся ещё в гитлеровской Германии. Его коллеги, много разъезжавшие по свету, иногда рассказывали о подобных секретных работах в США, Англии и СССР. Слышал он и о так называемых големах, оживлённых без души. Ему даже доводилось участвовать в опытах, проводимых на животных, но он не придавал тогда этому какого-либо практического значения, а уж тем более не представлял столь ужасного эффекта.

Мужчины на корабле только и говорили теперь об этом феномене. Капитана же беспокоила безопасность крепости. Задачей было в корне укрепить оборону. Мышцы зомби, как и людей, управляются электрическими сигналами. Поэтому капитан, в первую очередь, восстановил систему высоковольтной защиты, с помощью которой он в одно мгновение расправился с бандитами в Крыму, вывел её на наружную часть крепости. По его эскизам Сан Саныч, Юра и Евгений, собрали несколько индивидуальных электропарализаторов для ближнего боя.

На танковую пушку с устаревшей системой наводки установили лазерный винтовочный прицел для снайперской стрельбы. Место, куда попадёт снаряд, теперь с высокой точностью указывала яркая красная метка.

Соорудили два мощных огнемёта на бензине с добавлением тёртого мыла, чтобы горячая смесь прилипала к одежде и телу, не стекала с брони.

Затем капитан продемонстрировал одну из своих разработок. На ствол пневматического пистолета надевалась цилиндрическая приставка с питанием от батареек. В ней создавался мощный высоковольтный заряд. Как пояснил капитан, она работала по принципу расщепления электронов. Когда заряд “созревал”, загоралась лампочка как на фотовспышке, можно было стрелять. При выстреле из приставки вырывалась самая настоящая шаровая молния. С большой скоростью она летела вслед за пулькой метров на десять-пятнадцать. Затем она отклонялась случайным образом.

– Ого! Вот это да! Настоящий бластер из фантастических романов, – оживились Сан Саныч и Евгений, зачитывавшиеся в своё время “Туманностью Андромеды” и другими произведениями фантастов.

– Только дальность стрельбы пока маловата, но я ещё с лазером поработаю, – сказал капитан. – Вдоль ионизированного канала, создаваемого лазерным лучом, молния летит отлично. – И он достал совершенно необычайное оружие.

– Я, кажется, попал в следующий век! – воскликнул Славко.

– Этот пистолет сам по себе подобен опытной западногерманской лазерной винтовке “Дейзи”, довольно устаревшей. Всё дело в приставке... – увлеклся капитан.

Лекция растянулась часа на два. После лекции капитан продемонстрировал бластер в действии. Пневматический пистолет с приставкой со страшным грохотом разнёс ледяную глыбу в человеческий рост.

– А лазерный! – просили все.

– Этот не могу. Из него можно стрелять только в специальном защитном шлеме и непроницаемой одежде. Иначе ослепнешь, а стоящие рядом вообще могут получить смертельный импульс. Над этим пистолетом надо поработать.

Над укреплением обороны трудились день и ночь, которые ещё пока не различались темнотой. Стены крепости сделали более крутыми и выгладили. Не так-то просто стало на них забраться. Маскировка под горку льда была уже не нужна.

Юра предложил соорудить из грузовика “адскую мясорубку”, приладив спереди пропеллер из заточенных стальных пластин. Хоть идея и была отвергнута, но за неё ухватился Евгений:

– А что, у нас же есть классные мечи, хоть и бутафорские, но стальные! Так, прихватил на всякий случай. Купил как-то для антуража. Висели в кабинете на стенке. Я буду ими орудовать не хуже адской мясорубки!

С этого момента он и Сан Саныч стали тренироваться. Особенно здорово получалось у Евгения.

– А ну-ка, дайте попробовать, – как-то подойдя к ним, попросил капитан.

Он вытащил меч из ножен, немного повертел в руке, вложил обратно.

– Подбросьте-ка вот хотя бы эту стреляную гильзу, – предложил он.

Евгений подбросил гильзу. Она ещё летела вверх, только оторвалась от его руки, как с резким свистом в воздухе мелькнула молния. Гильза разлетелась надвое. Друзья, обомлевшие, уставились на капитана. Его меч уже покоился в ножнах!

– Я думаю, сначала им надо отрубить руки, чтобы не могли стрелять, рубить и прочее. Потом головы, – сказал он.

Затем, без лишних пояснений, он показал куклу, с помощью которой расправился с кучей боевиков. Все только покачивали головами.

Капитан в другое время конечно не стал бы выдавать эти свои маленькие секреты, но нужно было поддержать бойцов после перенесённого шока. Да и сам он подбадривал себя, пытался создать настроение “ай да мы!”.

Славко готовился по-своему. Он сохранил несколько фрагментов тканей зомби, вытасканных и дотла сожжённых в яме, изучал их под микроскопом, делал всевозможные анализы. Он хотел создать зомби-собак для обороны от зомби-людей. Когда для опыта было всё готово, он посвятил остальных, и капитан дал “добро”.

Самую больную из собак посадили на толстенную цепь, накормили досыта. Славко ввёл ей первый препарат, подготавливающий. Если теперь собаку убить, она после смерти превратится в зомби. Но пока собака будет жить, как выразился он, почти как ни в чём ни бывало. Славко разработал второй препарат, который при введённом первом убивал, превращая животное в зомби, и ещё осуществлял биокоррекцию, чтобы ткани распались медленнее. Пространные, туманные пояснения Славко были нашим технарям непонятны.

Через некоторое время ввели второй препарат и разозлили собаку – дали “вводную”. Ласковая, больная, она на глазах у всех превратилась в чудовище. Рвалась с неистовой силой, стонала, хрипела, перекусила брошенный ей обрезок стальной трубы. Взгляд её невозможно было выдержать. Услышав эти раздирающие душу звуки, остальные собаки, поджав хвосты, забились в свои щели.

Удар электропарализатора, убивающий человека наповал, нейтрализовал её лишь на короткое время. Выстрел в голову выбил ей мозги, но не остановил. Долго длился этот чудовищный и жестокий, но необходимый эксперимент. Точку поставил бластер.

Другой больной собаке ввели подготавливающий препарат.

Капитан просил ничего не рассказывать женщинам.

На случай нападения Славко выдал всем по пакету порошка:

– Это “Антизомбин”, обычное сильное тонизирующее, чтобы меньше дрожали коленки.

Капитан наотрез отказался, но другим посоветовал пакетики держать при себе.

– Горячими бойцами должен командовать холодный ум, – сказал он.

* * *

Самым лучшим лекарством от всех болезней и душевных расстройств стало для Сан Саныча общение с малышом. Он спустился в свою каюту. Ася читала. Малыш сидел на койке, сам развлекал себя, внимательно рассматривал яркую коробочку из-под чая, вертел её в неловких ещё ручонках. Увидев отца, с серьёзным видом замотал ручками из стороны в стороны:

– Аба, бк-х!

– Аба бых! Аба бых! – весело потрепал его Сан Саныч. Но малыш, обычно всегда готовый к закатиному смеху, сейчас почему-то не понял веселья Сан Саныча.

– Устал? – озаботилась Ася. – Труженик мой. Как я счастлива, что с тобой. А теперь мы втроём! А знаешь, ты ведь давно мне нравился, когда я ещё совсем девчонкой была, такой спокойный, вежливый... Ты был намного старше, совсем меня не замечал, не замечал моих ненавязчивых девчоночьих ухаживаний и вздохов. Долго моя жизнь текла как-то в холостую. После двадцати двух я вообще беситься начала, в рокеры подалась. Но когда ты открыл комету и назвал моим именем, значит, не погибло что-то, зароненное мною в твоей душе, я поняла, это судьба. Час мой пробил...

Сан Саныч нежно обнял Асю, тоже думая, какой он счастливый.

* * *

Капитан ждал нового нападения. Он был уверен, что кто-то со стороны наблюдал прошлые события и видел тот шухер, который всего лишь вдвоём навели эти живые мертвецы. Наверняка главный враг готовит более серьёзный подарок. Либо он бросит солдат, которые превратятся потом в зомби. Но тогда их надо или сразу уничтожить в пыль, или не убивать, а как-то выводить из строя. Либо уж он поднакопит материал для зомби и привезёт их целый воз. Скорее второе, поскольку люди и зомби рядом воевать не смогут. Значит, надо готовиться к массовой атаке зомби, стеречь крепкий железный фургон, который их привезёт. И не выдавать свои “главные калибры”, потому что поблизости будет наблюдатель, который как раз это и хочет выяснить. Наблюдатель сидит где-то на границе действия наших прожекторов, значит, километрах в четырёх-пяти. Оттуда в подзорную трубу он достаточно прилично всё видит. “Да, хотел бы я увидеть этого человека, главного врага. Он далеко не глуп, но слишком жесток и прямолинеен”, – думал капитан.

Зомби будут уничтожены, он не сомневался. Надо было только как-то убрать наблюдателя, поставив врага в тупик. “Соорудить “большое ухо” и обслушивать горизонт, тогда есть шанс обнаружить и наблюдателя. Пешком он уж точно не придёт”, – рассуждал капитан. На Асины способности и помощь он надеялся, но доверял только технике.

На корабле был действующий локатор, и уж джип-то, да и снегоход, он наверняка бы засёк в ледяной пустыне. Но такой локатор легко обнаружить даже по щелчкам в автомобильном приёмнике и поставить помеху электросваркой.

Главный враг не дал капитану подготовиться. Арна и вахтенный услышали звук моторов, приближающихся всё с того же направления.

– Ого, нас явно недооценивают, или едут по своим следам, боясь заплутать. Ну что ж, покажем им светопредставление! – нарочито весело воскликнул капитан, поднимая людей.

Примерно на расстоянии в километр машины осветили прожектором. Фургон и снегоход. Капитан прицелился в фургон из танка и первым же снарядом разнёс ему кабину:

– Пусть зомби пройдутся!

Действительно, из разбитого фургона вывалились с десяток солдат и побрели к крепости. Вторым выстрелом капитан опрокинул снегоход, приказал Андрею светить самым мощным прожектором по сторонам и смотреть в подзорную трубу. Но тот ничего другого не обнаружил.

Солдаты лениво рассыпались в цепь, издалека открыли ураганный огонь. Их было одиннадцать.

– Не берегут патронов! Подойдут пустыми, – заметил Славко.

Но тут в сторону крепости полетели и со страшным треском стали рваться ружейные гранаты.

– Эти зомби не совсем дураки, – проговорил Славко, отползая поглубже в укрытие.

Зарывкали гранатомёты. Капитан снова бабахнул из танка, разнеся в куски одного из нападавших с гранатомётом. Через несколько секунд разнёс ещё одного.

– Во, даёт! – сквозь грохот пальбы прокричал Евгений, смакуя “Антизомбин”, – наш кэп – снайпер крупного калибра!

Гранатомётчики сосредоточили огонь на танке. Несколько прямых попаданий! Славко пустил собаку. Со страшным хриплым рыком, перекрывающим шум, она бросилась на врага, быстро настигнув ближайшего, разорвала ему горло. Солдат упал, но поднялся, голова его неестественно свисала – словно рюкзак за спиной. Собака бросилась на второго, внесла некоторое замешательство в ряды наступавших.

“То, что нужно капитану, чтобы удрать из танка”, – не успел подумать Славко, как капитан появился рядом.

Двое зомби схватили собаку и разорвали на части. Прицельный огонь снова прижал оборонявшихся ко льду, не давая поднять головы.

– Ого, становится жарковато, эти покруче первых, всем быстро в корабль, задрать люки! – скомандовал капитан, доставая куклу. Как только захлопнулись люки, он закрыл забрало на шлеме и лишь на мгновение выставил руку с куклой над бруствером – боялся лавины пуль. Снова чудовищная вспышка разорвала темноту. Глаза передних нападавших взорвались в глазницах, задних – мгновенно побелели. Картина боя сразу переменялась. Зомби не остановились, но ослепли. Огонь рассеялся, некоторые стали уклоняться в сторону. Капитан пробрался на фланг крепости и, не высываясь, пустил несколько длинных очередей. Зомби повернули на него. Он мгновенно перебрался на другой край, сделал то же самое. Некоторые опять развернулись. До нападавших ещё оставалось метров семьдесят. Далекое для огнемётов и прочего. Нападавшие рассыпались, замедлили шаг. Капитану показалось, что он услышал, как они переговариваются. По спине его пробежал озноб. Он стремглав бросился к танку. Башню пробило в двух местах, прицел сорвало. Навёл через дуло. Под ноги двоим. Выстрелил. Одного отбросило далеко в сторону, другого разорвало пополам. Мгновенно вынырнул из танка в крепость. Зомби устремились на танк. Сердце бешено колотилось. Пора звать остальных. Постучал в люк:

– За работу, мужики!

Уже волновавшиеся за капитана, подогретые антизомбином, но не осмелившиеся нарушить приказ, бойцы лихо выпорхнули наверх. Огонь нападавших утих, их оставалось семеро.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.